

"АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ": С БУДУЩИМ В КОНФЛИКТЕ

Под общей редакцией
доктора юридических наук
Г. Х. Шахназарова

Москва
ПРОГРЕСС
1984

Составление, перевод и комментарии П. В. Гладкова,
А. В. Кортунова, А. И. Никитина
Редактор Э. В. Расшивалова

Редакция литературы по международным отношениям

© «Прогресс», 1984

А $\frac{0804000000-188}{006(01)-84}$ —КБ-41-9-83

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сборник предлагаемый вниманию читателей,— первый из серии «США 80-х: взгляд изнутри». Его материалы дают общее представление о том, как американская общественно-политическая мысль оценивает сегодня внутреннее положение в стране, роль США на международной арене и перспективы их развития. Последующие выпуски предполагается посвятить отдельным аспектам жизни Соединенных Штатов.

За последние годы в СССР издано много работ, содержащих марксистско-ленинский анализ различных сторон американской действительности, внутренней и внешней политики США*. Особый интерес представляет для нас, конечно, точка зрения самих американцев —

* Среди них можно назвать: Глобальная стратегия США в условиях научно-технической революции.— М., 1979; Современное политическое сознание в США.— М., 1980; Петровский В. Ф. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США.— М., 1980; Кокошин А. А. США: за фасадом глобальной политики.— М., 1981.

ученых, политических деятелей, публицистов и журналистов. Отражая позиции и настроения различных социальных слоев, в том числе правящей элиты, они активно влияют на формирование общественного мнения, на подход к проблемам, с которыми сталкивается сегодня крупнейшая империалистическая держава.

Авторы, представленные в этом сборнике, люди различной политической ориентации — традиционные консерваторы и либералы, выразители более радикальных, прогрессивных взглядов. Одни оценивают будущее своей страны и мира оптимистично, другие настроены мрачно. Составители при отборе материалов стремились отразить это разнообразие точек зрения, чтобы показать ту полемику, открытую или завуалированную, которая ведется на страницах американской научной литературы и в периодической прессе по коренным проблемам жизни страны и обстановки в мире.

Разделы сборника сопровождаются лаконичным комментарием, а для иллюстрации тех или иных тезисов приводятся фактические данные, взятые из американских источников. Это избавляет от необходимости подробно характеризовать здесь существо затрагиваемых вопросов.

Ограничимся тремя пояснениями. Во-первых, свидетельства трезвомыслящих американцев убедительно опровергают апологетический миф о США, как «государстве всеобщего благоденствия», воплощении «американской мечты», образце демократии и тому подобном. Из материалов сборника складывается пусть неполная, но достаточно четкая картина общества, пораженного множеством социальных недугов. Это депрессивное состояние экономики,

вопиющая несправедливость в распределении доходов, хищническое отношение к природным ресурсам, расовое и национальное неравенство, разгул преступности, коррумпированность государственного аппарата и многое другое.

Во-вторых, обнаруживается неспособность буржуазной теоретической мысли выработать концепцию преодоления трудностей и противоречий, раздирающих современное капиталистическое общество. Американские авторы, довольно остро критикующие те или иные пороки этого общества, либо вообще уходят от ответа на вопрос: «что делать?», либо ограничиваются рекомендациями о необходимости частных реформ, не затрагивающих существа системы и потому не способных повернуть ход событий в другое русло. Что же касается футурологов-глобалистов, то они по-прежнему уповают на то, что прогресс науки и техники сам по себе обеспечит исцеление капиталистической системы от хронического общего кризиса и придаст ей «второе дыхание».

И последнее. США, как экономический и военно-политический лидер буржуазного мира, оказывают значительное влияние на ход международных дел. Но важно отметить, что среди американских теоретиков, мыслящих глобальными масштабами и рассматривающих будущее своей страны в увязке с перспективами мирового развития, все больше таких, кто призывает считаться с реальностями эпохи, ответственной подходить к насущным для всего человечества проблемам сохранения мира и налаживания международного сотрудничества. Конечно, в США нет недостатка в «ястребах», мечтающих железной пятой утвердить «Рах-Американа» и

размахивающих ядерным оружием. Но голоса способных рассуждать здраво звучат все более настойчиво, и правящие круги США не могут с этим не считаться.

*Президент Советской
ассоциации политических наук
Г. Шахназаров*

Раздел I

ИЛЛЮЗИИ

«НЕОГРАНИЧЕННОГО РОСТА»

Десять лет назад, выступая на конференции Белого дома «Промышленный мир будущего», президент США Р. Никсон рассказал притчу о трех людях, которые, оказавшись на необитаемом острове, неожиданно увидели, что прямо на них движется огромная волна. Один решил посвятить оставшееся до неминуемой гибели время развлечениям. Другой — молитвам. А третий

стал изыскивать способ дышать под водой. Этим третьим, заметил Никсон, был, вероятно, американский бизнесмен. «Никогда раньше упорный, ищущий, устремленный в будущее взгляд не был столь необходим для нас,— подчеркнул Никсон.— Мы не можем по-настоящему планировать сегодняшний мир, не составив себе полной картины мира будущего. Мы должны спросить у себя, по какому пути идет человечество, что мы, как нация, должны сделать, чтобы повлиять на движение истории, какими нам надо быть, чтобы изменить жизнь наших детей и мир будущего?»

Перед волной гигантских по своим масштабам научно-технических, экономических и социальных сдвигов, не имеющих прецедентов в прошлом, приближение которых уже сегодня явственно ощущается на Западе, американский капитализм делает отчаянные попытки научиться «дышать под водой», подготовиться к встрече с завтрашним днем. Предчувствие неотвратимых перемен заставляет американских теоретиков всерьез задуматься над будущим своей страны, как и над будущим всего человечества. Ведь сегодня уже недостаточно ограничиваться частными экстраполяциями и локальными прогнозами — глубокая взаимозависимость глобальных экономических, социальных, политических и культурных процессов неизбежно требует комплексных подходов к исследованию будущего. Именно такую задачу и ставят перед собой известные футурологи Джерард О'Нейлл, Элвин Тоффлер, Дэниел Белл, Герман Кан и Джон Фелпс, работы которых открывают этот раздел.

Джерард О'Нейлл

**АМЕРИКА И МИР
ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ**

(«ЮС ньюс энд Уорлд рипорт», 3 августа 1981 г.)

Дж. О'Нейлл — профессор физики высоких энергий в Принстонском университете, известный американский футуролог.

Развитие мира в ближайшие сто лет будет осуществляться в пяти направлениях: компьютеризация, автоматизация, создание колоний в космосе, новых источников энергии и новых средств связи. Все они способны значительно изменить жизнь людей. И хотя сегодня они находятся на ранней стадии развития, ни одна из этих сфер не потребует для своего быстрого роста новых фундаментальных научных открытий.

Колонии в космосе кажутся сегодня, пожалуй, наиболее фантастичными, но через сто лет они, наверняка, будут существовать — и появятся даже раньше, чем можно предположить. Соствязание между различными странами ускорит их создание. Советский Союз, Соединенные Штаты, Западная Европа, Япония и Китай — все они уже сейчас имеют долгосрочные космические программы; есть и частные проекты освоения космоса. Технология создания космической колонии не намного сложнее, чем приложение к космическому пространству достижений технологии крупного судостроения. К 2081 году 200 млн. человек будут совершать повседневные, обычные путешествия в космос

из года в год. Какая-то часть землян, возможно, будет постоянно жить в космосе и лишь изредка навещать родную планету.

Риск путешествий к космическим колониям и обратно будет значительно меньшим, чем те опасности, с которыми сталкивались наши предки, осваивавшие Запад Соединенных Штатов в XIX веке. Космические корабли, совершающие рейсы к поясу астероидов между Марсом и Юпитером, будут летать со скоростью порядка 480 км в секунду. Для сравнения можно сказать, что корабли «Аполлон», возвращавшиеся от Луны, двигались со скоростью менее 10 км в секунду.

Что касается связи с Землей, то, скажем, молодая пара в космической колонии, у которой родился ребенок, сможет немедленно известить об этом событии своих родителей, послав на Землю голограмму — в цвете и со звуком, и адресат получит ее в течение нескольких минут.

Колонии, видимо, будут располагаться группами, чтобы облегчить связь между ними. Они смогут располагаться почти где угодно в пределах Солнечной системы при одном условии: не находиться в тени какой-нибудь планеты. Энергия будет вырабатываться из солнечного света, собираемого тонкими, как паутина, алюминиевыми панелями-«зеркалами», использование которых в энергетических целях будет вполне эффективным. Колонии, очевидно, будут представлять собой сооружения около мили (1,6 км) в окружности и, наверное, будут построены из алюминия — химического элемента, в изобилии имеющегося на Луне и астероидах. Атмосфера в них будет подобна земной, а путем их вращения вокруг своей оси может быть создана и нор-

мальная земная гравитация. Это даст возможность выращивать там те же травы, деревья, цветы и сельскохозяйственные культуры, что и на Земле.

Дешевле создавать много небольших колоний, чем одну огромную, поэтому эти сооружения, небольшие по размерам и простые в управлении, видимо, будут рассредоточены в пространстве, им не потребуется тесная связь с каким-то крупным, удаленным от них бюрократическим аппаратом. Этот опыт может быть использован и землянами. Децентрализация по типу космических колоний, возможно, будет широко распространена в будущем веке и на Земле. В целом наиболее позитивным следствием этого этапа технической революции будет сокращение размеров человеческих сообществ. Это означает, что все институты человечества смогут действовать эффективнее, ибо они функционируют гораздо разумнее с меньшим числом людей. Группы в 10 тыс. человек, например, могут великолепно прожить без войн и высокого уровня преступности. Лишь когда речь идет о миллионах, появляются такие проблемы, как преступность и обезличивание человека.

Тенденция к децентрализации повлечет за собой на Земле процесс переселения из крупных городских центров в сравнительно небольшие. В этих городах под раздвижными крышами, закрывающимися в плохую погоду и открывающимися в хорошие дни, станет возможным достичь наиболее комфортных условий жизни с искусственным климатом. Так что жители смогут заниматься легкой атлетикой или велосипедным спортом в любое время года.

Многие в этих городах смогут работать дома,

пользуясь достижениями техники связи. У них будут удобные рабочие кабинеты с главным элементом — пультом компьютерного терминала. Передача информации при помощи электронных средств будет производиться гораздо эффективнее, чем это делается сейчас посредством посылных или почты. Работая дома, гораздо легче поддерживать равновесие между общественными и семейными обязанностями. Мать и отец смогут не беспокоиться за своего ребенка, постоянно находясь дома. Они прервут работу, когда малыш заплачет, и возвратятся к ней, когда ребенок заснет.

Люди будут работать по 18 часов в неделю вместо теперешних 35 или 40. Укороченная рабочая неделя сможет обеспечить занятость большей части населения. У людей будет больше свободного времени и возможностей участвовать в работе добровольных объединений, клубов, общественных организаций, которые станут гораздо активнее, чем сейчас. Многие смогут отдаться хобби или занятиям спортом наравне с основной работой. Облегчатся путешествия, и люди станут активно общаться друг с другом, невзирая на большие расстояния. Например, семья, живущая в Чикаго, сможет совершить за полчаса поездку в Нью-Йорк. Обед с друзьями в другом городе или поход в театр и возвращение домой станут будничным делом.

Новые виды транспорта превратят теперешние длительные поездки в весьма краткие. Люди будут путешествовать в вагонах, движущихся в вакууме по подземным трубопроводам. Такие системы могут создаваться без нанесения колоссального ущерба земельным массивам, как это происходит сейчас при строительстве шоссейных

дорог. Они не будут губить природу, исчезнут ударные звуковые волны, возникающие, когда реактивный самолет преодолевает звуковой барьер, эффективность использования энергии значительно возрастет. Скорости будут превышать скорость звука. Железнодорожные вагоны будут двигаться в «плавающем» положении за счет использования магнитного поля, а скорости позволят совершать поездку от Нью-Йорка до Вашингтона за 14 минут.

Научная основа «плавающих» рельсовых систем существует уже 100 лет. Они разрабатывались в США до 1974 года, когда и без того скудное государственное финансирование прекратилось. Но западные немцы и японцы продолжают исследования в этом направлении. Я ездил в вагоне, работающем по принципу движения в магнитном поле в Японии. Скорости достигали 100—130 км в час, и вагон не соприкасался с землей.

Через сто лет у людей, как и сегодня, будут автомобили, семейные самолеты и другие средства передвижения. Все они будут управляться компьютерами, действующими по голосовым командам. Исчезнут пробки на дорогах, когда людям приходится следить и за габаритными огнями машин впереди, и за фарами движущихся навстречу автомобилей. Через 100 лет общий уровень благосостояния возрастет и приведет к большей заботе о природе. Поэтому вся транспортная техника будет щадить окружающую среду.

Нарисованная мной картина завтрашнего дня не предполагает основополагающих социальных перемен. По-прежнему будут существовать разные страны — и будут вестись войны. Но

грандиозные технические свершения, начавшиеся на ранней стадии промышленной революции, продолжатся и в ближайшие 100 лет. Возможно это движение вперед пойдет без рывков, без кардинальных открытий. Однако учитывая, что предпосылки, которые сделают возможными эти перемены, уже созрели, полагаю, что грядущее будет в целом таким, каким я его предсказал.

«...Проблема безопасности для человечества, привязанного к Земле, практически неразрешима. Как можно ожидать вечного продолжения жизни на нашей незащищенной планете с ее смертоносными вооружениями, которые растут год от года и распространяются по всем уголкам земного шара? В мире, оцетинившемся водородными бомбами, мы сможем прожить, если нам повезет, еще несколько столетий. Но я не верю, что у человечества есть шансы просуществовать еще десять тысяч лет, если мы так и застрянем на этой планете.

Человеческий род сделался бы неуязвим, если бы значительное число людей смогло переселиться в удаленные части Солнечной системы. Разумеется, и в этом случае ядерное уничтожение жизни на Земле оказалось бы кошмарной трагедией, при которой погибло

бы 99 процентов человечества. Но один процент — те, которые рассеялись в космосе,— остался бы жив. Им бы выпала доля свершить то, что не успели мы. Возможно, некоторые из них, после того как радиоактивность спадет, возвратились бы обратно, чтобы вновь заселить Землю.»

Фримен Дайсон, физик-теоретик, профессор Принстонского института перспективных исследований

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

(Из книги «Глобально мысля, локально действуя...»,
Оттава, 1980 г.)

Д. Белл — профессор социологии Гарвардского университета. Автор широко известных книг «Становление постиндустриального общества», «Конец идеологии», «Культурные противоречия капитализма».

Термин «постиндустриальное общество» соотносится с «доиндустриальным» и «индустриальным». Доиндустриальное общество в основном добывающее, его экономика основана на сельском хозяйстве, добыче угля, энергии, газа, рыболовстве, лесной промышленности. Индустриальное общество — в первую очередь обрабатывающее, в котором энергия и машинная технология используются для производства товаров. Постиндустриальное общество — это организм, в котором телекоммуникации и компьютеры выполняют основную роль в производстве и обмене информацией и знаниями.

Если индустриальное общество основано на машинном производстве, то постиндустриальное общество характеризуется интеллектуальным производством. И если капитал и труд являются главными структурными чертами индустриального общества, то информация и знания являются таковыми для постиндустриального общества. По этой причине социальная организация постиндустриального общества резко отличается от индустриального, в чем можно

убедиться, сопоставляя экономические особенности каждого из них.

Продукция индустриального общества производится отдельными, четко идентифицированными единицами, она обменивается и продается, потребляется и изнашивается как кусок ткани или автомобиль. Человек покупает у продавца какой-то продукт и вступает в физическое обладание им. Обмен регулируется специальными юридическими законами. Что касается информации и знаний, то они физически не потребляются и не изнашиваются. Знание — это социальный продукт и вопрос о его стоимости, цене или ценности в значительной степени решается по-иному, чем в индустриальном обществе.

Знание, даже если оно продается, остается с его производителем. Это «коллективный товар» с той точки зрения, что, будучи произведено, оно по своему характеру становится достоянием всех. Получается, что для отдельного индивида или предприятия платить за производство определенного знания невыгодно, поскольку они не могут добиться исключительного права на владение — типа патента или авторского свидетельства. Патенты во все возрастающей степени перестают гарантировать исключительность, а авторское право также теряет свое значение в связи с широким распространением копировальной техники, когда не ксероксе можно скопировать любую страницу любой книги, а на магнитофон и видеоманитофон записать любую передачу или фильм.

А поскольку у отдельных индивидов и частных предприятий остается все меньше побудительных мотивов производить знание без соот-

17

ветствующего вознаграждения, то необходимость гарантировать определенную цену все больше падает на те или иные социальные институты — будь то университеты или правительство. В отсутствие рыночного механизма цен, на экономическую теорию падает задача выработки социально оптимальной политики вкладов в производство знания (сколько денег должно быть затрачено на фундаментальные исследования, какие дотации должны даваться на образование и в каких сферах, как определять цену информации для ее потребителей и т. д.).

В более узком, техническом смысле главной проблемой постиндустриального общества будет создание соответствующей «инфраструктуры» для развития коммуникационных сетей, информационных технологий, которые свяжут общество воедино. Первая инфраструктура общества — это транспорт для движения людей и товаров. Второй инфраструктурой исторически явились средства доставки энергии — нефте- и газопроводы, линии электропередач. Третьей инфраструктурой стали телекоммуникации, прежде всего телекомпьютеры, радио и телевидение. Сейчас с резким увеличением числа компьютеров и информационных терминалов и быстрым уменьшением стоимости компьютерных операций и информационного накопления проблема соединения воедино различных средств и путей передачи информации в обществе выходит на первое место в экономической и социальной политике.

«Экономика информации» имеет совсем иной характер, нежели «экономика товаров». Социальные отношения, создаваемые этими новыми сетями информации (от обмена информа-

цией между исследователями с помощью компьютерных терминалов до широкой социальной однородности, создаваемой национальным телевидением), не являются больше трудовыми отношениями индустриального общества. Налицо возникновение совершенно иного типа социальной структуры по сравнению с уже известными.

Постиндустриальное общество не заменяет полностью индустриальное общество, так же, как и индустриальное общество не отбрасывает аграрные секторы экономики. Новые черты накладываются на старые, стирая некоторые из них, но в целом усложняя структуру общества. Полезно было бы выделить некоторые из новых измерений постиндустриального общества.

1. Централизация теоретического знания. Каждое общество всегда существует на базе теоретического знания, но только теперь теоретическое знание и естественные науки становятся основой для изменений в производстве. Это можно видеть на примере отраслей, характерных для последней трети XX века, — производстве компьютеров, электроники, оптики, химии полимеров.

2. Создание новой интеллектуальной технологии. Посредством новых математических и экономических методов, основанных на компьютерном линейном программировании — так называемых цепях Маркова, — мы можем использовать моделирование, разработку сценариев и другие орудия системного анализа и теории управления для выработки наиболее эффективных, рациональных путей решения экономических и инженерных проблем, а может быть, и проблем социальных.

3. Формирование класса производителей

знания. Наиболее быстро растущая группа — это технические и профессиональные страты. В США эта группа вместе с менеджерами составляет 25 процентов рабочей силы (8 млн. человек в 1975 году). К 2000-му году эта группа будет самой крупной группой американского общества.

4. Переход от производства товаров к производству услуг. В сегодняшних Соединенных Штатах каждые 65 человек из 100 заняты в сфере услуг. Значительный сектор услуг существует в любом обществе. В доиндустриальном обществе — это челядь. В индустриальном — это транспортное и финансовое обслуживание, а также занятые в сфере индивидуального обслуживания (мастерские, рестораны, магазины и т. п.). В постиндустриальном же обществе новым типом услуг становятся гуманитарные услуги (в первую очередь в сфере медицинского обслуживания, образования и социальной помощи), профессиональные и технические услуги (научные исследования, обслуживание компьютеров и т. д.).

5. Изменение характера труда. В доиндустриальном обществе жизнь была игрой между человеком и природой, в которой люди взаимодействовали с естественной природой — землей, водами, лесами, — работая малыми группами и завися от нее. В индустриальном обществе работа — это игра между человеком и искусственной средой, где люди заслонены машинами, производящими товары. В постиндустриальном же обществе работа становится прежде всего игрой человека с человеком (между чиновником и просителем, врачом и пациентом, учителем и учеником). Таким образом, природа исключается

из рамок трудовой и обыденной жизни, и люди должны учиться жить друг с другом. В истории общества это новое и не имеющее параллелей положение вещей.

6. Роль женщин. Работа в индустриальном обществе (на фабрике) в основном производилась мужчинами, женщины в ней участвовали мало. Работа в постиндустриальном обществе предоставляет большие возможности для женского труда. Впервые можно заявить, что женщины получили надежную базу для экономической независимости. Это можно видеть на примере все возрастающего числа работающих женщин, семей с двумя кормильцами и в увеличении числа разводов, по мере того как женщины чувствуют себя все более независимыми от мужчин.

7. Наука на новой стадии своего развития. Наука, начиная с XVII века, была уникальным институтом человеческого общества. Она носила харизматический характер, поскольку была революционной в своем стремлении к истине и по своим методам. Кредо научного сообщества заключалось в том, что само знание, а не его инструментальное применение, является целью науки. В отличие от других харизматических сообществ (религиозных групп и мессианистских политических движений) оно не «рутинизировало» свои «вероучения» и не создавало официальных догм. До недавнего времени науке не приходилось сталкиваться с бюрократизацией исследовательского процесса. Ценность научных исследований не носила инструментального характера. Сегодня наука оказалась теснейшим образом связанной не только с промышленным производством, но и с военной промышлен-

ностью, социальным регулированием и социальными нуждами.

8. «Ситосы» как политические подразделения. Большинство социологических исследований сосредоточивают внимание на классах или на стратах — горизонтальных подразделениях общества, характеризующихся отношениями господства — подчинения. В постиндустриальном обществе может оказаться, что «ситосы» (от латинского *city* — местоположение), ряд вертикальных подразделений, станут более важным центром сосредоточения политических привязанностей. Существует 4 вида функциональных ситосов — научный, технологический, административный и культурный, а также 5 институциональных ситосов — экономические предприятия, правительственные конторы, университеты и исследовательские центры, социальные комплексы (больницы, центры обслуживания и т. п.) и военная сфера. По моему мнению, основная борьба интересов будет развиваться между ситосами, и степень соотнесенности с ними будет достаточно высокой, чтобы воспрепятствовать складыванию на базе новых профессиональных групп нового цельного общественного класса.

Розовые мечты американских футурологов

9. Меритократия. Постиндустриальное общество, будучи в первую очередь техническим обществом, предоставляет лучшие позиции в нем не на базе наследства или собственности (хотя эти факторы могут способствовать определенным образовательным и культурным преимуществам), а исходя из знаний и квалификации.

10. Конец дефицита? Большинство социалистических и утопических теорий XIX века объясняли зло современного им общества недостатком продуктов и борьбой людей за эти продукты. Маркс и другие социалисты считали, что изобилие является условием социализма и утверждали, что при социализме не будет нужды в нормативных правилах справедливого распределения, поскольку всего будет достаточно для удовлетворения любых потребностей.

Однако ясно, что дефицит всегда будет существовать. Я имею в виду не только проблему недостатка природных ресурсов, но и тот дефицит, который приносит с собой постиндустриальное общество и о котором мыслители XIX и раннего XX века и не помышляли. Социалисты и либералы говорили о недостатке товаров, но в постиндустриальном обществе на первое

место выйдет дефицит информации и времени.

11. Экономика информации. Информация по своей природе — это коллективный, а не частный товар (или собственность). На рынке индивидуальных товаров ясно, что «соревновательная» стратегия между производителями предпочтительнее, иначе экономика становится инертной или приобретает монополистический характер. Однако для оптимальных социальных вкладов в знание мы должны следовать «кооперативной» стратегии, чтобы способствовать распространению и использованию знаний обществом.

Обозначенные здесь новые проблемы ставят крайне интересные задачи перед экономистами и политиками как в области теории, так и в области практики постиндустриального общества.

*Герман Кан,
Джон Фелпс*

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ЭКОНОМИКИ

(Из книги «Сквозь 80-е годы», Вашингтон, 1980 г.)

*Г. Кан — директор Гудзоновского института.
Дж. Фелпс — известный физик и футуролог,
консультант этого же института.*

Период от сегодняшних дней до 2000 года должен стать чрезвычайно интересным и важным этапом в истории человечества. Одна из основных задач, которые он выдвигает,— научиться управляться с проблемами сверхиндустриальной экономики глобального масштаба. Мы полагаем, что полемика вокруг этих проблем будет продолжаться все 80-е годы. Но по мере перехода к постиндустриальной экономике успехи в решении экономических проблем обеспечат хорошие перспективы для их окончательного разрешения. Мы видим в этом центральную и наиболее ответственную задачу двух ближайших десятилетий, особенно если речь идет о развитых странах.

Мы убеждены, что за какие-то два-три десятилетия материальные проблемы, порождаемые тем, что мы называем «сверхиндустриальной» экономикой и обществом, будут в значительной степени решены в богатых странах, а в развивающихся странах предотвращены или заметно облегчены. Есть три фактора, позволяющие надеяться на это:

1. В настоящее время уже начал развиваться комплекс необходимых сверхсовременных технологий.

2. Сами экономические проблемы привлекли к себе огромное внимание, прежде всего в связи с вопросами об ограниченности ресурсов и необходимости ограничения экономического роста. (И хотя этим вопросам уделяется сегодня, кажется, чересчур много внимания, особенно вопросам стоимости и эффективности производства, возможно, это хорошая школа для разрешения проблем, которые встанут в ближайшем будущем; исследования и планирование развития должны, когда это необходимо, вести к ограничению экономического роста, а не к его ускорению.)

3. Развитые страны мира почти наверняка уже миновали точку максимального пика своего относительного экономического роста. Хотя в абсолютном выражении этот рост будет продолжаться на довольно высоком уровне, относительный ежегодный прирост масштабов экономики будет, несомненно, сокращаться, что облегчит решение многих проблем. Мы убеждены, что пик обострения экономических проблем будет пройден в 80-х годах.

Нам предстоит миновать сложный и, возможно, в чем-то опасный переходный период. В целом период сверхиндустриальной экономики (как всегда, осложняемый стечениями обстоятельств и издержками неграмотного управления) будет все-таки отличаться ростом уровня и качества жизни и потребует от людей не больше, а скорее всего меньше жертв в обмен на такой рост, нежели сейчас. Это позволит обеспечить разумный подход ко всем экономическим про-

блемам, и к концу переходного периода может возникнуть подлинное постиндустриальное общество. Поскольку нежелательное воздействие экономических процессов на социальное и природное окружение будет контролироваться, постиндустриальное общество не будет больше порождать серьезные проблемы.

Ниже мы предлагаем наш прогноз на 1980—2000 годы, когда должны произойти глубокие перемены, обусловленные одновременно экономическим и технологическим прогрессом, перемены, доселе невиданные в истории человечества:

1. Появление технологий, обеспечивающих стабильное экономическое развитие; распространение в масштабах всей планеты возможностей применения этих новых технологий и становления современной промышленности; создание (пусть в какой-то первоначальной форме) национальных и международных структур и организаций, задачей которых будет поддержание стабильного экономического роста.

2. «Зеленая революция» в масштабах всей планеты и необычайное расширение энергетических и минеральных запасов за счет технологического прогресса и значительных капиталовложений в их разведку.

3. Транснациональные корпорации, несмотря на возникшую по отношению к ним некоторую враждебность, сохраняют и расширят свою роль стимулятора нововведений, поощряя экономическую активность. При этом фирмы из Японии, Канады, Южной Кореи, Тайваня, Китая, Бразилии и других стран потеснят старые американские и европейские корпорации.

4. «Футурологическое сознание» и концепция неизбежности прогресса возобладают над

распространившимися ныне пессимистическими представлениями о «пределах роста» и «экономическом разрыве».

5. Стабильный рост международной торговли, капиталовложений, усиление взаимосвязей между странами; высокий 5—15 процентный рост валового продукта в странах наиболее динамичных регионов (Япония, Юго-Восточная Азия, отчасти Латинская Америка, Восточная Европа, Средиземноморье, большинство стран ОПЕК и др.)

6. Рост безработицы в слаборазвитых странах и сокращение рабочих мест в развитых странах при каких-то временных мерах, направленных на снижение остроты этой проблемы; двусторонняя «утечка мозгов» из развитых в развивающиеся страны и наоборот.

7. Частичное разрешение «технологическо-экологического кризиса» — улучшение качества окружающей среды в Северной Америке, Европе, Японии и заметный прогресс в этом отношении в других регионах.

8. Сохранение возможностей возникновения войн — внезапных, «ограниченных», «холодных», необъявленных и других — и кризисных ситуаций, угрожающих эскалацией конфликтов.

«Пришло время, когда правительство, бизнес и труд — основные элементы нашего общества — должны заняться планированием будущего, установлением национальных приоритетов, согласованием целей и стратегии. Вместо

этого мы в большинстве случаев не можем выйти за рамки простого соблюдения интересов наших избирателей.

В то время, когда мы могли бы, работая вместе, способствовать раскрытию всех экономических возможностей бизнеса, мы обнаруживаем свою разобщенность. Три составные части — капитал, труд и рынок, то есть потребитель, — которые представляют собой основные движущие силы нашей экономики, преследуют на высшем политическом уровне свои собственные интересы. В результате не только сохраняются устаревшие ограничения и законы, но — что более важно и опасно — постоянно предлагаются новые законодательные ограничения успешной конкуренции.

Необходимо покончить с политической борьбой за власть во имя единства общенациональных интересов. Бизнесу и правительству нужно поступиться некоторыми своими прерогативами для обеспечения возможностей всестороннего и координированного национального планирования».

*Джеймс П. Макфарланд,
председатель Совета директоров
корпорации «Дженерал милз».*

Элвин Тоффлер

НА ПОРОГЕ БУДУЩЕГО

(Глава из книги «Третья волна», 1981 г.)

Э. Тоффлер — один из крупнейших американских социологов, автор книг «Футурошок» и «Экоспазм».

Мы больше не находимся там, где были десять лет назад, пораженные изменениями, совокупные последствия которых нами полностью еще не осознаны. Сегодня, за сумятицей перемен возникает некоторая целостность: формируется будущее.

В великом историческом слиянии множества рек изменений образуется одна, создавая океаническую Третью волну изменений, которая с каждым часом набирает силу.

Эта Третья волна* исторических перемен представляет собой не простое расширение индустриального общества, но радикальное изменение направления его развития, а часто и отрицание того, что существовало прежде. Она является не чем иным, как полной трансформацией, по меньшей мере столь же революцион-

* Под Первой волной Тоффлер подразумевает переход человечества от доаграрного общества охотников к аграрной цивилизации, под Второй волной — переход от аграрного к современному индустриальному обществу.—
Здесь и далее примечания составителей.

ной сегодня, как индустриальная цивилизация 300 лет назад.

Более того, то, что происходит,— это не просто техническая революция, это возникновение полностью новой цивилизации в самом широком смысле этого слова.

Каждая цивилизация существует в биосфере и оказывает на нее свое влияние, реагируя положительно или отрицательно на сочетание природных и людских ресурсов.

Каждая цивилизация имеет характерную для нее теплосферу — энергетическую базу, связанную с системой производства, которая в свою очередь связана с системой распределения.

Каждая цивилизация имеет свою социосферу, состоящую из взаимосвязанных социальных институтов. Каждая цивилизация имеет свою инфосферу — каналы коммуникаций, по которым движется необходимая информация. Каждая цивилизация имеет свою сферу власти.

Плюс к этому, каждая цивилизация имеет набор характерных связей и отношений с внешним миром — отношений эксплуатации, симбиоза, мира или войны. И каждая цивилизация имеет свою собственную суперидеологию — набор могущественных культурных воззрений, которые устанавливают структуру ее взглядов на действительность и оправдывают ее деятельность.

Третья волна, сегодня это неоспоримо, несет революционные и самоподдерживающиеся изменения на всех этих уровнях одновременно. Последствия этого — не просто распад старого общества, но создание фундамента нового.

Часто, когда институты Второй волны обр-

шивают беды на наши головы,— растет преступность, распадается классическая «нуклеарная» семья, надежный в прошлом бюрократический аппарат плохо функционирует, трещит система медицинского обслуживания и опасно колеблется промышленность,— мы видим только упадок и разлад вокруг нас. Однако социальный распад — это начало новой цивилизации. В энергетике, технике, семейной жизни, культуре и многом другом мы закладываем те фундаментальные структуры, которые будут определять основные черты этой новой цивилизации.

Действительно, мы можем теперь впервые представить себе эти основные черты и даже в какой-то мере определить их взаимоотношения.

Находящаяся в зачаточном состоянии цивилизация Третьей волны с экономической и технической точки зрения не только реальна, но и — если мы как следует задумаемся — может оказаться более упорядоченной и демократичной, чем существующая, и это вселяет в нас уверенность в будущем.

Цивилизация Третьей волны, в отличие от ее предшественниц, должна дать (и даст!) простор громадному разнообразию источников энергии — водной, солнечной, геотермальной, приливной, производимой из биомассы, в дальнейшем, возможно, и термоядерной энергии, а также другим источникам, которые пока еще трудно себе представить. Переход к новой разносторонней энергетической базе будет весьма сложен, с целой серией излишков, нехваток и сумасшедшими колебаниями цен. Однако долговременная перспектива кажется достаточно ясной — сдвиг от цивилизации, основанной в целом на одном

источнике энергии, к более безопасной цивилизации, базирующейся на многих. В конце концов возникнет цивилизация, основанная на воспроизводимых, возобновляемых, а не на истощимых, конечных источниках энергии.

Цивилизация Третьей волны будет существовать на гораздо более диверсифицированной технической базе, включающей в себя достижения биологии, генетики, электроники, создание новых искусственных материалов, а также деятельность в космосе и под водой. Хотя некоторые новые виды производства будут требовать больших энергозатрат, все же большая часть промышленности Третьей волны будет спланирована для использования меньшего количества энергии. Кроме того, производство эпохи Третьей волны окажется не таким громоздким и экологически опасным, как в прошлом. Многие будут малообъемным, легким в управлении, и отходы одних производств будут использоваться в качестве сырья для других.

Для цивилизации Третьей волны одним из главных видов сырья, причем неисчерпаемым, будет информация, включая и воображение. С помощью воображения и информации найдутся замены для многих невозобновляемых ресурсов, хотя эти замены также будут сопровождаться сильными экономическими скачками и колебаниями.

По мере того как информация будет играть все более важную роль, новая цивилизация займется перестройкой системы обучения, пересмотром методик научных исследований и прежде всего реорганизуем средства связи. Сегодняшние средства массовой информации, печатные и электронные, абсолютно не соответствуют

своей задаче, не справляясь с коммуникационными нагрузками и не обеспечивая необходимого для выживания культурного разнообразия. Отказавшись от культурного доминирования немногих средств массовой коммуникации, цивилизация Третьей волны будет основываться на демассифицированных средствах, получающих чрезвычайно разнообразную и часто высокоперсонализированную информацию из потока сознания общества и в свою очередь питающих его.

Если взглянуть еще дальше, телевидение уступит место «индивидео», когда изображения будут посылаться по выбору каждому клиенту в отдельности. Мы сможем в дальнейшем использовать разные препараты, прямую коммуникацию от мозга к мозгу и другие виды электрохимической коммуникации, о которых пока только начинают думать.

Гигантские централизованные ЭВМ с их шуршащими лентами и сложной системой охлаждения, там, где они еще сохранятся, будут управлять мириадами помощников разума, находящимися в той или иной форме в каждом доме, больнице, гостинице, в каждой машине и приспособлении, практически в каждом строительном кирпиче. Электронная окружающая среда сможет общаться с нами.

В отличие от общепринятого мнения этот переход к информационному, высокоэлектронному обществу уменьшит нашу нужду в дорогостоящей энергии.

Точно так же компьютеризация (или, более точно, информатизация) общества не будет означать дальнейшей деперсонализации человеческих отношений. Люди будут по-прежнему

страдать, плакать, смеяться, получать удовольствие, общаясь друг с другом, играть — но только станут делать это в сильно изменившихся условиях.

Формирование новых методов производства и потребления энергии, новых видов производства и средств информации ускорит революцию в области наемного труда. Предприятия строятся по-прежнему, но индустрия Третьей волны очень мало походит на ту, которую мы знали до сегодняшнего дня, и число людей, занятых в богатых странах заводским трудом, будет все уменьшаться.

В цивилизации Третьей волны завод больше не будет моделью для других типов институтов. Уже сегодня новейшие заводы производят демассифицированную, часто сугубо персонализированную продукцию. Они основываются на передовых методах типа цельноизготавливающего или так называемого «престо»-производства. Эти заводы потребуют меньше энергии, сырья, меньшее количество частей и компонентов, но поднимут на небывалый уровень дизайн. Очень важно то, что многие из механизмов этих предприятий будут управляться не рабочими, а дистанционно самими потребителями.

Те же, кто будет непосредственно трудиться на заводах Третьей волны, станут выполнять гораздо менее отупляющую и монотонную работу, чем те, кто будет работать в сохранившихся секторах Второй волны. Они не будут прикованы к ритму конвейеров. Уровень шума снизится до минимума. Рабочие смогут работать в часы, удобные для них.

Рабочее место станет гораздо более гуманизированным и индивидуализированным, зе-

лень и цветы будут соседствовать с машинами.

Заводы Третьей волны будут все чаще располагаться за пределами гигантских городских метрополий. Они должны быть гораздо меньше, чем заводы прошлого, с меньшими административными аппаратами и пользоваться большей степенью самоуправления.

При всем том самой поразительной переменной в цивилизации Третьей волны будет, возможно, перемещение работы с заводов и учреждений обратно в дома.

Конечно, не все виды работ могут и должны быть перенесены в жилища людей. Но по мере того, как дешевые коммуникации заменят дорогой транспорт, по мере увеличения роли интеллекта и воображения в производстве, дальнейшего уменьшения роли грубой силы или обычного умственного труда значительная часть рабочей силы в обществе Третьей волны будет производить по крайней мере часть своей работы на дому, оставляя на заводах место только для тех, кто будет иметь дело непосредственно с производством и обработкой продукции.

Это дает нам ключ к институциональной структуре цивилизации Третьей волны. Некоторые ученые предполагают, что с возрастанием важности информации университет заменит завод в качестве центрального института общества.

Служащие многонациональных корпораций со своей стороны видят центральными элементами завтрашнего дня свои кабинеты. Представители новой профессии «информационных менеджеров» считают, что их гигантские ЭВМ будут основой новой цивилизации. Естественники предлагают промышленные исследовательские лаборатории. Немногие оставшиеся хиппи мечтают

о восстановлении сельскохозяйственной коммуны как центра неосредневекового будущего.

Мой выбор не падает ни на одну из перечисленных возможностей. Я выбираю дом.

Я считаю, что дом приобретет весьма серьезное новое значение в цивилизации Третьей волны. Рост просьюмеризма*, распространение электронного коттеджа, изобретение новых организационных структур в бизнесе, автоматизация и демассификация производства — все указывает на возрождение дома в качестве центральной ячейки общества завтрашнего дня, — ячейки с развитыми, а не ослабленными экономическими, медицинскими, образовательными и социальными функциями.

Однако маловероятно, что какой-либо один институт — даже дом — будет играть ту центральную роль, какую церковь или завод играли в прошлом.

Общество, скорее всего, будет организовано в форме сети, а не иерархии новых институтов.

Это заставляет думать также, что корпорации завтрашнего дня больше не будут возвышаться над другими социальными институтами. В обществах Третьей волны корпорации будут считаться комплексными организациями, коими они и должны быть, и будут преследовать несколько целей одновременно, а не просто искать прибыль и выполнять производственные функции.

Концепция эффективности Второй волны — обычно основанная на умении корпораций пере-

* Под «просьюмеризмом» Тоффлер подразумевает слияние функций производства (to produce) и потребления (to consume).

валить свои косвенные расходы на счет потребителя или налогоплательщика — будет пересмотрена так, чтобы в расчет принимались скрытые социальные, экономические и другие затраты, которые часто превращались в отложенные экономические расходы. «Экономическая мысль» — характерная деформация сознания эпохи Второй волны — станет менее распространенной.

Корпорация, как и большинство других организаций, претерпит существенную трансформацию после того, как основные правила цивилизации Третьей волны войдут в силу. Вместо общества, синхронизованного в режиме конвейера, общество Третьей волны придет к гибким ритмам и графикам. Вместо присущей массовому обществу крайней стандартизации поведения, идей, языка и жизненных стилей общество Третьей волны будет построено на основе сегментации и разнообразия. Вместо общества, которое концентрирует население, энергию и другие стороны жизни, общество Третьей волны все децентрализует и деконцентрирует. Вместо стремления к максимуму, по принципу «чем больше, тем лучше», общество Третьей волны будет ценить оптимальные размеры и масштабы. Вместо высокоцентрализованного общества общество Третьей волны признает ценность децентрализованного принятия решений.

Такие изменения означают поразительный сдвиг от стандартной старомодной бюрократии к широкому выбору организаций нового стиля в бизнесе, правительстве, школах и других институтах. Там, где иерархии сохранятся, они будут стремиться быть более гибкими и приспособляемыми к новым условиям.

Все общество, находясь на переходе к Третьей волне, сталкивается с проблемами кратковременной безработицы. Начиная с 1950 года увеличение сферы приложения труда «белых воротничков» и сферы обслуживания поглотило миллион рабочих, выброшенных сжимающимся производственным сектором. Сегодня, когда и работа «белых воротничков» в свою очередь автоматизируется, возникает серьезный вопрос, смогут ли и классический сектор услуг выдержать давление. Проблема остается неразрешимой в рамках экономики Второй волны.

Это помогает уяснить значение происходящего слияния производителя и потребителя — то, что я назвал появлением просьюмера. Цивилизация Третьей волны несет с собой возрождение мощи экономического сектора, основанного на производстве для использования, а не для обмена, сектора, основанного на принципе «сделай для себя», а не «сделай для рынка». Этот экономический переворот после 300 лет «маркетинга» одновременно потребует и сделает возможным более свежий взгляд на наши экономические проблемы — от безработицы и благосостояния до досуга и роли труда.

Это также принесет с собой изменившуюся оценку роли «домашнего труда» в экономике и соответственно фундаментальные изменения в положении женщин, которые все еще составляют значительное большинство работающих на дому.

Люди Третьей волны будут проповедовать иные воззрения на природу, прогресс, эволюцию, время, пространство, материю и причинность. Их мысль будет в меньшей мере основываться на механистических аналогиях, а боль-

ше определяться такими понятиями, как процесс, обратная связь, отсутствие равновесия.

Возникнут новые религии, новые взгляды на роль науки, новые представления о природе человека, новые виды искусства — гораздо более разнообразные, чем было возможно или необходимо в индустриальную эру. Зарождающаяся мультикультура будет развиваться до тех пор, пока не сложатся новые формы разрешения групповых конфликтов (существующие правовые системы были порождены слабым воображением и полностью неадекватны обществу с высокой степенью разнородности).

Возрастающая дифференциация общества означает также и изменение роли национального государства — до сих пор основной силы стандартизации. Цивилизация Третьей волны будет основываться на новом разделении власти, при котором нация, как таковая, не будет более пользоваться таким влиянием, как прежде, тогда как другие институты — начиная от транснациональных корпораций до автономных сообществ или даже городов-государств — будут играть большую роль.

Почему идет такой процесс? Почему старая Вторая волна неожиданно перестала работать? Почему новая цивилизационная волна захлестывает старую?

Никто не знает. Даже сегодня, 300 лет спустя, историки не могут выявить «причину» индустриальной революции. Сторонники технологического детерминизма указывают на паровую машину, экологи — на уничтожение британских лесов, экономисты — на колебания в цене на шерсть. Иные подчеркивают роль религиозных или куль-

турных изменений, Реформации, Просвещения и т. д.

В сегодняшнем мире мы тоже можем найти множество взаимозависимых сил. Эксперты указывают на возрастание спроса на истощающиеся источники энергии, громадный рост населения Земли, на возрастающую угрозу глобального загрязнения окружающей среды как на главные факторы, влияющие на структурные изменения в глобальном масштабе. Другие указывают на немыслимые достижения науки и техники со времен второй мировой войны и на социальные и политические изменения, которые они влекут за собой. Находятся и такие, кто подчеркивает значение пробуждения неиндустриального мира и следующих за ним политических потрясений, которые угрожают нашим жизненным потребностям в дешевой энергии и сырьевых материалах.

Можно указать и на поразительные ценностные трансформации: сексуальная революция, юношеский бунт 60-х, резко меняющееся отношение к работе. Можно назвать и гонку вооружений, которая значительно ускорила некоторые технологические новшества. В противовес этому можно искать причину Третьей волны в культурных и гносеологических изменениях, происходящих в наше время,— возможно, столь же глубоких, как и перемены, принесенные одновременно Реформацией и Просвещением.

Чего мы не можем найти, так это «одной», главной причины Третьей волны, в смысле единственной независимой переменной, или звена, которое держит всю цепь.

Сказать так — не значит подвергать сомне-

нию причинность, а только признавать ее сложность.

Точно так же это не означает принятия исторической предопределенности. Цивилизация Второй волны может быть расшатанной и неработающей, однако это не значит, что цивилизация Третьей волны, нарисованная здесь, должна неизбежно быть именно такой. Любое сочетание сил может радикально изменить результат. Немедленно приходит на ум война, экономический коллапс, экологическая катастрофа. Когда никто и ничто не может остановить последнюю историческую волну перемен, объединяются необходимость и случайность. Это, однако, не означает, что мы не можем изменить направление волны.

Решения, которые мы сегодня принимаем как индивидуумы, группы или правительства, могут отклонить в сторону или направить в нужный канал тенденции перемен.

Небольшие изменения таких тенденций могут повлечь за собой серьезные последствия — в корпорациях, школах, церквях, больницах и микрорайонах. Именно поэтому, несмотря ни на что, люди — каждый в отдельности — принимаются в расчет. Это особенно справедливо, потому что грядущие изменения будут результатом конфликта, а не автоматического прогресса. Так, в любой из технологически развитых стран более отсталые районы борются за возможность завершить свою индустриализацию. Они пытаются сохранить заводы Второй волны и рабочие места на них, что приводит их к фронтальному конфликту с регионами, которые уже достаточно продвинулись вперед в создании технической базы цивилизации Третьей волны. Такие битвы разрывают общество, но и открывают множество

возможностей для эффективной политической и социальной деятельности.

Эта сверхборьба между людьми Второй и Третьей волны, захватывающая постепенно каждое сообщество, не означает, что свой смысл теряют все другие виды борьбы, конфликты классовые, расовые, конфликт старых и молодых с тем, что я где-то назвал «империализмом среднего возраста», конфликты регионов, полов, религий — все будет продолжаться. Некоторые из них, несомненно, обострятся. Однако все они подчинены сверхборьбе. Именно сверхборьба определяет основные нормы будущего.

Однако два явления, по мере нарастания Третьей волны, становятся все заметнее. Первое — это сдвиг в сторону более высокой степени диверсификации общества в рамках массового сознания. Второе — это акселерация — ускорение исторических изменений. Вместе они делают сложнее и напряженнее жизнь людей, обостряют сверхборьбу, идущую вокруг нас. Привыкнув к малому разнообразию и медленности перемен, люди и институты вдруг оказываются перед необходимостью быть готовыми к большому разнообразию и высокой скорости перемен. В результате они оказываются зачастую неспособны принимать компетентные решения. Тогда и наступает шок от столкновения с будущим.

* * *

Читатель ознакомился с футурологическими изысканиями, которые можно охарактеризовать как «научно-технический оптимизм». Хотя их авторы и признают, что нынешние изменения в науке и технике влекут за собой весьма сложные социальные, политические и даже психологические противоречия, перспективы США в целом они оценивают весьма позитивно. Более того, будущее всего человечества в значительной степени рассматривается ими как продукт глобального распространения «американского образа жизни», слегка модифицированного и лишённого своих наиболее явных пороков.

Разумеется, каждый волен фантазировать о перспективах развития человеческой цивилизации. Но отличие фантастики от футурологии как раз в том и состоит, что если для первой вполне достаточно развитого воображения, то вторая должна опираться на реальные процессы и явления, уже существующие в сегодняшнем обществе. А сегодняшняя американская действительность находится в глубоком противоречии с радужными картинками идиллической «Америки XXI века».

*Можно ли рассматривать Соединенные Штаты в виде некоего «эталона» современной цивилизации, «лаборатории будущего», чей опыт рано или поздно станет опытом всех других стран и народов? Не остался ли «золотой век» Америки в далеком прошлом? Не превратится ли Америка XXI века в ординарную державу, вынужденную догонять более динамичные и энергичные общества? Над этими вопросами размышляют известный историк Поль Кеннеди и крупный финансовый деятель и экономист Феликс Рогатин.**

* Курсивом даны комментарии составителей.

Поль Кеннеди

ОБ УПАДКЕ АМЕРИКИ

(«Интернэшнл геральд трибюн», 20 декабря 1982 г.)

*П. Кеннеди — профессор истории
Университета Восточной Англии.*

Философ Джордж Сантаяна заметил много лет назад, что тому, кто не знает прошлого, суждено пережить его вновь. Он, конечно, не имел в виду, что история повторяется в одних и тех же формах, как может быть повторен химический эксперимент,— с течением времени люди, места и события меняют свои черты. Он подразумевал, что тот, кто не имеет никакого понятия о прошлых ошибках и потрясениях, вряд ли научится избегать неприятностей в будущем. Если политики и народ не знают ничего о ходе истории и о главных факторах, ведущих к переменам в жизни общества, они не готовы к решению современных проблем.

Явно, что администрация президента Рейгана разделяет взгляды Сантаяны не более, чем ее предшественники. В дискуссиях относительно упадка экономической и военной мощи США, начавшегося с 1960-х годов, историческому аспекту до сих пор уделялось мало внимания. Ни вера президента Рейгана в «американский образ жизни», ни идеалистическая, но полная изъянов политика Джимми Картера, ни целый набор

экономических теорий и политических программ, предлагаемых левыми и правыми силами, не свидетельствуют о понимании того факта, что сегодняшние проблемы США уже стояли в свое время перед великими державами прошлого.

При виде беспомощных метаний американского руководства в области внешней и внутренней политики любой специалист, изучавший историю мировых империй, едва ли удержится от искушения заметить: «Мы все это уже видели раньше».

Кажется, довольно странно обвинять последних президентов США и их советников в отсутствии исторического чутья. Все они изучали историю своей страны, деятельность национальных героев и то, что Америка сделала для развития общества, культуры и демократии во всем мире. Сам факт прихода их в Белый дом должен свидетельствовать о наличии у них исторического сознания.

Тем не менее вся эта совокупность факторов может и мешать объективному анализу дилеммы, стоящей сейчас перед США. Президенты США от Кеннеди до Рейгана сформировались в годы второй мировой войны, когда США на волне патриотизма и наивысшей производительности труда в промышленности заняли место величайшей державы на планете. Поэтому этим американским политикам психологически очень трудно решать щекотливый вопрос: «Что же мы должны предпринять, если хотим быть первым поколением американцев, призванным остановить носительный упадок Америки?»

Конечно, удобнее всего успокоить себя, полагая, что страна выберется из кризиса, если прибегнуть к старым рецептам — упорно рабо-

тать, снизить налоги, сократить расходы на социальные нужды и правительственный аппарат, а также расшевелить чувство национальной гордости. Ведь именно эти принципы, верят они, привели Америку на вершину мирового могущества. А тем, кто выражает опасения в связи с колоссальной программой перевооружения, затеянной администрацией Рейгана, они отвечают примером из истории: США, мол, вполне могут увеличить свои военные расходы с 5 до 7 или даже 8 процентов валового национального продукта — достаточно вспомнить, что в 1944 году страна тратила на вооружение 45 процентов ВВП и даже в 1955 году эта цифра составляла 10.

За последние 400 лет в каждой из великих держав — в Испании, во Франции, начиная с Людовика XIV и кончая императором Наполеоном I, и в Британской империи — находились люди, которые приводили те же самые доводы, когда их страны начинали клониться к упадку. Каждая из упомянутых держав в свой черед достигала мирового господства, а затем неизбежно теряла его.

Историки вычислили «параболу власти», объяснили специфические экономические, технические и геополитические причины возвышения империй. Они также показали, каким образом эти «супердержавы» теряли свои позиции, когда обстоятельства менялись. Нельзя ли и сейчас сделать то же самое и пролить свет на проблемы сегодняшней американской политики?

Для начала необходимо признать, что своим возвышением Америка обязана не столько таким протестантским этическим нормам, как упорная работа и честная жизнь,— сколько целому

«букету» благоприятных географических и технических факторов.

Под защитой Атлантического океана и британского военно-морского флота от серьезной угрозы иностранной агрессии США смогли направить свою энергию на мирные нужды на протяжении почти всего XIX века. Обладая большими запасами сырья и продовольствия при сравнительно немногочисленном населении, Америка могла осваивать свои природные ресурсы лишь с помощью ускоренной механизации, дав предпринимателям несравненные преимущества перед иностранными конкурентами.

Держась в стороне от политических споров Европы, США наживались за счет широких экономических связей с ней, продавая большое количество хлопка, пшеницы, мяса, леса, а позднее и станков. Взамен они получали новую европейскую технологию, в частности в области железнодорожного транспорта, делая крупные капиталовложения в развитие своей промышленности. Нельзя сказать, что могущество Америки выросло из ничего.

Две мировые войны способствовали усилению этих тенденций. С одной стороны, они ослабили экономику стран Европы, отвлекая львиную долю их ограниченных ресурсов на производство оружия, а с другой — ускорили разработку доселе нетронутого потенциала Северной Америки для военных целей.

После 1945 года США оказались на особом положении. Они стали обладателями более чем половины производственных мощностей западного мира и сделали крупнейшие вложения в новые предприятия. Им удалось использовать активность военного времени для достижения

внушительных темпов экономического роста. Что особенно важно, США обладали почти абсолютной монополией на внутреннем и многих зарубежных рынках, так как их прежние торговые конкуренты были разорены войной.

Чтобы провести аналогию, достаточно припомнить, каково было положение Великобритании после 1815 года. В то время она была в числе держав, завершивших победоносную войну с Наполеоном. В стране набирала силу промышленная революция. Ее соперники были экономически истощены. В результате она стала монополистом на мировых рынках. Это была эпоха «Пакс Британика», аналогичная наступившей после 1945 года эпохе «Пакс Американа».

Напомним, что сегодняшние американские лидеры выросли именно в этих благоприятных условиях и для них было вполне естественным считать, что США должны брать верх над другими. В подобных условиях — в начале «холодной войны» — страна могла без особых жертв выдержать большие траты на вооружение.

Однако ситуация в 80-е годы совсем не та, что сложилась 20—30 лет назад. По причинам, о которых спорят экономисты, темпы роста экономики США стали замедляться, неуклонно падая — с 3 процентов в год в период 1960—1973 годов до 1 процента в год в последующий период.

Сталелитейная, автомобильная, текстильная и электронная промышленность США находятся в кризисном состоянии и не всегда могут тягаться с аналогичными зарубежными предприятиями. Япония опережает США в некоторых областях производства вычислительной техники. Есть признаки, что то же самое может произойти и с авиакосмической промышлен-

ностью. США значительно отстают также в производстве промышленных роботов. Доля капиталовложений в производящие отрасли промышленности ниже, чем во многих других странах, а заводы во многом устарели.

Вдобавок катастрофическая война во Вьетнаме, увеличение расходов на социальные нужды со времени Линдона Джонсона и провал попыток правительств США сбалансировать бюджет способствовали инфляции и уменьшению покупательной способности доллара за рубежом. С этим борются лишь путем повышения процентных ставок, что осложняет выход из экономического кризиса.

Без преувеличения можно сказать, что США заболевают так называемой «английской болезнью» почти через 100 лет после того, как Великобритания начала терять свою славу «мастерской мира». Обратимся к статистическим данным. После 1945 года на долю США приходилась половина ВВП стран Запада. Теперь эта цифра составляет 30 процентов, а к концу столетия она, вероятно, снизится до 20. В середине XIX века Великобритания производила 50 процентов мировой промышленной продукции. В 1870 году ее доля упала до 32 процентов, а к 1910 году — до 15.

Постепенная эрозия экономического превосходства была долгосрочной причиной конца «Пакс Британика», подобно тому как плачевное состояние экономики США за последние 20 лет в конечном счете объясняет закат «Пакс Америка». Военная мощь и влияние в мире всегда нуждаются в сильной экономической базе. Если она ослабевает, падает и могущество страны.

Когда имперская Испания переживала кри-

зис, множество людей предлагали спасительные средства. Одни призывали уменьшить налоги, другие сократить чрезмерные затраты на армию и правительственный аппарат. Третьи доказывали необходимость усиленного развития промышленности, увеличения ее конкурентоспособности. Военные взывали к патриотическому чувству и требовали больших жертв.

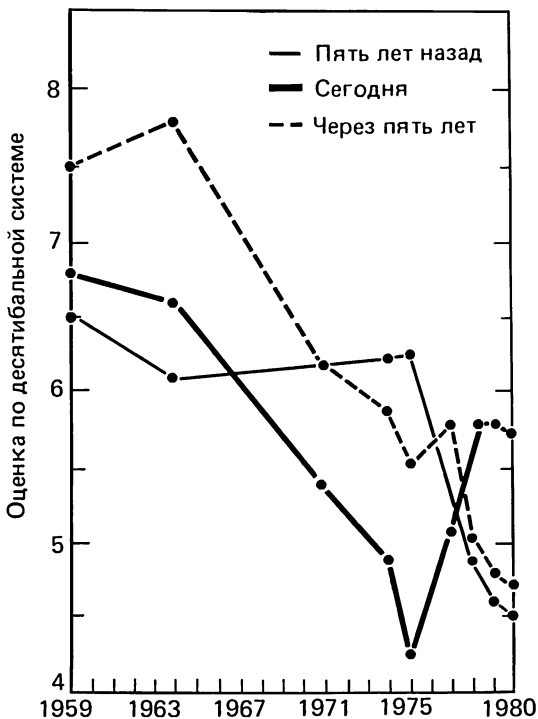
То же самое происходило и в Англии на рубеже нашего века, когда люди, задумавшись над упадком Британии, искали средства предотвратить его. Теперь этот закономерный процесс идет в США. Различные политические группировки заявляют, что могут возродить былое величие страны. Опыт истории все же свидетельствует, что их проекты обречены на провал.

Желание восстановить свою глобальную мощь за счет многомиллиардных расходов на вооружение не может дать позитивных результатов. Эти меры лишь на короткий срок помогут укрепить стратегическое положение страны и принести прибыль фирмам, выполняющим заказы Пентагона. Обширная программа перевооружения, возложенная на слабеющую индустриальную базу государства, приведет лишь к росту непродуктивных капиталовложений.

Даже в середине 70-х годов, когда военные расходы США несколько снизились, 28 процентов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в стране были связаны с военной промышленностью. Для ФРГ эта цифра составляла 7, а для Японии — 4 процента. Нынешний бум в гонке вооружений только усилит эту тенденцию, отвлекая еще большее число инженеров, физиков, математиков и других ученых из сферы коммерческого производства в

военную область. Кроме того, громадный дефицит федерального бюджета в течение последующих лет ослабит кредитоспособность США, приведет к сохранению высоких процентных ставок и нанесет вред отечественной промышленности.

*Как вы оцениваете положение в стране сегодня?
Пять лет назад? Через пять лет?*

Кратковременные выгоды от разбухания военной машины будут сведены на нет долговременными плачевными последствиями для недостаточно конкурентоспособной экономики.

«...Мы не можем больше жить в мире, где лишь небольшая часть людей наслаждается благами жизни, которые дает двадцатое столетие. Каждый прожитый год подводит нас ближе к осознанию того, что существует техническая, социальная, политическая и моральная необходимость научиться жить вместе, в мире и согласии, все больше и больше делиться знаниями, которые мы добываем, и тем избытком, которое приносят эти знания, пока наконец не наступит время, когда все смогут поровну разделить бремя труда и воспользоваться теми благами, которые сейчас имеют лишь немногие из нас. Мир уже не состоит из местных или региональных цивилизаций, которые могут процветать или приходить в упадок сами по себе. Наша цивилизация стала ныне глобальной и единой. Действия каждой нации и в какой-то мере каждого отдельного человека существенно влияют на нашу общую судьбу».

*Гленн Теодор Сиборг,
американский физик, лауреат
Нобелевской премии*

**УГЛУБЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА
ГРОЗИТ РАЗВАЛОМ ВСЕГО ОБЩЕСТВА**

(Интервью «Монд диманш», 30 мая 1982 г.)

Ф. Рогатин — американский финансист, член правления ряда крупных банков и фирм, бывший управляющий Нью-Йоркской биржи.

В о п р о с: Сегодня много говорят об упадке американской мощи как внутри страны, так и за ее пределами. Каково ваше мнение на этот счет?

О т в е т: Американская экономика очень слаба. Хотя в ближайшее время не исключен кратковременный подъем, я не вижу никаких признаков длительного улучшения. Положение серьезнее, чем когда-либо за все 30 с лишним лет, которые я вращаюсь в деловом мире.

Дело тут не только в объективных экономических факторах, но и в беспрецедентной утрате доверия к правительству. Угроза бюджетного дефицита в полтриллиона долларов в ближайшие годы беспокоит общественность не меньше, чем увеличение военного бюджета при одновременном падении доходов государства. Люди боятся. Правительство столько наобещало! Все проблемы должны были решиться как по волшебству. Президент Рейган говорил американцам именно то, что они хотели услышать в тот момент. Ему поверили. А теперь дела идут из рук вон плохо и президент на горьком опыте познал приемы нашего телевидения, которое то превращает людей

в героев, то показывает королей во всей их наготе.

В о п р о с: Как объяснить падение капиталовложений в промышленность, которое началось задолго до прихода Рейгана к власти?

О т в е т: Две основные причины этого явления — снижение потребления внутри страны и давление иностранных конкурентов. Добавьте к этому экономический спад и снижение налогов на прибыли. Многие фирмы практически не платят больше налогов. Если у вас есть деньги в банке, теперь гораздо выгоднее пуститься в финансовые спекуляции, дающие 15—16 процентов прибыли. Мы создали систему, которая способствует росту сбережений, а не капиталовложений. Администрации Рейгана следует понять, что накопления автоматически не порождают капиталовложений. Заводы обычно строятся не потому, что снижаются налоги, а потому, что этого требует спрос. Мы убили спрос. Мы создали ситуацию, когда американцы сберегают то, что должны были потратить.

В о п р о с: Можно ли утверждать, что политическая сторона кризиса состоит в развале либеральной коалиции, созданной Рузвельтом во времена «нового курса»?

О т в е т: В эту коалицию входили южане, рабочие, негры, мексиканцы, евреи, горожане, члены профсоюзов — короче говоря, все те, кто хотел подняться вверх по социальной лестнице. Программа была нацелена на развитие спроса, а не предложения. Базой этого союза были экономический рост, занятость и безопасность. Под безопасностью понималась гарантия банковских вкладов и закладных, а в социальном плане — государственная помощь, в частности престарелым.

Однако во времена «великого общества» президента Джонсона требования возросли. Американцы стали говорить: «Мы хотим пожизненной безопасности, стопроцентного страхования от болезней и бедности с индексированием в зависимости от стоимости жизни». Намерения правительства были благие, но некоторые практические меры оказались чрезмерными: они подорвали дух инициативы, привели к смешению таких понятий, как равенство шансов и уравниловка, и породили эпидемию банкротств.

Это одна из причин недовольства среднего класса, убежденного в том, что государство разбазаривает его деньги, либо отдавая их людям, которые не работают, либо ведя войны, которые ему не нужны.

Другой фактор развала — упадок политических партий. Доля ответственности за это лежит на телевидении, ибо оно дает кандидату возможность добиться победы на выборах без серьезной политической базы, без программы, без обязательств перед своей партией — при одном только условии, что у него достаточно денег для саморекламы. Так, например, президент Картер представлял демократов лишь номинально.

В о п р о с: Способно ли правительство, если оно проявит должную ответственность, восстановить распавшийся социальный консенсус в стране?

О т в е т: Это очень сложная задача. Страна делится на богатые и бедные районы, и различия между классами весьма заметны. Потеряно много рабочих мест из-за сокращения производства и безответственного расходования социальных отчислений. Америка должна ликвидиро-

вать нарушение бюджетного равновесия при помощи роста.

Правительство не только может, но и должно вмешаться в этот процесс, чтобы добиться определенной стабильности. Однако планирование в общенациональном масштабе — не выход, государство должно создавать рабочие места и через посредство частного сектора.

Я предлагаю создать государственный инвестиционный банк, сравнимый с Реконструктивной финансовой корпорацией 30-х годов. Эта организация должна управляться представителями частного сектора, назначенными президентом, утвержденными сенатом, и быть ответственной перед этими инстанциями. В этом банке не должны действовать ни политические, ни профсоюзные деятели. Перед организацией должны стоять три задачи:

1. В плане капиталовложений — поддерживать предприятия и отрасли промышленности, которые нуждаются в капиталах (например, автомобильная и сталелитейная), однако требуя у них взамен серьезного пересмотра социальных отчислений, реорганизации управления и подъема производительности.

2. В социально-экономическом плане — восстановить равновесие между отдельными районами и создавать рабочие места в приходящих в упадок городах. Мы должны создать рабочие места в гетто и укрепить связь между школами и предприятиями.

3. Содействовать переговорам предпринимателей с профсоюзами и государственными властями.

Проблема капиталовложений будет весьма острой и в будущем. Социальное неравенство

и впредь будет иметь тенденцию к углублению. Это грозит развалом всего общества. Одна из самых важных проблем — это проблема справедливого перераспределения богатства и обеспечения равенства возможностей. Усилия потребуются от всех. Я не верю, что в условиях демократии можно узаконить односторонние жертвы — это жестоко, несправедливо и нецелесообразно. Одна только готовность к взаимным уступкам позволит избежать обострения социальной напряженности.

Полагаю также, что нужно братья поочередно за отдельные отрасли и отдельные районы. Я всегда выступал за комплексный подход, основанный на налогодобложении. Однако сейчас проблемы настолько сложны, что целесообразны более скромные, более конкретные требования, что позволит разрешить, быть может, лишь половину проблем, но это лучше, чем ничего.

В о п р о с: Что ждет Соединенные Штаты? Будет ли Америка готова после рейганизма принять еще один вариант «нового курса», нео-рузвельтизм, основанный на незначительном или нулевом росте, новый «социальный контракт», способный смягчить кризис в национальном и международном масштабе?

О т в е т: Решение, разумеется, заключается не в возвращении к установкам «великого общества» президента Джонсона. Или мы останемся на правых позициях и даже продолжим поворот вправо, что не исключено, если, например, в наших крупных городах начнутся расовые беспорядки. Или выберем откровенно более умеренный путь с теми скромными целями, о которых я говорил выше. И будем двигаться прагматически, шаг за шагом.

Сегодня нужно решать проблемы поочередно. Необходимо обеспечить стабильность на пять-шесть, в лучшем случае — на десять лет. Я не верю ни в окончательные, ни в универсальные решения. Нельзя издавать законы по всем поводам, они устаревают через десять лет. Обстоятельства меняются так быстро, что надо уметь меняться вместе с ними.

**Результаты опросов общественного мнения
в отношении будущего США (показатели в %)**

Год	Оптимисты	Пессимисты
1975	12	30
1976	29	30
1977	47	21
1978	32	34
1979	16	48
1980	14	53

Уильям Серрин

НОВАЯ ТЕХНИКА: КУДА ИДТИ РАБОЧИМ?

(«Интернэшнл геральд трибюн», 8 июля 1982 г.)

У. Серрин — сотрудник Бюро трудовой статистики США.

По мере того как вводятся новая техника и технология, основанные на применении ЭВМ, с целью поднять производительность труда и снизить затраты на рабочую силу, растет озабоченность, сумеет ли страна создать необходимое число рабочих мест, не снизив уровня зарплаты, к которому привыкли американцы.

Специалисты говорят, что новая технология, основанная на применении компьютеров и микроэлектроники, может произвести такой же коренной переворот на американских предприятиях, как и переход от аграрной к индустриальной экономике столетие или более тому назад. Они доказывают, что этот поворот может изменить к худшему положение многих рабочих, причем не только в США.

«Мы переживаем революцию, которая затронет практически все виды деятельности», — заявил Деннис Шамо, член руководства профсоюзного объединения АФТ—КПП.

Некоторые специалисты предсказывают, что новая техника радикально изменит требования, предъявляемые к рабочим, и будет способство-

вать экономическому хаосу. Другие, однако, считают, что переход не будет сопровождаться рабочими волнениями, как это было, когда страна вступила в век автоматизации три десятилетия назад.

Василий Леонтьев, директор Института экономического анализа Нью-Йоркского университета, заявил, что главная цель этой новой технологии состоит в том, чтобы сократить рабочую силу, и поэтому, отметил он, неизбежна потеря рабочих мест. Когда бензиновый трактор заменил лошадь, сказал он, никто не говорил, что «необходимо найти другую работу для лошади». Он подчеркнул также, что промышленная революция в значительной мере ликвидировала ручной труд, в то время как новая технология ликвидирует значительную часть примитивного умственного труда.

Но Джером Марк из комиссии по вопросам производительности труда и технологии Бюро трудовой статистики считает, что перспектива отрицательных последствий «не столь серьезна, как может показаться». Он отметил, что в большинстве случаев, когда исчезают старые отрасли промышленности, их место занимают новые. Текстильная промышленность умерла в Новой Англии многие годы назад, но вместо нее появились электронные компании в районе Бостона, и сегодняшний Бостон не назовешь районом бедствия.

Харли Шейкен, специалист по проблемам труда и технологии Массачусетского технологического института, отметил: «Вопрос не в том, произойдут ли технические изменения, а в темпах и форме этих изменений и в том, кто выиграет и кто проиграет. Это проблема не толь-

ко 1990 года,— подчеркнул он,— а вопрос сегодняшнего дня. Главная опасность состоит в том, что новая техника способствует все большей поляризации рабочей силы, и это может привести,— замечает он,— к появлению небольшого числа высококвалифицированных и высокооплачиваемых рабочих мест и большого числа обычных низкооплачиваемых. Вот,— заявил он,— рецепт для социальных волнений».

Карен Нассбаум, исполнительный директор организации работающих женщин, известной под названием «С 9 до 5», заявила, что перестройка производства в США приведет к мучительным переменам и для мужчин, потерявших место в рядах старой рабочей силы в обрабатывающей промышленности, и для женщин и представителей меньшинств, которые часто заняты на временной работе. «Где можно, предприниматели увольняют руководителей среднего звена, секретарей, устраняют квалифицированных рабочих»,— отметила она.

Профсоюз механиков — вероятно, главный профсоюз, исследующий этот вопрос — недавно провел недельный семинар и разработал «технологический билль о правах», направленный на обеспечение защиты прав рабочих при введении новой техники и технологии.

Серьезная озабоченность рабочих тем, что страна не имеет стратегии решения проблем, вызванных технологическими нововведениями, усиливается плачевным состоянием экономики. Растущая в прошлом экономика, как правило, обеспечивала другой работой трудящихся, вытесненных технологическими усовершенствованиями. Сегодня экономика переживает застой, и уровень безработицы во многих основных отрас-

лях промышленности, таких, как автомобильная сталелитейная, резиновая, угольная, швейная, высокий. По мере того как эти отрасли перестраиваются, чтобы стать конкурентоспособными, они обращаются к новой технологии. В результате, говорят специалисты, многие из уволенных сейчас рабочих не будут вновь взяты на работу и многие из тех, кто ожидал найти ее в более старых отраслях, обнаружат, что это невозможно.

Наконец, в угольных городах Пенсильвании, Западной Виргинии и Кентукки, автомобильных городах Индианы, Иллинойса и Мичигана, в металлургических центрах Огайо и Алабамы экономика находится в состоянии хронического упадка. И люди встревожены тем, сумеют ли общины восстановить экономическую мощь, даже если хорошие времена вернуться.

Немногие предлагают полностью отвергнуть новую технику. В докладе, подготовленном вашингтонским Институтом «Уорлдуотч» говорится: «Все специалисты, изучавшие потенциальное воздействие микроэлектроники на занятость, пришли к одному заключению: в тех странах, которые не внедряют энергично новую технику, будет потеряно больше рабочих мест, чем в тех странах, где это делается. Причина в том, что микроэлектроника настолько повышает производительность труда, что отрасли, которые быстро внедряют технику, будут иметь конкурентные преимущества на международных рынках».

Тревога по поводу социальных последствий прогресса техники, вероятно, так же стара, как сам труд. Наверное, самая бурная реакция на новую технику имела место в начале 1800-х годов в Ноттингеме, в Англии, когда рабочие

АВТОМАТИКА – “ЗА” И “ПРОТИВ”
(результаты опросов общественного мнения)

Вопрос: Что вы думаете о возможности использования автоматики на сборочных линиях. хотели бы вы, чтобы это нововведение получило широкое распространение или чтобы оно было жестко ограничено?

под предводительством Неда Лудда сломали новые вязальные рамы, считая, что они отнимут у них средства к существованию. Название «луддиты» стало синонимом рабочих, которые силой сопротивлялись введению новой техники, хотя во многих случаях английские рабочие выступали против наступления предпринимателей, а не просто старались спасти физический труд.

В Соединенных Штатах в конце 50-х и начале 60-х годов было широко распространено мнение, что автоматизация, замена ручного труда машинным, внесет серьезные изменения в процесс труда и ликвидирует большое число рабочих мест. Многие из этих прогнозов оказались неверными, но они дезориентируют людей и сегодня.

Чрезвычайно трудно точно определить, какие рабочие места будут ликвидированы, а какие созданы в результате внедрения новой техники. Европейские страны ушли гораздо дальше США в изучении этого вопроса.

Соединенные Штаты пережили некоторый рост числа рабочих мест в 1970—1980 годах, когда численность рабочей силы увеличилась с 70,8 млн. до 105 млн. человек. Бюро трудовой статистики предсказывает, что к 1990 году численность рабочей силы страны будет равна 122—128 млн. человек.

Новая техника привела к созданию новых отраслей промышленности: это производство полупроводников, компьютеров, карманных калькуляторов, видеоигр, проектирование с помощью ЭВМ, робототехника. Были также созданы новые специальности: операторы ЭВМ, программисты, рабочие по ремонту и обслуживанию ЭВМ, библиотекари компьютерных перфолент. Но новая техника ликвидировала или сократила рабочие места в таких областях, как торговля, металлургическая, автомобильная, угольная промышленность, печатное дело.

Более того, хотя считается, что технические нововведения окажут самое большое воздействие на обрабатывающую промышленность, становится все яснее, что они влияют и на сферу обслуживания. Например, французское министерство финансов предсказало в 1978 году, что к 1990 году стране потребуется на 30 процентов меньше рабочей силы, чтобы выполнять тот же, что и сейчас, объем работы в банках и страховых компаниях.

Г-жа Нассбаум из организации «С 9 до 5» заявила, что автоматизация сильно повлияет на

Биржа труда в Балтиморе

судьбу многих конторских работников, включая делопроизводителей, бухгалтеров, секретарей, машинисток и банковских кассиров. Громадное большинство этих трудящихся — женщины, отметила она, а новая техника приведет к ликвидации многих конторских должностей и созданию, где возможно, должностей, на которых будет выплачиваться лишь минимальная зарплата. Другая сторона этого процесса в том, что рабочие места можно будет переносить из деловой части старых городов в пригороды и даже в другие страны благодаря новым типам электронной коммуникации.

Одри Фридман, экономист по проблемам труда фирмы «Конференс борд», говорит, что стра-

**Пикет безработных
у министерства труда в Вашингтоне**

не не хватает людей, обученных математическому или научному мышлению, которые потребуются на открывающихся электронизированных рабочих местах.

Она также задается вопросом, что ждет людей в обществе, где работа не только обеспечивает удовлетворение материальных потребностей человека, но и определяет в значительной мере смысл его жизни, если не будет создано достаточное число рабочих мест. Многие американские рабочие, отмечает она, уже исчерпывают основные и дополнительные пособия по безработице. Работа издавна являлась «социальным цементом» для людей и страны. Если же в области занятости в стране царит хаос, то как иначе сцементировать американское общество?

Рост безработицы в США

(доля безработных в общей численности рабочей силы, в %)

70-е гг.		80-е гг.	
1973	—4,9	1980	—7,1
1974	—5,6	1981	—7,6
1975	—8,5	1982	—9,6
1976	—7,7	1983	—10,8
1977	—7,1		
1978	—6,1		
1979	—5,8		

СКРЫТАЯ СИЛА ПОДПОЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

(«Бизнес уик», 5 апреля 1982 г.)

Полночь 15 апреля — последний срок для внесения индивидуального подоходного налога за истекший год. В этом году доходы на сумму более 300 млрд. долл. за 1981 год пройдут мимо Бюро внутренних доходов, если исходить из данных самого Бюро. И не исключено, что даже эта цифра занижена. Появляется все больше свидетельств того, что высокие налоговые ставки, инфляция и недоверие к правительственным органам на всех уровнях порождают «подпольную» экономику, настолько обширную и быстрорастущую, что она оказывает важное влияние не только на экономику страны в целом, но и на все стороны жизни американского общества.

По причине всепроникающего характера этой нелегальной деловой активности творцы политики и прогнозисты уже не могут составить точную картину того, что в действительности происходит в американской экономике. Никто не может с уверенностью сказать, каковы масштабы этой невидимой экономики. Она охватывает не только многие тысячи проституток,

сутенеров, торговцев порнографией, марихуаной и другими наркотиками. Она охватывает также миллионы внешне респектабельных людей — врачей, юристов, бухгалтеров, электриков, слесарей, подрядчиков, маляров, таксистов, фермеров, промышленников, розничных торговцев, владельцев ресторанов и заводских рабочих, — которые занимаются легальной деятельностью, но декларируют не все свои доходы, частично уклоняясь от уплаты налогов. Работать «вне бухгалтерии» стало образом жизни в Америке.

Поскольку тайная экономика оперирует наличными, она опрокидывает прогнозы, согласно которым Соединенные Штаты благодаря широкому распространению кредитных карточек и переходу в банковском деле на ЭВМ становятся обществом, живущим по безналичному расчету. Аппетиты Америки на наличные фонды, как выясняется, ненасытны. Сумма денег, находящихся в обращении, составившая в 1960 году 29 млрд. долл., к 1981 году возросла в четыре раза. Сумма денег, оставшихся на руках, в прошлом году составила 542 долл. на душу населения по сравнению с 187 долл. в 1965 году. И даже с поправкой на инфляцию наличность на душу населения почти достигла уровня периода второй мировой войны, когда процветал черный рынок.

Получить представление о деятельности миллионов людей и тысяч компаний, которые пытаются частично или полностью скрыть свои доходы, задача нелегкая, и экономистам приходится прибегать к обходным приемам. Не удивительно, что они часто резко расходятся в оценках размеров подпольной экономики. Согласно анализу Питера Гатмэна из Бэрус-кол-

леджа в Нью-Йорке, который первым в 1978 году привлек внимание экономистов к проблеме нелегальной экономики, в 1981 году на подпольный сектор пришлось 420 млрд. долл., или около 14 процентов официального ВВП. Экономист Эдгар Фейдж из Висконсинского университета, который поначалу считал, что данные Гатмэна преувеличены, пришел к заключению, что эта экономика сейчас минимум на две трети больше, чем утверждает Гатмэн.

Даже Бюро внутренних доходов признает, что подпольная экономика велика и продолжает расти. После того как это Бюро много лет отрицало, что уклонение от уплаты налогов представляет серьезную проблему для США, оно в 1979 году опубликовало доклад, из которого вытекало, что за 1976 год не было декларировано облагаемых налогами доходов в сумме 135 млрд. долл., а это означает, что государство недополучило налогов на 26 млрд. долл. Теперь уже утверждают, что недобор налогов составил в 1976 году 45 млрд. долл. В 1981 году он, по официальным данным, составил 95 млрд. долл. Сотрудник БВД Роско Эггер говорит: «По нашим прогнозам, общие недоимки будут и дальше увеличиваться, если не улучшится система взимания налогов, и в 1985 году они достигнут 100 млрд. долл.» Он предсказывает, что недополученные налоги с незаконных доходов возрастут с 8 млрд. до 13 млрд. долл. в 1985 году.

По данным экономистов Карла Саймона из Мичиганского университета и Энн Уитт из Северо-Каролинского университета, незаконный элемент экономики огромен и быстро растет. Сопоставив данные министерства финансов, мини-

стерства юстиции и данные местных властей штатов о произведенных арестах, эти два экономиста приходят к выводу, что около трети доходов всей подпольной экономики, примерно 110 млрд. долл., приходится на незаконную деятельность.

Объясняет ли быстрый рост подпольной экономики резкое сокращение темпов роста производительности труда? Фейдж считает, что люди, работающие по совместительству в нелегальном секторе, «именно на этой второй работе вкалывают больше всего». По его оценкам, уменьшение темпов роста производительности труда в США примерно на две трети следует приписать ширящейся и неучтенной подпольной экономике.

Трудно определить, сколько именно человек, официально числящихся безработными, трудится в подпольной экономике. Гатмэн говорит, что в условиях текущего спада показатель безработицы завышен на 2 процента, или примерно на 2 млн. человек. Саймон и Уитт считают, что эта цифра ближе к 1,5 процентам. Саймон, кроме того, говорит, что показатель безработицы для определенных категорий — в частности, негритянской молодежи, для которой он оценивается в 50 процентов, — вообще сильно завышен. «По ряду свидетельств, многие из этих подростков работают не только в подпольной экономике, но и на небольших, вполне легальных предприятиях», — говорит Саймон.

Уитт говорит, что подпольная экономика в значительной степени контрциклична — в моменты усиления экономического спада ее рост ускоряется. Таким образом, тяжелые последствия сегодняшнего спада — особенно в таких городах, как Детройт, — в какой-то степени

смягчены, поскольку кое-кому удалось пристроиться в подпольной экономике. Вполне возможно, что именно рост этого сектора объясняет, почему правительства не только в США, но и во всем мире не особенно беспокоятся, зная официальные цифры безработицы, тогда как всего несколько лет назад такие цифры склонили бы наблюдателей к прогнозированию уличных беспорядков.

В какой-то степени быстрый темп роста подпольной экономики в последние годы представляет собой реакцию на более высокие налоги, которые люди вынуждены платить из-за инфляции. Безусловно, снижение налоговых ставок побудит некоторых людей, скрывающих в настоящее время часть своих доходов от налоговых органов, покончить с подобным обманом. Но экономисты спешат отметить, что ожидаемый рост декларируемого дохода все же не покроет сокращения налоговых поступлений в результате снижения налоговых ставок. Таким образом, снижение налоговых ставок только ради того, чтобы побудить людей указывать в своих налоговых декларациях суммы, более близкие к истине, чревато большими потерями для американской казны.

По мнению Фейджа, главный фактор поразительного роста подпольной экономики не столько высокие налоги, сколько общее недоверие к правительству, усилившееся после Вьетнама и Уотергейта. Хотя бессмысленно сравнивать США с другими странами, Фейдж говорит, что Швеция, обремененная самыми высокими налоговыми ставками в западном мире, тем не менее имеет сравнительно небольшую подпольную экономику. Вместе с тем подпольная экономика

Италии, где налоговые ставки сравнительно невысоки, составляет минимум 20 процентов зарегистрированного ВВП. «Причина,— говорит Фейдж,— состоит в том, что в Швеции общество более спаянное и доверие к правительству в основном правило, а не исключение. В Италии человек чувствует пропасть между собой и правительством».

Подпольная экономика — отражение не просто недоверия к правительству; она подрывает его авторитет и уважение к законам и нормам страны. И что не менее важно — подрывает веру людей в честность и справедливость. В самом деле, по отношению к большинству граждан — особенно тем, кто работает в крупных компаниях и живет на заработную плату,— допускается несправедливость, так как с них взимается налог по высоким ставкам, в то время как другие, имеющие больший доход, платят налоги по гораздо более низким ставкам. Исследования показывают, что чем шире круг людей, лично знакомых налогоплательщикам, как лица, уклоняющиеся от уплаты налогов, тем чаще эти налогоплательщики сами начинают следовать их примеру. Подпольная экономика растет как снежный ком и отравляет нравственную атмосферу общества. А это в конечном счете может привести к социальному конфликту.

Орр Келли

ПРЕСТУПЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКИХ КОРПОРАЦИЙ

(«ЮС ньюс энд Уорлд рипорт», 6 сентября 1982г.)

О. Келли — специальный корреспондент, член редколлегии этого журнала.

За последнее десятилетие 115 из 500 крупнейших американских корпораций были признаны виновными в совершении по крайней мере одного преступления или платили штрафы за серьезные правонарушения. Среди 25 крупнейших компаний с годовым оборотом более 15 млрд. долл. уровень зарегистрированных правонарушений еще выше. Как утверждают активисты движения в защиту потребителей, преступность корпораций дорого обходится стране — до 200 млрд. долл. в год. Сюда входит ущерб от загрязнения воздуха и воды, истощение почв, последствия коррупции государственных служащих и неуплаты налогов. Считают, что лишь искусственное установление монопольных цен стоит потребителям 60 млрд. долл. в год. Многие специалисты полагают, что нынешний экономический спад вызывает рост числа таких правонарушений.

«Кабинетная преступность» — преступления, совершаемые скорее в интересах корпораций, чем из-за стремления к личной выгоде, — также подрывает уважение к деловому миру вообще, хотя многие компании не уличены в преступ-

лениях. Опросы показывают, что доверие к руководителям компаний находится на низком уровне. Доброе имя бизнеса страдает от бесконечного потока скандальных процессов, которые попадают в прессу. Последние примеры:

23 мая филиал «Флоу дженерал инкорпорейтед» признал себя виновным в попытке надуть армию, при заключении подряда на поставку одной из моделей ЭВМ;

24 марта «Милтон Брэдли компани», крупный производитель игрушек, сообщила, что она заплатила штраф в размере 150 тыс. долл., отказавшись оспаривать обвинения в сговоре с целью установления завышенных цен на цветные карандаши;

4 июня федеральное Большое жюри предъявило обвинение в сговоре с целью установления монопольных цен шести крупным пекарням, которые снабжают пирожными нью-йоркские рестораны;

10 июля федеральное Большое жюри предъявило обвинения в обмане и незаконных претензиях в контрактах на работы на 75 кораблях для ВМФ фирме «Юниверсал декинг системз инкорпорейтед».

Эти факты тревожат не всех лидеров делового мира. В недавнем политическом заявлении Национальная ассоциация предпринимателей, отвергая утверждения о «волне корпоративных преступлений», указывала, что «в основном принципы отношений между бизнесом и потребителями в нашем обществе поощряют честность и открытые сделки, наказания за неэтичное деловое поведение и служат постоянным сдерживающим моментом для подобных явлений».

Роберт Крикорьян, председатель правления «Рекснорд инкорпорейтед», находящейся в Милуоки транснациональной компании по производству промышленного оборудования, придерживается иной точки зрения. «Мы утратили доверие американского народа,— горько сетует он.— После всего того, что писалось об этом, мне кажется ужасным вновь и вновь читать сообщения о том, что ведущие компании практикуют такие методы, как сговор об установлении цен. Это отвратительно».

Чтобы определить масштабы проблемы, сотрудники «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» изучили правительственные документы и имели беседы с самыми различными специалистами. Вот что показали итоги этого расследования:

объявления министерства юстиции о действиях против корпораций за последнее десятилетие свидетельствуют о том, что из 500 крупнейших компаний страны 12,2 процента были вынесены приговоры или они не оспаривали обвинений по крайней мере в одном правонарушении и еще 10,8 процента были наказаны за серьезные правонарушения;

из отчетов, представленных в комиссию по ценным бумагам и биржам 25 крупнейшими корпорациями страны, следует, что с 1976 года семь из них были осуждены или не оспаривали обвинений по крайней мере в одном преступлении и еще семь были вынуждены пойти на урегулирование по крупным неуголовным нарушениям — итого 56 процентов компаний были связаны с какими-то серьезными нарушениями закона в своей деятельности;

за десятилетие с 1971 по 1980 год включительно, по данным Административного управления

судов США, по крайней мере 2690 корпораций различных масштабов были осуждены за совершение уголовных преступлений;

вина за совершение некоторых преступлений возлагается корпорациями на руководство среднего звена или же «вышедшие из-под контроля» отделения или филиалы. В других случаях преступный сговор организуют высшие руководители фирм;

растет число судебных преследований виновных руководителей компаний, но лишь незначительному их числу предъявляются обвинения в совершении преступлений, а из тех, кому они предъявлены и кто осужден, еще меньшая часть попадает в тюрьму. Многие виновные в совершении экономических преступлений продолжают пользоваться всеми преимуществами своего положения высших руководителей.

В нескольких случаях в нарушении законов были уличены даже целые отрасли промышленности. Но чаще судебным преследованиям подвергались лишь некоторые из компаний, уличенные в совершении уголовных преступлений или серьезных гражданских правонарушений. Например, за обследуемое десятилетие такому энергетическому гиганту, как «Шелл», с ежегодным оборотом 22 млрд. долл., не было предъявлено ни одного обвинения. А «Галф ойл» была потрясена серией судебных исков, вызванных нарушениями закона о финансировании избирательных компаний и других законов. «Эшланд ойл» была оштрафована в 1973 и 1974 годах за незаконные пожертвования на политические цели и осуждена в 1977, 1980 и 1982 годах за установление завышенных цен. Кроме того, 27 крупных нефтяных компаний в результате

федеральных исков согласились выплатить 633 млн. долл., полученных путем завышения цен.

Аналогичным образом в розничной торговле «Федерайтед департамент сторз» не смогла оспаривать обвинения в установлении завышенных цен, предъявленного ей в 1978 году. А три крупнейшие американские компании розничной торговли — «Сирс энд Робак», «Дж. К. Пенни» и «Монтгомери Уорд» — согласились в 1980 году выплатить 24 млн. долл., чтобы урегулировать гражданские иски, вызванные продажей японских телевизоров в США дешевле розничной цены в Японии.

Крупнейшая компания розничной торговли продовольствием «Сейфуэй сторз» не была замечена ни в каких нарушениях. Но три другие — «Ферст нэшнл супермаркетс», «Фишер фудс» и «Ассошиэйшн оф стоп-н-шоп супермаркетс» — были оштрафованы в этом году на 2 млн. долл., за установление монопольных цен в Кливленде.

По всем признакам большинство участников корпоративных правонарушений — традиционные столпы общества: они ходят в церковь, активно участвуют в делах местных общин, являются членами престижных клубов, окончили хорошие учебные заведения. При каких обстоятельствах такие люди переходят грань и совершают преступления? Обычный мотив — повысить прибыли компании. С этим соблазном особенно трудно бороться, когда компания находится на грани банкротства.

То, что произошло в «Локхид эйркрафт корпорейшн», когда она находилась на грани финансовой катастрофы в начале 70-х годов, позже с необычной откровенностью было изложено в докладе специального контрольного комитета

совета директоров компании. В докладе рассказано о том, как два высших должностных лица создали секретный фонд для подкупа в размере 38 млн. долл., истраченных в основном на взятки иностранным должностным лицам.

Вполне возможно, что взятки помогли переживающей серьезные трудности компании вновь встать на ноги. Акции «Локхид», которые упали в цене всего до 3 долл., сейчас вновь стоят 60 долл за штуку. Но в докладе содержится вывод: «У комитета создалось впечатление, что старшие руководители компании, в частности председатель правления Д. Дж. Хотон и главный управляющий А. К. Котчян, были готовы нарушить такой главный принцип, как честность, ради краткосрочной выгоды, чтобы помочь как они считали, финансовому спасению компании». «Локхид» признала себя виновной в уголовных правонарушениях и выплатила в виде штрафов 647 тыс. долл. Ни Хотону, ни Котчяну не были предъявлены обвинения в совершении преступления, они только ушли со своих постов.

Даже компании, получающие большие прибыли, иногда стремятся увеличить свои доходы незаконными путями. В середине 70-х годов чиновники Огайо обнаружили, что РЕВКО, одна из четырех крупнейших фирм страны, поставляющих лекарства со скидкой, дважды предъявляла штату одни и те же счета за рецепты. Налогоплательщиков обманули более чем на полмиллиона долларов. Впоследствии РЕВКО, которая была оштрафована и вынуждена вернуть лишние деньги, воспользовалась положением закона Огайо, позволяющего ликвидировать в

государственных документах все следы обвинительного приговора.

Когда корпорация попадает в неприятное положение по обвинениям в установлении монопольных цен, подкупе, незаконных выплатах, неуплате налогов или загрязнений окружающей среды, то в оправдание ее руководители часто заявляют: «Так поступают все». Эта мысль успокаивает совесть преступников, и часто это соответствует действительности. Когда в середине 70-х годов министерство юстиции рассматривало положение в бумажной промышленности, оно обнаружило свидетельства широкой практики подобного установления цен. Например, против изготовителей мешков, этикеток, картонных коробок и писчебумажных товаров было возбуждено свыше ста истоков. Компаниям, представляющим 70 процентов отрасли, производящей бумажные коробки, с оборотом 1,5 млрд. долл., были предъявлены обвинения, и они были осуждены или признали вину, не оспаривая обвинения.

Федеральные прокуроры обнаружили аналогичную картину в дорожном строительстве. К сегодняшнему дню за установление монопольных цен были осуждены или не оспаривали обвинений 131 компания и 151 должностное лицо корпораций в 17 штатах, и расследование продолжается.

В некоторых случаях проблему усугубляет мания слияний. В 70-е годы в США слились или были куплены 28 530 компаний. Некоторые компании росли так быстро — и часто в незнакомые сферы деятельности, — что советы управляющих теряли контроль над своими собственными филиалами. Кроме того, на управляю-

щих приобретенных компаний зачастую оказывался такой нажим с целью заставить их улучшить результаты деятельности, что соблазну нарушить закон случалось невозможно противостоять.

Иногда оказывалось трудно контролировать даже старые филиалы, как это обнаружила «Интернэшнл телефон энд телеграф». Когда в 1975 году ИТТ оказалась замешанной в скандале по поводу незаконных выплат за границей, четыре крупных европейских филиала этой компании отказались открыть свои бухгалтерские книги даже перед своей материнской компанией. Специальный комитет ИТТ в конце концов изучил эти документы и сообщил суду о сомнительных выплатах 5 млн. долл. и еще одном крупном скандале с подкупом. Вызывает «крайнюю тревогу», заявил комитет, что иностранные филиалы продолжали действовать по-старому после того, как материнская компания избавилась от правонарушений. Лишь после замен в высшем руководстве к соблюдению законов стали относиться всерьез.

Почему одни компании остаются чистыми, в то время как с другими часто случаются неприятности? Одна из причин коренится в образе руководства. Роберт Майлз, научный сотрудник Гарвардского университета по проблемам руководства компаниями, утверждает, что коммерческие организации вырабатывают собственный стиль управления, который налагает глубокий отпечаток на работающих в них людей. Некоторые компании — «настоящие неандертальцы», алчные и бессовестные.

В них, говорит Уитни Норт Сеймур, бывший федеральный прокурор Нью-Йорка, «руководст-

ву, по-видимому, присуще чувство исключительности, поэтому настоящим грехом считается быть уличенным, а не делать нечто такое, что подрывает нормы деловой этики».

Юридические факультеты, школы бизнеса, правительственные чиновники, даже криминалисты долгое время оставляли без внимания такого вида преступность. ФБР следит за всеми сообщениями об убийствах, изнасилованиях, нападениях и кражах автомашин в стране. Правоохранные органы также регистрируют все случаи растрат и воровства — преступлений, жертвами которых являются компании. Но ни одно учреждение не хранит полного досье преступлений, которые совершены самими корпорациями.

Некоторые лидеры делового мира доказывают, что картина деловой преступности совсем не так мрачна, как может показаться на первый взгляд. Они говорят, что нынешний «взрыв преступности корпораций» всего лишь результат шумных судебных расследований, имевших место в 70-е годы, таких, как дела о подкупе иностранных деятелей и установлении монопольных цен в бумажной промышленности. Энтони Браделис, вице-президент по юридическим вопросам «Мид компании», крупной фирмы бумажной промышленности, утверждает, что в обоих случаях — подкупа иностранных деятелей и установления монопольных цен — изменились правовые нормы и люди подверглись судебному преследованию на основании новых законов или тех законов, которые ранее не претворялись в жизнь.

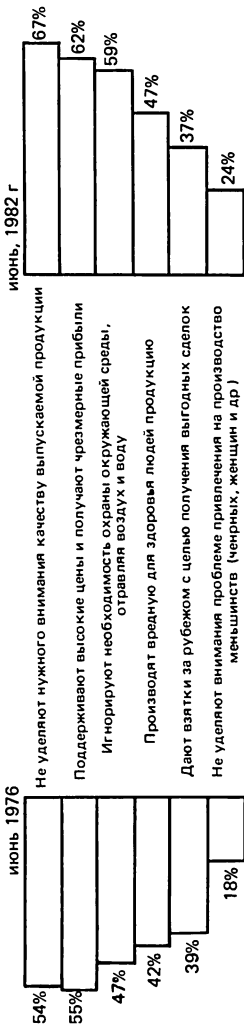
Независимо от того, как анализировать статистику, она не дает никакого представле-

ния о реальных масштабах преступности корпораций, которая не получает огласки и не преследуется. Прокуроры говорят, что не знают, растет или сокращается такая преступность, но они не скрывают того, что суд рассматривает лишь незначительную часть возможных нарушений закона. «Деловая преступность остается туманным явлением, которое серьезно недопонимают,— говорит Леонард Орланд, профессор права Коннектикутского университета.— Если бы были точные цифры,— утверждает он,— они, вероятно, прояснили бы, что масштабы «скрытой» преступности в этой области велики и что преступления в значительной мере не подвергаются судебному преследованию».

По сравнению с тюремным заключением, к которому обычно приговариваются грабители и бандиты, корпорации и их руководители, множество других служебных преступников отделываются легким испугом. Большинство преступлений, в которых обвиняются корпорации, влекут за собой ничтожные штрафы, размер которых с годами не меняется и в худшем случае представляет собой для корпорации лишь мелкие неприятности. Когда в прошлом году произошел взрыв ядохимикатов, которые «Ралстон пурина компани» спустила в канализацию, компания была оштрафована всего на 62 500 долл. за нарушение федеральных законов о чистой воде. Когда «Форд моторс компани» была уличена в загрязнении реки Каноха в Западной Виргинии четыреххлористым углеродом, ее оштрафовали на максимальную сумму — 35 тыс. долл.,— и она согласилась выделить 1 млн. долл. на исследование воздействия загрязнения воды на здоровье людей. Наказание составило всего

РОСТ НЕДОВЕРИЯ АМЕРИКАНЦЕВ К ЧАСТНЫМ КОРПОРАЦИЯМ. (результаты опроса общественного мнения)

Очень обеспокоены тем, что корпорации...

лишь один процент от прибыли компании, получившей в 1981 году 140 млн. долл.

Когда «Вестингауз электрик компани» в 1978 году признала себя виновной по обвинениям, включавшим подкуп египетского официального лица, максимальный штраф составил 300 тыс. долл.— один процент от суммы контракта в 30 млн. долл., заключенного в результате подкупа.

Часто в преступлении обвиняется корпорация в целом, а не какое-то определенное лицо, и до последнего времени даже осужденные сотрудники корпорации чаще приговаривались к какой-нибудь принудительной работе, чем к тюремному заключению. Сейчас все большее их число попадает в тюрьму, однако они редко осуждаются на срок, превышающий шесть месяцев. Корпорации делают все возможное и невозможное, чтобы защитить своих сотрудников, обвиненных в совершении преступлений.

Президент и председатель правления «Нортроп корпорейшн» Томас Джоунс был обвинен в 1974 году специальным прокурором по уотергейтскому делу в «сознательном пособничестве и подстрекательстве» к взяткам с целью осуществления незаконных политических сделок, направленных на то, чтобы помешать ходу расследования. Джоунс признал себя виновным и был оштрафован на 5 тыс. долл. Он был смещен с поста президента «Нортроп», но остался председателем совета директоров компании с окладом в размере 1 млн. долл. в год.

Поскольку сами корпорации трудно привлекать к ответственности, правительство сейчас по возможности старается привлечь к ответственности их руководителей. Один сотрудник ми-

нистерства юстиции сообщает: «Нельзя послать в тюрьму корпорацию. Мы должны сосредоточивать внимание сначала на человеке, а затем на корпорации. Реальное сдерживающее средство — угроза тюремного заключения».

Даже при этой новой установке правительства прокуроры имеют основания полагать, что в условиях, когда число банкротств компаний достигло наивысшего после 1933 года уровня, на преступления идут все новые фирмы. Помощник министра юстиции Кэрл Динкинз, отвечающая за отдел, преследующий виновных в загрязнении окружающей среды, говорит: «Те компании, которые не соблюдают закон, имеют реальное преимущество в конкуренции».

Джерри Кейт, прокурор штата Монтана по борьбе с нарушениями антитрестовских законов, говорит, что в тяжелые времена обычно бывает больше нарушений законов. Он добавляет: «Сейчас на рынках ощущается кризис, поэтому есть соблазн нарушать закон. Все испытывают на себе экономические трудности, и в такое время компании могут стать смелее, чем обычно».

«Альтернатива, которую я имею в виду, может быть названа «гуманистический капитализм». Крупные частные корпорации, надо полагать, останутся доминирующими экономическими институтами американского общества. Если методы деятельности корпораций будут развиваться в направлении

«гуманистического капитализма», то их цели примут более широкий характер и включают в себя должную социальную ответственность. Это не будет лишь жест, направленный на «подкрашивание» общественного лица корпораций, это не будет всего лишь моральная ответственность, это будет функциональная задача, существующая наряду с целями обеспечения прибыли и делового престижа».

*Уиллис Хармэн, директор центра
политических исследований
Стэнфордского
исследовательского института*

**ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА —
ОГРАНИЧЕНИЕ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ**

(Интервью «Монд диманш», 29 августа 1982 г.)

Л. Браун — президент исследовательского Института «Уорлдуотч» (Вашингтон), занимающегося анализом глобальных проблем. Ранее занимал пост советника министерства сельского хозяйства США.

В о п р о с: Почему вы решили отказаться от официального поста и основать Институт «Уорлдуотч»*?

О т в е т: Потому что мы не можем больше не учитывать связи между ухудшением состояния окружающей среды и экономическими трудностями. Сталкиваясь с кризисами, правительства западных стран ограничиваются налоговыми или финансовыми мерами. Между тем статистические данные показывают, что производство основных товаров первой необходимости на душу населения в мировом масштабе неуклонно сокращается. Этот регресс является тревожным сигналом. Он начался в 1964 году с древесины, в 1970 году пришла очередь рыбы, в 1973 году — нефти, в 1976 году — говядины и в 1978 году — зерна.

В о п р о с: Где же выход?

О т в е т: Прежде всего надо принять меры в области демографии. Население растет слишком быстро. По оценкам Всемирного банка, при

* «Всемирная вахта».

нынешних темпах роста на Индийском субконтиненте в 2020 году будет проживать 2,3 млрд. человек, то есть больше, чем на всей планете в 1940 году. Нужно замедлить этот рост и добиться, чтобы показатель прироста населения был близок к нулю для развитых стран к 2000 году, а для всех остальных — к 2020 году, если мы не хотим, чтобы население Земли превысило 6 млрд., что было бы для нас роковым*.

Вторая мера — защита пахотных земель. В США эрозия верхнего плодородного слоя почвы из-за разрушения естественных защитных экологических систем более чем на трети обрабатываемых земель привела к снижению урожайности. Сельскохозяйственные земли все больше и больше поглощаются растущими городами и деревнями, железными дорогами, промышленными объектами, шахтами. Как сказал один из американских экспертов, «вместе с исчезновением сельскохозяйственных земель исчезает и пища, асфальт становится последним урожаем».

Кроме того, нужно заняться восстановлением лесов. Наша планета ежегодно теряет леса на площади, равной Венгрии. А ведь они не только играют важную экономическую роль, но и остаются главным источником топлива для 40 процентов населения земного шара.

В о п р о с: Но ведь эта доля сокращается...

О т в е т: Нет, в долгосрочной перспективе

* Автор переоценивает значение демографического фактора в жизни общества. Согласно расчетам ученых, запасы мировых ресурсов на сегодняшний день достаточны, чтобы обеспечить нормальные условия жизни населению земного шара, даже превышающему 6 млрд. человек.

тенденция будет прямо противоположной. Использование дров растет и в быту, и в промышленности в том случае, если это топливо оказывается дешевле нефти или угля. В настоящее время дрова дают в США вдвое больше энергии, чем атомные электростанции. Лес — один из перспективных видов возобновляемого топлива. Конечно, каждая страна должна выбрать наиболее подходящие для нее варианты: небольшие гидроэлектростанции, ветровые электростанции, солнечные батареи, фотоэлектрические элементы, энергия биомассы, использование отходов, энергия морских волн и т. д.

Нам следует также прекратить непроизводительные расходы энергии и сырья. В отношении энергии люди стали кое-что осознать. В США закон 1975 года предписывал автомобилистроителям добиться в 10-летний срок снижения среднего потребления бензина двигателями автомобилей с 17 до 8,5 литра на 100 км. Рост цен на горючее побудил эти компании ускорить конструкторские разработки, так что некоторые из них достигли этой цели уже в нынешнем году.

В о п р о с: А что может заставить людей экономить сырье?

О т в е т: Элементарный здравый смысл. Достаточно взглянуть на цифры. Для производства тонны алюминия из вторичного сырья нужно лишь 4 процента той энергии, которая расходуется на получение того же количества алюминия из боксита. Для меди этот показатель составляет 10 процентов. Возьмем, например, Японию, которая проводит в этом отношении политику, достойную подражания. В этой стране доля вторичного сырья в общем объеме используемого

сырья возросла с 1974 по 1978 год с 16 до 48 процентов. Японцы покупают у США отслужившие свой срок автомобили и используют их для получения металла, так что у нас говорят: «Тоёта» нынешнего года — это «бьюик» прошлого года».

В о п р о с: Не полагаете ли вы, что для перехода к «устойчивому обществу» потребуются полная переориентация государственных и частных капиталовложений?

О т в е т: Для начала все это будет стоить очень дорого, в особенности переход на возобновляемые источники энергии. Поэтому нужно изменить очередность стоящих перед нами задач. Главный путь — ограничение военных расходов, которые составляют ныне 550 млрд. долл. в год. А для этого должно измениться представление о национальной безопасности. Ныне нашей безопасности угрожают уже не только отношения между государствами, но и отношения между человеком и природой.

Ричард Смит Бил

КТО СТАНЕТ ЛИДЕРОМ В ЗОНЕ «Д»?

(«Интернэшнл стадиз ноутс», весна 1982 г.)

Р. Бил — специальный советник президента США по долгосрочным социально-экономическим прогнозам.

Структурные изменения в современной международной жизни так же велики, а может быть, еще значительно, чем сдвиг от аграрного хозяйства к строительству железных дорог, производству стали и становлению крупной промышленности, происшедший в середине XIX века. Развитие телекоммуникаций и истощение верхнего слоя почвы могут послужить примером серьезности происходящих перемен.

Поток компьютеров и систем телевизионной связи свидетельствует о возникновении новой информационной экономики в глобальном масштабе. Новые информационные технологии представляют собой подспудные силы, трансформирующие национальные производства в общемировую экономику. Они способствуют переходу от международной системы самодостаточных национальных экономик, базирующихся на промышленном производстве, к мировой системе взаимозависимостей, основанной на информационных продуктах и услугах. Постепенно этой трансформации подвергнутся не только социальные и экономические отношения, но и системы власти, возникшие в индустриальную эпоху.

Глобальные экономические финансовые рынки позволяют многонациональным корпорациям «перебрасывать» миллионы долларов из одной страны в другую за несколько минут. К примеру, общая сумма частных и правительственных вкладов арабских стран — производителей нефти в США постоянно колеблется, по некоторым оценкам, между 100 и 200 млрд. долл.

Однако умопомрачительные технические достижения, связанные с возникающим информационным обществом, не избавляют нас от печальной необходимости помнить о «хлебе насущном». Нынешняя тенденция для большинства стран мира заключается в том, что они все в меньшей степени способны обеспечивать себя продуктами питания. В ближайшее время конъюнктура мирового рынка будет благоприятствовать развитию сельского хозяйства США. Однако глобальный спрос непременно нанесет мощный удар по нашей рыночной системе, пищевым ресурсам и развитию пищевой промышленности. Многие специалисты считают, что сельскохозяйственный сектор США почти достиг своего потолка.

Мир переживает один из важнейших переломных периодов в своей истории. Около 10 лет назад советник президента Картера по национальной безопасности З. Бжезинский писал, что «трансформация, происходящая сегодня, особенно в Америке, уже создает общество, все больше отличающееся от своего индустриального предшественника».

Мы колеблемся между двумя великими периодами цивилизации и должны отдавать себе отчет в том, что, оказавшись на линии водораздела двух эпох, Америка и весь мир входят

в зону опасности, беспорядка и потенциального бедствия — зону «Д»*, — доселе неведомую, с которой люди никогда прежде не сталкивались.

Пока не существует конкретных планов избежать подобной перспективы, предмет наших рассуждений является не вероятность или невероятность вступления в зону «Д» и не возможности осуществления тех или иных вариантов будущего. Скорее всего, речь идет о том, за кем будет мировое лидерство в предстоящие сложные времена. Когда мы вступим в зону «Д», кто будет направлять нас, улаживать конфликты, определять цели и поддерживать мировой порядок?

Если мир входит в новый век на волне новой технологии, находясь одновременно под угрозой экологической катастрофы, можем ли мы предполагать, что Америка будет в авангарде прогресса? Утверждение, что США автоматически сохранят за собой лидерство, далеко не бесспорно и слишком смело. Техника может быть основной детерминантой социальных изменений, но, чтобы способствовать развитию общества, она должна базироваться на интеллектуальной традиции и ценностях всего общества, а не только технократов. Без этого фундамента готовность толстосумов вкладывать средства в исследования и развитие будет время от времени пропадать, как это уже бывало в Соединенных Штатах. Большинство технических побед США 1950—1970-х годов было основано на научных успехах периода с 1914 по 1930-е годы. Подлинно новыми достижениями с 1945 по

* От англ. *danger, disorder, disaster.*

Последний урожай

1975 годы были лишь компьютеры и комплексные лечебные средства.

Фундаментом американского лидерства в мире является экономика, но влияние США подвергается в настоящее время серьезной эрозии. Соединенные Штаты могут иметь достаточно средств для своих насущных нужд, но вопрос о мировом лидерстве в зоне «Д» будет решаться в первую очередь в зависимости от интеллектуального и экономического потенциала. Перед лицом огромной нужды в капитале в экономике страны наблюдаются такие явления, как снижение заработной платы, уменьшение прибылей, рост процентных ставок, инфляция и стагфляция, опасно растут дефициты.

И на этой шаткой экономической основе США собираются обеспечить свое руководство в зоне «Д»? Если фундаментально не изменится социальная политика от распределения благ к их созданию, от потребления к производству, очень сомнительно, что США будут обладать достаточной экономической базой, чтобы утвердить себя в грядущей глобальной экономике.

КОММЕНТАРИЙ

За предсказание будущего брались многие. Но история знает очень мало примеров правильного предвидения хода грядущих событий. Зато можно привести бесчисленное множество примеров всякого рода прогнозов, которые затем занимали место на кладбище несбывшихся пророчеств.

Что обычно мешает исследователям безошибочно оценить существующие тенденции развития общества, наметить его перспективы и заглянуть в будущее?

Наверное, главный источник многочисленных неудач на этом поприще следует искать в субъективизме, идеологических стереотипах и социально-классовых предрассудках, в привычных штампах сознания. Находясь в плену представлений вчерашнего дня, в плену догм, навязанных повседневным практическим опытом, наконец, догм здравого смысла, выработанного на базе этого опыта, невозможно учесть всесторонне сложный механизм социальной действительности, явные и подспудные рычаги, приводящие его в движение.

Попытками выйти за рамки подобных стереотипов мышления являются статьи крупных специалистов в области футурологии Джерарда О'Нейлла, Элвина Тоффлера, Германа Кана, Джона Фелпса и Дэниела Белла, помещенные в данном разделе. Этим работам, бесспорно, нельзя отказать ни в наблюдательности, ни в смелости научного мышления. В них правильно подмечены некоторые действительно очень важные тенденции современной экономической и социальной жизни западного общества. Однако невозможно не заметить, что у всех этих авторов во главу угла поставлен чисто «технический» подход к природе и развитию человеческой цивилизации, который как бы подменяет собой конкретный анализ форм собственности, организации производства, мероприятий в области социального законодательства, методов государственного регулирования экономики и тем более коренных пороков современного капитализма.

Как бы заранее подразумевается, что общество будущего должно функционировать не на основе объективных социальных и экономических законов, согласно которым неизбежно восхождение человеческого общества к более высоким формам социально-экономического устройства, а просто вследствие технического прогресса, который будто бы сам собой порождает новые формы общественных отношений.

Подобный односторонний подход к исследованию будущего подчас приводит авторов к явно тенденциозным выводам. Так, Дж. О'Нейлл наивно полагает, что главная причина современных проблем человеческого общества (под которым понимается капиталистическое общество) ко-

ренится в чрезмерной величине отдельных его элементов — городов, государств и т. п. Децентрализация социальной и экономической жизни, связанная с освоением космического пространства, как он считает, может привести к излечению таких язв, как преступность, обезличивание человека в капиталистическом обществе и даже войны.

Говоря о социальных конфликтах и противоречиях завтрашнего дня, американские футурологи пытаются доказать их полную противоположность классовой борьбе в капиталистических странах сегодня. Например, Э. Тоффлер, указывая на растущее расслоение общества, плюрализацию идеологических взглядов и политических интересов, утверждает, что главным стержнем политической борьбы будущего станет конфликт между «людьми Второй волны» (т. е. консервативными силами «индустриального общества») и «людьми Третьей волны» (т. е. сторонниками решительной модернизации и перехода к «постиндустриальной стадии»). Причем якобы этот конфликт делает классовые антагонизмы если не устаревшими, то, во всяком случае, сугубо второстепенными.

Поскольку же основные проблемы будут-де по своей сути носить чисто «технический» характер, то и решения будут приниматься в основном «технические». Таким образом, фактически исключается постановка крупных общественных вопросов, для решения которых необходимы коренные социальные сдвиги. Типичным примером такого подхода может служить статья Дэниела Белла «Постиндустриальное общество», в которой он утверждает, что неуправляемая западная экономика (в его

терминологии — «экономика товаров») автоматически перерастает в рациональную и плановую «экономику информации». А руководить «постиндустриальным обществом» будут не крупнейшие монополистические группировки и их политические ставленники, а наиболее квалифицированные и талантливые интеллектуалы — «меритократы».

В этих рассуждениях нетрудно найти социальный подтекст. Исторический спор между трудом и капиталом как бы раздробляется на многие мелкие вопросы, к которым надо подходить чисто прагматически. В самом деле, зачем нужны социалистические преобразования, если общество независимо от его социальной природы требует не политических решений, а технических подходов и некоторых организационных перестроек, постепенного совершенствования своих институтов? Зачем развивающимся странам бороться за установление нового международного экономического порядка, если в недалеком будущем, как утверждают Г. Кан и Дж. Фелпс, развитие новых технологий приведет к радикальному улучшению их экономического положения?

Однако иллюзорность «технического» подхода к исследованию будущего обнаруживается сразу же, как только речь заходит о конкретных социально-экономических проблемах американского общества, которые лишь обостряются под воздействием научно-технического прогресса. Выясняется, что между абстрактным теоретизированием футурологов, пытающихся заглянуть на десятки, если не сотни лет вперед, и конкретными исследованиями экономистов и социологов, анализирующих современные тенденции разви-

тия США, существует глубокая пропасть. Так, например, Э.Тоффлер практически полностью игнорирует проблему безработицы, мимоходом указывая, что сокращение продолжительности рабочей недели и переход к новой форме натурального хозяйства, вероятно, снизят остроту этой проблемы. А как убедительно показывает в своей статье Уильям Серрин, развитие новой технологии, растущая автоматизация производства уже сегодня серьезно обостряют положение на рынке труда в Соединенных Штатах. В дальнейшем, когда процесс автоматизации затронет новые отрасли, проблема безработицы еще более обострится.

Весьма спорным оказывается один из важнейших постулатов Тоффлера, будто в цивилизации Третьей волны творческие способности каждого человека будут реализованы в полной мере, а роль отупляющего, монотонного неквалифицированного труда будет сведена на нет. Чисто гипотетически можно, конечно, предположить, что сама логика научно-технического прогресса в конце концов приведет к отмиранию традиционного, простого промышленного труда и откроет перед каждым человеком возможность разнообразной творческой деятельности, насыщенной творческими исканиями, научными открытиями, изобретениями. Но в условиях современной капиталистической действительности, как показывает в частности У.Серрин, процессы автоматизации приводят к потере мест прежде всего квалифицированных рабочих, сохраняя спрос на дешевую неквалифицированную рабочую силу.

Что же касается мнения об изменениях целей и принципов функционирования частных

корпораций по мере перехода к «обществу будущего», то оно еще меньше привязано к реальным тенденциям. Как свидетельствуют факты, изложенные в статьях «Скрытая сила подпольной экономики», «Преступления американских корпораций», различные злоупотребления монополий США уже сегодня принимают столь огромные масштабы, что становятся, по сути дела, повседневной практикой частного предпринимательства. О каком росте «социальной ответственности» бизнеса можно говорить, если только за последние десять лет более двух с половиной тысяч американских фирм совершили те или иные уголовные преступления!

Уклонение от уплаты налогов, нарушение антитрестовского законодательства и установление монопольно высоких цен, нарушение законов об охране окружающей среды, саботирование трудового законодательства, нарушение законов против ложной рекламы, несоблюдение патентных и авторских прав, широкое использование различных методов промышленного шпионажа, фальсификация продукции, подкуп политических деятелей и чиновников правительственных учреждений — вот далеко не полный перечень типичных преступлений американского бизнеса.

Большинство преступлений корпораций остаются ненаказуемыми. Как правило, они влекут за собой небольшие штрафы, имеющие лишь символическое значение. Буржуазное государство, которое в теориях футурологов предстает в образе этакого доброго дяди, чуждого каких-либо политических предпочтений и озабоченного лишь тем, чтобы в каждом конкретном случае найти самое рациональное решение в

«интересах всего общества», наглядно демонстрирует здесь свою социально-классовую сущность.

Не о повышении «социальной ответственности» бизнеса, а о стирании граней между деловой практикой и обычной преступностью говорят американские экономисты и социологи. Внешне благопристойные корпорации не брезгуют контрабандой наркотиков, используют гангстерские методы, расправляясь со своими конкурентами, а гангстерские синдикаты в свою очередь занимаются вполне легальными финансовыми операциями. В условиях углубляющегося кризиса капиталистического общества разница между «честным» бизнесменом и уголовником оказывается все более условной: преступность становится организованной, профессиональной, приобретает респектабельность, бизнес усваивает правила и нормы поведения преступного мира, отринув даже те немногие ограничения, которые установлены для него буржуазным государством.

Таким образом, будущее капиталистического общества выглядит далеко не безоблачным. Тем более это относится собственно к Соединенным Штатам, чьи позиции в западном мире, как показывают в своих статьях Феликс Рогатин и Поль Кеннеди, в последние годы серьезно пошатнулись. Действительно, всего три — три с половиной десятилетия тому назад американские монополии доминировали во всей западной экономике. Ослабленные войной страны Западной Европы и Япония не могли даже и помышлять о серьезном соперничестве с США и волей-неволей были вынуждены мириться с ролью «младших партнеров» Америки. Сего-

дня США имеют в их лице опасных соперников, которые существенно приблизились к ним по своей экономической мощи, а в ряде отраслей даже превзошли их.

На протяжении едва ли не целого столетия Соединенные Штаты первенствовали и по размерам доли валового национального продукта на душу населения, и по уровню жизни, возглавляли список производителей стали, автомобилей, станков. К началу 80-х годов США переместились по размерам доли валового национального продукта на душу населения на седьмое место в капиталистическом мире, по уровню жизни — на десятое, по производству стали — на третье, по автомобилям — на второе и т. п. В целом доля США в промышленном производстве капиталистического мира, составлявшая в 1950 году 50 процентов, сократилась к началу 80-х годов до 34 процентов.

Весьма показателен и такой факт. По данным министерства торговли США, между 1977 и 1980 годами производительность труда в американской обрабатывающей промышленности выросла лишь немногим более чем на 1 процент, тогда как в ФРГ она возросла на 10, а в Японии — на 23 процента. Среднегодовой прирост валового национального продукта упал в США с более чем 4 процентов в 60-х годах до 2,8 процента в 70-х. По доле страны в мировом экспорте Соединенные Штаты уступают сегодня ФРГ, а по доходам на душу населения — целому ряду стран.

Несомненно, Соединенные Штаты все еще продолжают оставаться мощной державой капиталистического мира, а американский монополистический капитал — самым крупным и силь-

ным. Но в условиях обостряющегося кризиса экономики США «американская модель» социально-экономического развития перестает быть эталоном даже для капиталистических стран, многие из которых изучают американский опыт не для того, чтобы следовать ему, а для того, чтобы по возможности избежать его.

Весьма характерно, что и Ф.Рогатин, и П.Кеннеди в целом компетентно и последовательно выявляют кризисные симптомы в развитии «американской модели», но оказываются откровенно беспомощными, когда речь заходит о путях выхода из кризиса. Ф.Рогатин призывает к частным конкретным мерам, хотя сам же признает их недостаточность. А П.Кеннеди вообще сваливает все на некие имманентные исторические законы. Трагедия западных ученых состоит в том, что они вынуждены в той или иной манере рисовать картины заката целой эпохи, заниматься поисками «лекарств» для обреченного социально-экономического организма, а потому, чем более беспристрастными и глубокими становятся их анализы капиталистического общества, тем больше пессимизма в них содержится. Нужно обладать большим научным и гражданским мужеством, чтобы, «изнутри» изучая перспективы капиталистического общества, сказать, подобно английскому ученому Джону Берналу: «Век науки и счетных машин — век неизбежно социалистический».

Раздел II

ПОЛИТИКА БУДУЩЕГО И БУДУЩЕЕ ПОЛИТИКИ

Современность динамична. И общества, опутанные сетями все более изоощренных коммуникаций, пораженные сообщениями о новых научных открытиях на пределе познанного и технологических достижениях, кажущихся фантастическими, должны успевать в соответствии с духом времени разрешить еще одну важнейшую задачу — обеспечить управление все более сложными и разветвленными социальными отношениями.

Когда-то Аристотель для определения специфики человека предложил формулу «политическое животное». Способность людей к политической организации восхищала его. Время многое меняет в человеческих отношениях. За века, прошедшие с тех пор, появились новые социальные силы, кардинально изменилась сама

реальность, которая является объектом политического регулирования. В то же время американские политологи не упускают случая подчеркнуть, что в современном мире, как и тысячи лет назад, идут войны, политика по-прежнему нередко переплетается с коррупцией и частные интересы приходят в столкновение с общими.

Стержнем сложнейшего социального организма современной Америки является ее политическая система. И она в полной мере несет на себе печать всех противоречий общества США, помогает разрешить одни общественные проблемы, бессильно останавливается перед другими и, наконец, сама порождает третьи. Каковы тенденции развития политической жизни в Соединенных Штатах? Совершеннее или запутаннее становится со временем политическая организация американского общества? Как меняется политика, ее средства и методы? Меняется ли социально-классовая суть политических процессов? Попробуем выбрать из неиссякающего в Америке потока аналитических материалов на политические темы те, которые характеризуют долгосрочные и перспективные тенденции политического развития.

Обозрев вместе с Робертом Олсоном, сотрудником Института альтернативных вариантов будущего, панораму американской политической жизни, продолжим вместе с авторами последующих статей анализ особенностей политической жизни США, сегодняшнего Вашингтона — этого политического Вавилона современной Америки, центральной законодательной и исполнительной власти страны — конгресса, правительства, а также ведущих политических партий.

Роберт Олсон

ЗАПОЛНЯЯ ВАКУУМ

(«Фьючурист», декабрь 1981 г.)

Р. Олсон — бывший работник аппарата конгресса США, ныне сотрудник Института альтернативных вариантов будущего.

Возможно, Соединенным Штатам грозит беспрецедентный политический вакуум, когда традиционные политические концепции как левых, так и правых все менее будут адекватны усложняющимся проблемам страны. Подобная ситуация при всей опасности также может ознаменовать собой и начало созидательного периода политической переориентации и обновления Америки.

Из двух главных политических партий первым этот вакуум грозит демократам. Традиционно считаясь «партией больших расходов», демократы внезапно очутились перед лицом замедленного экономического роста, инфляции, бюджетных дефицитов и налоговых бунтов. Демократы были партией, ставящей своей главной целью ограничение злоупотреблений монополий, и использовали государство в качестве противовеса большому бизнесу, но теперь общественность озабочена злоупотреблениями большого правительства в не меньшей степени, чем злоупотреблениями большого бизнеса.

Демократы были партией, уделяющей главное внимание программам борьбы с бедностью, но сегодня общественность все более скептически оценивает подобные программы, считая, что они делают людей более зависимыми от государства, ограничивая их свободу. Подобные расхождения демократов с общественностью породили в их лагере разброд.

Республиканцы по всей видимости находятся в не лучшем положении. Программа экономики, ориентированной на предложение, всего лишь догмат веры, как и большинство современных экономических программ, поскольку сама экономическая наука находится сегодня в состоянии полного беспорядка. Попытки сокрушить русских с помощью увеличения военных расходов, вероятно, нанесут серьезный ущерб нашей экономике и приведут к тому, что гонка вооружений достигнет нового, ужасающего уровня. Жизненно важные проблемы отношений между «Севером» и «Югом» и насущная потребность в общемировом сотрудничестве оказались оставленными без внимания. Почти на каждом направлении деятельности республиканцев ждут серьезные трудности.

Нынешний идейный разброд не только ослабляет республиканцев и демократов изнутри, но, что особенно важно, отвлекает внимание обеих партий от катастрофических проблем, маячащих на горизонте. Между тем решение этих проблем потребует такой дальновидности и мудрости, на которые не способна ни одна из существующих политических структур. Например, согласно всем новейшим методикам глобального моделирования, включая и методику Инте-

грированной модели мира*, используемую Объединенным комитетом начальников штабов США, к концу этого столетия в Южной Азии будет наблюдаться катастрофическое увеличение смертности, вызванное голодом. Если расчеты верны, то только незамедлительные многосторонние и продолжительные усилия способны предотвратить бедствие в Азии, которое может дестабилизировать всю международную систему. Что касается самих Соединенных Штатов, то ряд специалистов, анализирующих переплетение и взаимовлияние таких проблем, как снабжение пресной водой, энергетический кризис, истощение пахотных земель, предупреждают, что при продолжении нынешней экономической политики уже в конце 80-х годов Соединенные Штаты столкнутся с комплексным кризисом ресурсов. Но демократы и республиканцы игнорируют эти проблемы.

Есть и другие примеры. Так, движение человечества в направлении информационного общества является ведущей тенденцией нашего времени и, возможно, одним из кардинальных поворотов всемирной истории. От того, какие формы примет этот поворот, во многом будет зависеть, станут ли Соединенные Штаты более гибким, более демократическим, культурным и динамичным обществом или же развитие пойдет по пути все большей экономической концентрации и политической централизации. Однако эти глубочайшие вопросы не выносятся в повестку дня практической политики.

* Интегрированная модель мира — математическая модель тенденций мирового развития, применяемая для прогнозирования при помощи ЭВМ.

Растущий политический хаос и неумение видеть перспективы втягивают нас в период вакуума. Если такой вакуум наступит, ситуация может быть непредсказуемой и опасной. Политика в лучшем случае будет оставаться хаотичной, противоречивой и фрагментарной, в худшем случае она может привести страну к экономическому упадку, социальным беспорядкам и усилению авторитарных тенденций.

Важно понять, что этот политический вакуум вызван не глупостью и не какой-то злой волей, но столкновением общества с проблемами будущего. Умопомрачительный темп глобальных научно-технических и социальных перемен в конце XX века пытаются регулировать, основываясь на политических институтах, разработанных в XVIII столетии. Те, кто облечен наибольшей ответственностью, зачастую не имеют ни секунды времени, чтобы задуматься над этими глубокими изменениями, а те, кто больше всего размышляет на эту тему, чаще всего осознают свою беспомощность и незнание того, что же все-таки надо предпринять.

Главный вопрос в том, — имеются ли сегодня конструктивные идеи для нового политического синтеза. Я считаю, что мы уже вступили в процесс переосмысления традиционных политических схем и вскоре нам предстоит важный шаг в перестройке нашей политической жизни в направлении принципов, адекватных нынешней переходной эпохе.

Полагаю, что в недалеком будущем ряд деятелей демократической партии, как, впрочем, и некоторые республиканцы, придут к единой вполне определенной программе. Они будут выступать одновременно и за жесткую налоговую

дисциплину, и за активное вмешательство государства в экономическую жизнь. Будут поощрять исследования и разработки, выступать за такую кредитную и налоговую политику, которая стимулировала бы капиталовложения в постиндустриальные отрасли. Будут способствовать увеличению финансовых вложений в «человеческий капитал» — программы образования и профессионально-трудоустройственной подготовки, — потому что нехватка квалифицированных кадров — одно из главных препятствий на пути развития отраслей высокой технологии. Они станут поддерживать новые формы сотрудничества между бизнесом, правительством и профсоюзами. Среди других важнейших элементов правительственных программ будут, по всей вероятности, выделяться борьба за ограничение гонки ядерных вооружений, программы экономии энергии, разработки и освоения альтернативных энергетических источников и более широкая деятельность в области охраны и рационального использования окружающей среды. Есть основания надеяться, что подобная политическая платформа быстро завоеует широкое признание, хотя, конечно, столкнется с серьезными трудностями. Нельзя сбрасывать со счетов инертность мышления общественности, которая с трудом воспринимает новые идеи, оппозицию со стороны старых отраслей промышленности и их отраслевых профсоюзов.

Кроме того — и это, пожалуй, самое важное, — в новых условиях произойдет размывание привычных политических границ, а потому большинство будет занимать двойственные и противоречивые позиции. Однако преимущество нового политического мировоззрения состоит в

том, что оно предлагает новые, позитивные и перспективные идеи, способные заполнить политический вакуум.

Сформулированные выше тенденции политики переходного периода не являются единственным возможным вариантом. Речь шла всего о нескольких идеях из целого направления общественной мысли, разрабатывающего маршруты перехода человечества из индустриального в постиндустриальное общество. Сотни книг и статей, написанные в последние годы, пестрят такими странными словосочетаниями, как «сдвиг парадигм», «социальная трансформация», «биополитика», «человеческая шкала», «антисипаторная демократия», «информационное общество», «гуманистическо-экологическое общество» и т. д.

Все эти термины и лозунги отражают возникновение достаточно определенной линии в мышлении, которая содержит немало ценных идей для дальнейшей разработки и претворения в повседневную политическую практику.

С точки зрения политика будущего, понятия консерватизма и либерализма будут считаться всего лишь модификациями однородной по своей сути политической платформы индустриального общества. По словам Элвина Тоффлера, «руководящие принципы, программирующие индустриальное общество», — централизация, эксплуатация природных ресурсов, максимализация производства и потребления и т. д. — применялись в различных формах и консерваторами, и либералами, и капиталистами, и социалистами. Эти основополагающие принципы индустриализма все больше подвергаются сомнению по мере того, как мы движемся в направлении постин-

дустриального общества, основанного на приоритете информации и новой технологии производства. Уже можно достаточно четко различить некоторые из общепризнанных вопросов повестки дня переходного периода. Один из них заключается в том, что некоторые из наших сегодняшних проблем — гонка ядерных вооружений и угроза распространения ядерного оружия, рост мирового населения и проблема голода, нехватка энергии и ресурсов, нарушенное экологическое равновесие, деградация окружающей среды и климатические изменения, разросшиеся бюрократические структуры, кризис человеческого общения и потребность в творческом труде — на самом деле гораздо более серьезны и насущны, чем это признается публично политиками.

Второй вопрос сводится к тому, что для решения всех этих проблем необходима радикальная перестройка наших взглядов и политических программ и что эта перестройка в конечном счете должна всем принести пользу. Мы должны двигаться в направлении более насыщенных и глубоких отношений между людьми, в направлении более гуманных институтов, к более широкому образованию и всестороннему развитию личности, к большей личной ответственности, к большему чувству причастности ко всему человечеству и к такому образу жизни, который включал бы более эффективное использование ресурсов, более бережное отношение к природе и который приносил бы больше удовлетворения личности. Причем подобная перестройка не может быть осуществлена каким-то решением сверху. Она должна прийти в силу самой логики развития, в тот момент, когда мы поймем, что

она созрела, и займемся ее практическим осуществлением.

Давление объективных условий, растущее осознание идейного вакуума и возникновение зачатков политической платформы переходного периода — все это может сделать 80-е годы наиболее продуктивным периодом разработки новых политических идей со времен основания Соединенных Штатов.

Тэд Шульц

УСТАРЕЛ ЛИ КОНГРЕСС США?

(«Сатердей ревью», 3 марта 1979 г.)

Т. Шульц — сотрудник редакции журнала, эксперт по политическим вопросам.

Выйдя из Капитолия около 8 часов утра в воскресенье, измученный, с покрасневшими глазами сенатор остановился поговорить с приятелем перед тем, как сесть в машину, чтобы ехать домой. Хриплым шепотом он сказал: «Знаете, я в сенате 14 лет, но никогда не видел ничего похожего на последние 24 часа. Нельзя допустить, чтобы такое повторилось». То, повторения чего сенатор не хотел видеть, было пароксизмом поспешного принятия законов, во время которого члены конгресса просидели заперти в залах заседаний обеих палат с раннего утра субботы до воскресенья. В ходе 24-часового заседания сенат принял 22 законопроекта, а палата представителей — 14, затратив многие часы на бесчисленные поправки к таким решающим законопроектам, как налоговые и энергетические.

Громадный объем и сложность законов, ставшие главной причиной неразберихи, — серьезная, однако не единственная причина болезни, которой сейчас страдает конгресс. Широкая система подкомиссий, созданная с целью уменьшить влияние председателей комиссий, настолько

распылила полномочия, что важнейшие законопроекты часто задерживаются в подкомиссиях на целые месяцы и появляются оттуда почти неузнаваемыми. Наконец — это самое злое, — конгрессмены все больше полагаются на лоббистов и группы особых интересов в получении указаний, как и за что голосовать.

Это не случайные явления — они присущи конгрессу и политической жизни Америки вообще. Зная об этом, не избежать важного вопроса: не устарел ли институт конгресса? Может ли конгресс без радикального изменения методов его руководства действовать как эффективный законодательный орган и дальше?

Любой анализ основных проблем конгресса должен начинаться с немислимого бремени законов, которое он сейчас пытается нести. Их количество громадно. На сессии 1977—1978 годов конгрессмены внесли 22 313 общих и частных законопроектов и резолюций. 1810 из них палата представителей признала достаточно серьезными, чтобы представить доклады о них, а сенат — 1413. В конце концов они приняли 3211 законопроектов и резолюций, из которых 804 превратились в законы. Эти цифры включают основополагающие законы, а также такие мелкие вопросы, как разрешение продемонстрировать в музее штата Вайоминг таблички с названием колокола и серебряного сервиза с корабля «Вайоминг». И, как будто бы этого недостаточно, в последние два года конгрессу пришлось принимать решения в связи с назначением на 124 730 должностей в армии и на гражданской службе тех лиц, кандидатуры которых были выдвинуты президентом.

Проблема чрезмерной нагрузки усугубляет-

ся сложностью законов, которые все больше и больше включают исключительно детализированные, технически трудные проблемы. Немногие конгрессмены могли бы по совести утверждать, что они осознают все последствия законопроекта, который в конце концов приняли. Поскольку все члены конгресса не могут быть специалистами во всех областях, большинство стало зависеть от суждений признанных экспертов, своих сотрудников, лоббистов и представителей групп особых интересов.

Конгрессмены набирают все больше и больше сотрудников, чтобы справиться с мощным потоком информации. Сейчас с конгрессменами в комиссиях и подкомиссиях работают целых 5 тыс. сотрудников. Их влияние может быть вредным или благотворным, но в любом случае оно быстро растет, поэтому сотрудники превратились в непризнанных законодателей конгресса. Некоторые считаются одними из самых влиятельных фигур в Вашингтоне по определенным проблемам. Но они вряд ли выполняют свое первоначальное предназначение — беречь время своих боссов, — так как зачастую сами способствуют росту числа и объема законопроектов, увеличению количества слушаний, докладов и немыслимых вопросов.

Другие попытки справиться с потоком законопроектов оказались не более успешными. Система подкомиссий чаще замедляет прохождение и дробит законопроекты, чем ускоряет их рассмотрение. Конгресс 96-го созыва, например, имел 29 постоянных комиссий и 151 подкомиссию палаты представителей, 21 комиссию и 112 подкомиссий сената (больше, чем сенаторов), 4 объединенные комиссии и 7 объеди-

ненных подкомиссий. В конгрессе также есть 6 партийных комиссий демократов и республиканцев. В среднем каждый член палаты представителей заседает в трех подкомиссиях, а сенатор — в пяти. Эти группы в группах могут держать законопроект до года, а кроме того, сферы их интересов перекрывают друг друга, что создает все большую путаницу.

Еще одна попытка справиться с огромным объемом работы — это так называемый «календарь временного прекращения»*. При этой процедуре, которая первоначально предназначалась для того, чтобы разделаться с менее важными законопроектами, палата представителей отводит часть понедельника и вторника для общего голосования, не допуская поправок. Но случается и так, что важные финансовые законопроекты пытаются протащить без ведома неосторожных конгрессменов по списку временного прекращения.

Один из наиболее тревожных аспектов в жизни конгресса — усиление влияния лоббистов. Приблизительно 15 тыс. лоббистов тратят сейчас 1 млрд. долл. в год, преследуя конгрессменов на Капитолийском холме, и, вероятно, еще 1 млрд. долл. на связанную с этим деятельность в избирательных округах. Представляет ли он оборонного подрядчика, профсоюз, ассоциацию владельцев ресторанов или интересы частной организации, лоббист прекрасно знает свою область деятельности. Он может знать о ней даже больше, чем сотрудник Капитолия. В этом смысле он становится «техническим советником» для

* Временного прекращения слушания дел конгрессом.

конгрессменов, многие из которых с радостью принимают его помощь.

В кулуарах палаты представителей и сената обычное явление — это группы лоббистов, собравшихся перед голосованием и показывающих, как должен голосовать в зале заседаний конгрессмен, поднимая большой палец вверх или опуская его вниз.

Более позднее нововведение — комитеты политических действий. По избирательному закону 1974 года корпорации и профсоюзы могут вносить по 5 тыс. долл. в фонды любого из комитетов. Создаваемые служащими корпорации, торговыми группами или акционерами, а также профсоюзами, комитеты оперируют крупными суммами. Изучение результатов федеральных выборов показывает, что особенно щедрые дары получали председатели комиссий и что во главе списков доноров стояли те отрасли промышленности и профессиональные объединения, в пользу которых были поддержаны те или иные законопроекты. В среднем каждый председатель комиссии в палате представителей получает от политических комитетов не менее 45 тыс. долл. в год.

В то время как члены конгресса теряют из виду главные задачи в путанице законов и травле со стороны лоббистов, общее согласие становится все более эфемерным идеалом. Призывы к верности либо основным принципам, либо партии, которая должна воплощать эти принципы, утратили ту силу, которую они имели раньше.

В таких вопросах, как сокращение бюджета, налоговая реформа и оборонные расходы, различия между партиями стерлись до неузнаваемости. Парадоксально, но это привело к уменьше-

ЛОББИСТ:

Палец лоббиста, обладает магической властью. Показывает, "за" или "против" должны голосовать его подопечные — сенаторы и конгрессмены.

Строгий серый костюм. Помогает завоевать расположение консерваторов.

Яркий галстук. Помогает завоевать расположение либералов.

Список 100 наиболее влиятельных законодателей с их любимыми блюдами и путеводитель по лучшим Вашингтонским ресторанам.

Туфли спортивного типа. Необходимы, чтобы лоббист успевал с одного заседания на другое.

Лоббист (человек, задача которого заключается в оказании давления на законодателей, чтобы они вносили те предложения и голосования так, как это выгодно силам, которые он представляет).

Система ближней радиосвязи. Позволяет лоббисту постоянно находиться в контакте с группой, чьи интересы он представляет, а также следить за моментом начала голосования на различных заседаниях.

Печатно-множительная машина. С ее помощью лоббист распространяет среди своих подопечных так называемую дополнительную информацию по вопросам, которые они рассматривают.

Кредитные карточки. "Деловые обеды" — прекрасный способ рассказать сенатору или конгрессмену о проблемах, которые тому предстоит решать.

Телефон! Возможно, самое главное оружие лоббиста, особенно когда на носу предвыборная кампания.

дим к самым разным мнениям, и неизвестно, в состоянии ли мы вообще разрабатывать законы».

Удивительно ли тогда, что выборы в конгресс вызывают так мало энтузиазма у общественности? Еще одно неприятное открытие — большое число молодых избирателей, уклонившихся от участия в голосовании.

Хотя члены конгресса прекрасно знают обо всех недостатках в его деятельности, нет перспективы каких-либо серьезных изменений или реформ. Дело в том, что немногие конгрессмены готовы поддержать существенные изменения: их собственным интересам в основном полностью отвечает статус-кво. И поэтому призывы к переменам не слишком настойчивы.

«Необходимо значительно более ясно определить наши национальные цели и приоритеты. Как нация мы не можем более вести дела небрежно, как это делалось до сих пор, — начинаем, останавливаемся, принимаем половинчатые решения, когда нас вынуждает к этому необходимость, и почти не задумываемся о том, какова будет окончательная стоимость той или иной конкретной программы. Если мы хотим достичь устойчивого и значительного прогресса, нам следует усовершенствовать методы принятия решений. Ведь в настоящее время ни конгресс, ни прави-

тельство не могут принять сколь-
нибудь обоснованных решений по
далеко идущим социальным проб-
лемам, поскольку не располагают
достаточными данными, без кото-
рых нельзя определить, как далеко
и как быстро мы должны идти».

*Арджей Миллер, декан
Высшей школы бизнеса
Стэнфордского университета*

БУДУЩЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

(«Фьючурист», декабрь 1981 г.)

Э. Мэй — крупный функционер республиканской партии, занимавший пост заместителя председателя национального республиканского комитета, в настоящее время — преподаватель Гарвардского университета, директор Американского института прикладных политических исследований.

Для того чтобы республиканская партия (и любая политическая партия вообще) сохранила свое место в общественной жизни страны на пороге XXI века, необходимо предпринять ряд мер по ее коренному преобразованию.

Опросы общественного мнения показывают, что сегодня для большинства американцев демократы и республиканцы не более чем привычные политические ярлыки, в значительной степени условные и необходимые, в сущности, лишь для того, чтобы идентифицировать свою политическую принадлежность. Такой подход особенно характерен для избирателей моложе 35 лет. Однако если партийные лидеры смогут предпринять серьезные конструктивные меры в направлении перестройки ключевых областей деятельности своих партий, то эти партии станут чем-то большим, чем формальными организациями.

Прежде всего, партийное руководство должно четко определить роль своей партии в общественной жизни Соединенных Штатов и ее

главные цели. Только после этого можно будет сделать следующий шаг и задаться вопросом, как достичь этих целей.

Определяя цели партии, следует учитывать, что эти цели должны соответствовать технико-экономическим и социально-политическим условиям завтрашнего дня. Традиционные формы политической деятельности, достигшие своего расцвета в период между двумя войнами, давно уже утратили всякий смысл, но только в самое последнее время эта реальность начинает доходить до сознания руководства политических партий.

В прошлом политическое влияние партии определялось тем, насколько она могла обеспечить рабочие места, решить частные социальные проблемы местных общин и предоставить минимум прожиточных средств неимущим. Однако сейчас проблемы подобного «патронажа» над американским народом перестали быть главной темой дискуссий на совещаниях партийных боссов.

На протяжении последних двух-трех десятилетий (то есть именно в период резкого падения популярности и общественной значимости главных политических партий) партийные лидеры все чаще сводили роль партий к агитации на избирательных участках, сбору пожертвований, подбору кандидатов, предвыборной полемике по отдельным вопросам, а иногда — к простой ширме, за которой принимались действительно важные решения.

Партийные руководители и партийные активисты должны понять, что общественность сплачивается, тратит свое время и деньги на политическую деятельность потому, что люди

хотят все вместе стать участниками реального политического процесса, получить доступ к принятию важных решений совсем не для того, чтобы привести к власти тех или иных партийных деятелей. Время, деньги и усилия бессмысленно пропадают, если общественность не видит никаких существенных перемен в работе государственной машины после выборов.

Далее, партийное руководство должно переосмыслить роль партийных активистов. В век работающих женщин, спутниковых систем связи, домашних компьютеров и растущего уровня преступности традиционная практика партийных функционеров, сводящаяся к обходу домов избирателей и бесконечным телефонным звонкам, вряд ли отвечает существующей реальности, не говоря уже о реальности завтрашнего дня.

Однако за пределами непосредственного политического процесса коллективные усилия сотен тысяч людей, которые работают на общественных началах в самых различных областях, приносят партии немало пользы. Возможно, партиям в последние годы становится все труднее вербовать новых членов именно потому, что большинство людей находят другие сферы приложения своей общественной инициативы,— сферы, которые кажутся им более стоящими или более продуктивными.

Поэтому партиям следует рассматривать своих активистов не как агентов, которые раз в два года обходят свой квартал, призывая жителей голосовать за республиканцев или демократов, но как энтузиастов, которые ведут постоянную и упорную работу в местных общинах, занимаясь теми проблемами и вопросами,

которые обходят своим вниманием другие организации.

Наконец, партиям следует переосмыслить и ту систему средств коммуникации, через которую они общаются со своими избирателями. Вряд ли кто-нибудь может с достаточной степенью уверенности сказать, каковы будут средства массовой коммуникации к двухтысячному году, однако все уверены в том, что в этой области, как и в области средств индивидуальной связи, произойдут радикальные преобразования.

Использование республиканской партией платной телевизионной рекламы на выборах в конгресс 1950 года было принципиально новым явлением в политической жизни. Но это всего лишь свидетельствовало о признании новых условий, сложившихся еще к 1950 году. Что же касается будущего, то надо учитывать, что очень скоро спутниковые системы связи, видеомагнитофоны, кабельное телевидение, домашние компьютеры, наручные телефоны, местные теле- и радиостанции низкой частоты станут элементом повседневной жизни. Если политические партии не смогут быстро и эффективно прорваться к избирателям сквозь этот гигантский поток информации, они едва ли сохранят свое значение в жизни американцев. Уже сегодня, если вы спросите большинство людей о том, какие 10, 50 или даже 100 вещей играют наиболее важную роль в их жизни, лишь очень немногие вспомнят о политических партиях.

Возможно, партии все еще играют какую-то роль в Соединенных Штатах только потому, что время от времени они «материализуются» в виде правительственных органов. Однако партийная

принадлежность все меньше и меньше определяет принципы функционирования законодательных органов, которые во все большей степени действуют под руководством людей и философских концепций, перешагивающих партийные границы.

Если партийные организации не смогут быстро определить ту роль, которую они хотят играть в Америке завтрашнего дня, и реорганизовать свои собственные структуры для того, чтобы эффективно играть эту роль, вполне возможно, что в недалеком будущем с наибольшим почтением к политическим партиям будут относиться лишь авторы исторических исследований.

* * *

Авторы известных на Западе футурологических антиутопий, например Олдос Хаксли в романе «Этот смелый новый мир» и Джордж Оруэлл в книге «1984 год», пугают читателей господством в политической жизни будущего сковывающей любое живое начинание тотальной организации, описываемой ими в стиле мрачного гротеска. Бюрократия из тормоза деятельности политических структур превращается в суть их деятельности. Никто, в том числе и сами власти предержащие, не могут серьезно нарушить статус-кво, преодолеть инерцию заведенного механизма.

Реально ли что-то подобное в динамичной на первый взгляд Америке? Приводимые ниже интервью с вашингтонскими политическими деятелями показывают, сколь серьезной преградой на пути разрешения реальных проблем американского общества является инертность, разлаженность, бюрократизм и страсть к демагогии, которыми «болеет» американская политическая машина. Независимо от того, какая администрация пытается ею управлять, в 1984 году, как, впрочем, и до него, детали этой машины вращаются с ощутимым скрипом, а многие проекты социальных перемен в ней просто застревают.

ПРАВИТЕЛЬСТВО: БЕСПОМОЩНОЕ И КОРРУМПИРОВАННОЕ

(«ЮС ньюс энд Уорлд рипорт»,
11 июля 1979 г.)

Если кто-нибудь и знает истинное положение дел в федеральном правительстве, так это люди, которые работают в его аппарате. Корреспонденты «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» беседовали на эту тему с несколькими федеральными служащими, настоящими и бывшими. Вот что они услышали:

Юрист, покидающий пост в министерстве энергетики: ...Приходишь в правительство молодым, напористым и пытаешься хорошо работать. Потом видишь людей, которые приходят утром и ничего не делают, а только читают «Вашингтон пост», пьют кофе, кончают читать газету и идут обедать. После обеда они протрезвляются, если они пьющие, да и непьющие работают с минимальной продуктивностью. К сожалению, некомпетентного работника уволить так трудно, что даже не пытаешься сделать это. Вместо того чтобы наказывать работников за разбазаривание средств и неэффективность, их нередко повышают в должности, не соответствующей уровню их компетентности. Не раз я видел, что инспекторов, не справившихся с ра-

ботой здесь, назначают на более высокие должности в другом месте.

Экономист, недавно ушедший из Федерального банковского совета по делам займов на строительство жилья: ...Я ушел с впечатлением, что банковский совет либо не должен существовать, либо его штат следует резко сократить. Служащие либо были загружены работой частично, либо вообще только делали вид, что работают. Один инспектор работал по 60 часов в неделю и имел трех подчиненных, которые занимались пустяками, так как он не умел распределять работу между ними. То же самое наблюдалось во всем моем отделе, где работало 30 человек. Пять или шесть из них были полностью заняты, а другим было нечего делать, и они, по-моему, занимались мелочами или тем, чем правительственное учреждение не должно заниматься вообще.

Сотрудник комиссии по контролю за качеством потребительских товаров: ...Беда здесь в нарушении системы оценки по заслугам, что и влияет на деятельность всего учреждения. Я столкнулся с этим как президент местного отделения профсоюза служащих федеральных учреждений. Люди идут ко мне с жалобами, и, воспользовавшись законом о свободе информации, я выяснил, что высокопоставленные должностные лица получали места, не соответствующие их компетентности, благодаря приятельским отношениям. Комиссия по делам государственных служащих рассмотрела мои сигналы и сообщила в прошлом году, что руководители шести программ получили назначения незаконно, а четверо из шести совсем не имели соответствующей для своих постов квалификации. Пос-

ле расследования в отставку подали почти два десятка человек, включая председателя. Но комиссия установила, что еще почти 30 человек не соответствуют занимаемым должностям, и большинство из них до сих пор еще их занимают.

Чиновник, ушедший с должности в министерстве здравоохранения, просвещения и социального обеспечения, где получал оклад в 47,5 тыс. долл. в год: ...Я решил уйти, потому что больше не в силах был терпеть бюрократию. Мы пытались претворить в жизнь закон, от которого многого ожидали,— закон о создании учреждений по планированию в области здравоохранения в общегосударственном масштабе. Мы не сумели ничего добиться почти нигде, так как служащие, которым была поручена эта работа, не имели соответствующего опыта и подготовки.

Провести в жизнь какое-либо предложение в сколько-нибудь разумный срок было трудно из-за пирамиды начальников и толпы исполнителей, имевших возможность тормозить все это дело. Кроме того, пытаясь пресечь злоупотребления, убеждаешься, что одни правила перекрывают другие и все вместе они могут исключить всякую возможность быстрых действий.

Бывший сотрудник аппарата Белого дома: ...Все мы работали много, но почти не видели смысла в своей работе. Почти все из того, что считается деятельностью по разработке политики — направление законопроектов в конгресс, обращения к народу в виде посланий или речей и тому подобное или попытки умиротворить тех, кто приезжает в Вашингтон, чтобы пожаловаться,— не дает результатов. Законопроекты застревали. Заявления не оказывали видимого

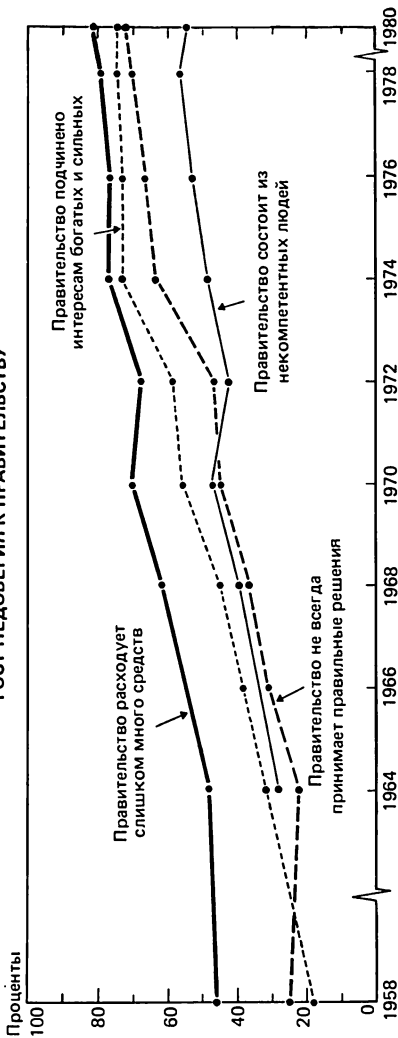

Алхимик: Наконец мне удалось состряпать идеального президента. Он неподкупен, обладает разумом искушенного политика, смелостью морского пехотинца, выносливостью атлета. И поскольку я за равные для всех возможности — этот идеальный президент — женщина.

воздействия на общественность. Успокаивая приехавшую группу людей, не чувствуешь, что разрешил проблемы народа, так как знаешь, что они просто преследуют свои личные интересы. В конце концов прекращаешь попытки что-либо изменить.

Возьмем к примеру раздутые штаты. Ясно с любой разумной точки зрения, что в канцелярии президента, хотя все заняты, по меньшей мере половину работы совсем не надо делать. Никто не хочет сказать: «Моя работа бессмыс-

РОСТ НЕДОВЕРИЯ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ

ленна», поэтому правительство продолжает разбухать. Другой бюрократический феномен — бесконечные совещания. Каждый вскоре начинает понимать, что 9 из 10 совещаний — самая пустая трата времени. Но никто не может остановиться. Доходит до того, что начинаешь нервничать, если совещание прошло, а тебя не пригласили, так как эти совещания — символ твоего значения. Никто не знает, что ты значишь фактически. О тебе судят по тому, на какие совещания ты ходишь и как много ты, по видимости, работаешь. Именно поэтому так много людей, занимающих политические посты, работают по 18 часов в день.

Бывший руководитель Управления по обслуживанию правительственных учреждений:
...Федеральному правительству надо многому учиться в области эффективности. Но сам процесс его работы просто не допускает этого. Во-первых, правительство никому не подотчетно. Никто ни за что не отвечает. Когда я впервые пришел в Управление по обслуживанию правительственных учреждений и столкнулся с проблемой, я сказал: «Ну-ка, позовите ко мне всех, кто за это отвечает». Обернувшись, увидел в комнате 17 человек. Компании никогда не работают таким образом. Всегда есть кто-то один, кто несет ответственность. Другая проблема: правительство никогда не контролирует свои действия. Раз решив что-то сделать, должностное лицо редко проверяет выполнение решения три или шесть месяцев спустя, чтобы посмотреть, достигает ли оно своей цели.

Когда я пытался реорганизовать свое управление, чтобы повысить его эффективность, то обнаружил, что закон запрещает мне вносить

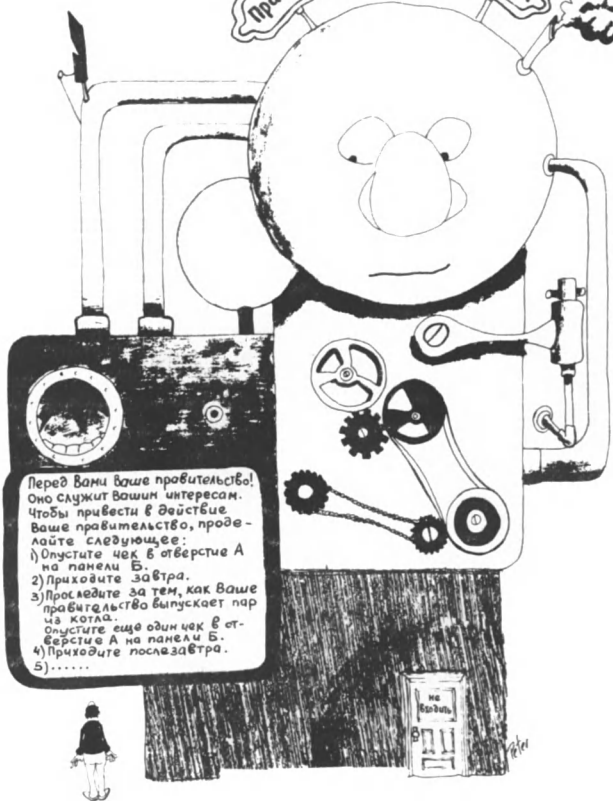
какие-либо изменения. Я не смог ликвидировать дублирующие друг друга ненужные должности, так как они были узаконены. Правительство считает, что служба важнее расходов. Конечно, служба важна. Именно поэтому мы здесь: служим нашим боссам. Но правительство должно быть в состоянии сделать ее более рентабельной. Однако многие должностные лица в правительстве никогда не думают о расходах.

Кумовство расцвело в Вашингтоне пышным цветом. Там масса людей, которые поднялись до руководящих постов и затем назначили на высокие должности своих друзей. В некоторых случаях мы обнаружили, что люди создавали для друзей должности, в которых не было абсолютно никакой необходимости.

Уровень и подготовка служащих моего управления непрофессиональны. Преданных делу людей много, однако преданность делу еще не означает, что вы обладаете профессиональными способностями, необходимыми для управления. Не более половины служащих — в большинстве те, кто уже занимает руководящие посты, — могли бы выйти на открытый рынок и получить работу в частном секторе.

Система государственной службы не позволяет избавиться от некомпетентных людей. Поэтому пытаешься подтолкнуть их на то, чтобы они шли в отставку, или переводишь на такую работу, где не может проявиться их неумение. Согласно законам о государственной службе, надо иметь абсолютно надежные, неоспоримые данные против них. Это довольно трудно сделать, не подвергая себя судебному разбирательству и широкой критике. Федеральный

Правительственная машина США

Перед Вами Ваше правительство!
Оно служит Вашим интересам.
Чтобы привести в действие
Ваше правительство, проделайте следующее:

- 1) Опустите чек в отверстие А на панели Б.
- 2) Приходите завтра.
- 3) Проследите за тем, как Ваше правительство выпускает пар из котла. Опустите еще один чек в отверстие А на панели Б.
- 4) Приходите послезавтра.
- 5).....

на входе

правительственный аппарат можно бы безболезненно сократить, возможно даже на 25 процентов.

Одно из проявлений растущего политического отчуждения в стране — отказ миллионов американцев от участия в президентских выборах. К избирательным урнам приходит лишь около половины граждан, имеющих право голоса, и это число неуклонно уменьшается.

В выборах президента приняли участие:

1960 г.	63,1%	граждан
1964 г.	61,8	»
1968 г.	60,7	»
1972 г.	55,4	»
1976 г.	54,4	»
1980 г.	53,9	»

Известный американский социолог Дэниел Белл считает, что «инициатива в организации основных современных процессов исходит от политической власти». Действительно ли правительство — единственная сила, обеспокоенная судьбами страны, организацией жизни людей? Отнюдь нет. Важную роль в борьбе за социальные и политические права играют профсоюзы, широкие общественные движения, такие, как антивоенное, движение в защиту окружающей среды, и многие другие. Как свидетельствуют статьи Шеффилда Корнелла, Пьера Доммерга, Энн Джексон и Энгуса Райта, происходит расширение состава и влияния названных движений и сил, повышается их политическая активность и в недалеком будущем они смогут стать вровень с центральными участниками политического процесса. Уже сегодня их роль в политике чрезвычайно важна, хотя и весьма неоднозначна. Наконец, политический процесс немыслим без формирования и распространения новостей и информации. Настораживающую общественность тенденции в этой сфере указывает в своей статье Элвин Санофф, член редколлегии журнала официальных вашингтонских кругов «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт».

Шеффилд Корнелл

РАЗНООБРАЗИЕ НОВОЙ ОППОЗИЦИИ В США

(«Монд дипломатик», июнь 1982 г.)

Ш. Корнелл — известный публицист.

Оппозиция политике президента Рейгана обретает в США самые разнообразные формы, из которых самая неожиданная — это, несомненно, деятельность католической церкви. Католический епископат США, уже давно проявлявший большую активность в социальном плане, но занимавший довольно конформистские позиции по внешнеполитическим проблемам, выступил теперь против президента Рейгана по двум вопросам: о поддержке Вашингтоном диктатур Центральной Америки и о ядерном сверхвооружении.

Сейчас, когда уровень безработицы превысил 9 процентов, а банкротства следуют одно за другим, администрация Рейгана пытается вернуться к «доброму старому времени стихийного капитализма». Стремясь запугать прогрессивную общественность и изолировать оппозицию, администрация ведет наступление на нескольких фронтах одновременно. Недавно была создана сенатская подкомиссия по безопасности и терроризму, ставшая новым изданием комиссии по вопросам внутренней безопасности, уп-

раздненной в 1977 году. Она должна заняться «вопросами тревожного роста числа террористических актов, обращая особое внимание на попытки некоторых иностранных держав поощрять и поддерживать деятельность террористов, направленную против граждан и собственности США».

Однако ее полномочия этим не исчерпываются, ибо ей поручено также «изучить и другие угрозы национальной безопасности, в том числе связанные с преднамеренными попытками иностранных спецслужб распространять лживую, вводящую в заблуждение информацию». Таким образом, правительство намеревается объединить «борьбу с терроризмом» с традиционной борьбой против загадочного влияния «иностранных держав», иначе говоря, СССР и его союзников. Иными словами, оно пытается дискредитировать правдивую информацию, которая попадает в печать и мешает Соединенным Штатам проводить операции вмешательства в самых различных районах земного шара.

Одна из главных целей подкомиссии, которой поручено заслушать в качестве свидетелей лиц, выбранных по ее собственному усмотрению,— распространять сообщения о том, что либерально настроенные журналисты и средства массовой информации, проявляющие независимость, «попались на удочку КГБ». Объектами нападок должны быть коммунистические партии, а также члены и руководители тех группировок радикалов и новых левых, которые выразили симпатию к Северному Вьетнаму и Кубе и которые в последние годы пытались влиять на федеральную политику (например, антимилицаристское и антиядерное движение).

Одновременно администрация демонстрирует свою решимость расширить полномочия ФБР и ЦРУ, значительно урезанные непосредственно после вьетнамской войны и в период уотергейтского скандала. Так, например, президент помиловал двух агентов ФБР, приговоренных к тюремному заключению за нарушение неприкосновенности жилища при выполнении задания, связанного с политическим шпионажем. Что же касается ЦРУ, то президент предлагает расширить сферу его деятельности и поручить наблюдение за теми левыми элементами на территории самих США, которых «подозревают» в связях с «враждебными иностранными державами». Со своей стороны сенат недавно подавляющим большинством голосов утвердил законопроект, запрещающий предавать огласке имена агентов ЦРУ. Цель этих мер — избавить от всякой критики и широкой огласки секретные акции ЦРУ именно сейчас, когда в печати нередко упоминается о попытках дестабилизации, предпринятых спецслужбами США в Никарагуа и других местах.

Сегодняшнее наступление на гражданские свободы (о которых так печется Вашингтон, когда речь идет о странах Восточного блока) направлено непосредственно против американских граждан.

Однако «антикрасная» истерия в стране еще не достигла желательных для кое-кого масштабов. Внушительный коммерческий успех фильма «Красные», посвященного жизни журналиста Джона Рида, свидетеля Октябрьской революции и одного из основателей американской коммунистической партии, является одним из доказательств того, что примитивный антиком-

мунизм, столь типичный для эпохи «холодной войны», больше не пользуется успехом.

Другой признак новой обстановки в стране — впечатляющий успех съезда писателей, организованного в декабре прошлого года в Нью-Йорке одним из старейших либеральных еженедельников — «Нейшн». Более 3 тыс. писателей — молодых и старых, знаменитых и неизвестных — собрались для того, чтобы обсудить средства коллективной и индивидуальной защиты моральных и материальных интересов и свободы мысли интеллигенции, а также для того, чтобы заложить основу для создания писательского профсоюза. В одной из резолюций съезда провозглашается «великое право всех американцев говорить, писать и организовывать союзы с целью изменения общества. Сегодняшние попытки ограничить это право во имя национальной безопасности представляют собой серьезную опасность для демократии».

Что касается высших учебных заведений, то, хотя бунтарская лихорадка 60-х годов отошла в прошлое, здесь не моден и слепой конформизм былых времен. Многозначительный в этом отношении эпизод произошел в октябре прошлого года в Нью-Йоркском университете, руководство которого устроило торжественную церемонию, чтобы отдать дань уважения примерно 30 преподавателям этого университета, уволенным за свои убеждения во время свирепой «охоты на ведьм» в 1940 году, то есть за десять лет до Маккарти.

В единодушно принятой резолюции административный совет выразил «свое глубокое сожаление по поводу несправедливости, совершенной в отношении наших бывших коллег, ко-

торые были уволены или вынуждены подать в оставку из-за поставленных им в вину мнений и политических связей и из-за их отказа дать по этому вопросу публичные показания». Университет торжественно обещал неизменно охранять конституционные права преподавательского состава, персонала и студентов на свободу выражения мнений, ассоциаций и интеллектуальных поисков. Подобная резолюция свидетельствует о нежелании значительной части преподавателей и студентов стать на позиции администрации Рейгана в ее отношениях с окружающим миром.

Современное поколение студентов и молодежи в целом, правда менее политизированное, чем предыдущее, совершенно не хочет служить американской военной машине. Почти треть молодых людей не ответили недавно на призыв зарегистрироваться для последующего призыва в армию. В настоящее время тысячи студентов участвуют в новых растущих движениях против финансовой и военной поддержки Соединенных Штатов правым диктатурам Центральной Америки и против политики ядерного сверхвооружения, за которую ратует администрация.

В отличие от эпохи антимилиитаристских и антиимпериалистических движений 60-х годов сегодняшние антивоенные и антиядерные движения, большое влияние на которые оказывает и большой поддержкой для которых является деятельность «пацифистов» в Европе, существуют не только и не столько благодаря студентам, хотя их там и немало. Растущее движение за взаимное «замораживание» двумя сверхдержавами производства, развертывания и испытаний ядерного оружия пользуется (судя по опросам

общественного мнения) симпатией значительной части, если не большинства населения США. Оно пользуется благосклонностью печати и активной поддержкой высокопоставленных деятелей католической и большинства других церквей страны.

Что касается гораздо более радикального движения солидарности с революционным народом Сальвадора, то его национальный и социальный состав еще более разнообразен. Наряду со студентами, лицами свободных профессий и представителями средних классов там можно встретить тысячи трудящихся — белых, негров, мексиканцев, а также индейцев, азиатов и т. д. Все вспоминают о Вьетнаме и открыто проводят параллель между той ролью, которую сыграли США в 70-х годах в Юго-Восточной Азии, и ролью жандарма, или покровителя жандармов, которую администрация Рейгана пытается активно играть в западном полушарии.

Так, например, среди организаторов широкой манифестации против вмешательства США в Центральной Америке, состоявшейся 26 марта в Вашингтоне, были такие группировки, как Движение американских индейцев, «Черные ветераны за социальную справедливость», Национальная негритянская политическая партия, Объединенный негритянский фронт, а также женские, студенческие, пацифистские, христианские организации, не говоря уж о нескольких влиятельных профсоюзах и небольших левых группах коммунистического, троцкистского и социал-демократического толка. Демонстранты несли плакаты с требованиями ассигнований «на занятость, а не на войну», а также права на самоопределение народов Сальвадора и

На плакате: «Война и социальное благополучие несовместимы»

третьего мира в целом. Таким образом, они связывали интервенционистскую внешнюю политику с внутренней политикой жесткой экономики, в силу которой интересы самых обездоленных приносятся на алтарь «национальной обороны» и идеологического крестового похода.

В тот же день состоялось несколько десятков демонстраций по всей стране. Повсюду демонстранты протестовали против обучения сальвадорских солдат в Северной Каролине, решения выделить репрессивному режиму этой страны более 650 млн. долл., попыток «дестабилизации» революционного правительства Никарагуа и угроз в адрес Кубы.

**Арест участника студенческих демонстраций протеста
против гонки вооружений**

Массовая манифестация, устроенная в сентябре прошлого года крупным профцентром АФТ — КПП, который считается консервативным и не очень-то склонным к уличным демонстрациям, свидетельствует о разочаровании и горечи сотен тысяч трудящихся, в том числе и тех, кто проголосовал за Рональда Рейгана. В известной мере эти разочарованные трудящиеся становятся одним из компонентов (правда, наименее «радикальным») новой рождающейся оппозиции.

Что же касается тех слоев населения, которые не поверили посулам Рейгана, то действия правительства после выборов в ноябре 1980 года

лишь укрепили их недоверие. Это относится, например, к самым различным женским организациям, от умеренной Национальной организации женщин до «революционных» феминистских группировок. В настоящее время движение за эмансипацию женщин терпит поражение за поражением от наступающего на него «Морального большинства». Так, например, поправка к конституции о правах женщин вряд ли будет утверждена, так как за нее не высказалось необходимое большинство штатов — две трети. Тем не менее женское движение завоевало за последние годы кое-какие позиции в более или менее либеральных слоях населения. Женщины утвердились почти всюду, в том числе в тех сферах производства и политики, где их присутствие еще лет двадцать тому назад было немыслимо. В антивоенном движении феминистки играют очень активную роль, о чем свидетельствуют их шумные демонстрации перед Пентагоном в ноябре 1980 и 1981 годов.

В рядах антирейгановского движения находятся, помимо негритянских, профсоюзных, женских и христианских организаций, десятки тысяч молодых нонконформистов, представляющих «контркультуру». Они собираются в группы, живущие на периферии общества, часто в университетских городках, и зарабатывают себе на жизнь в производственных кооперативах, которые превращаются порой в своего рода параллельную экономику. Ведь хотя «контркультура» менее распространена и шумна, чем в героическую эпоху 60-х годов, она тем не менее живет и ее представители участвуют во всех массовых манифестациях против политики правительства. Там они нередко общаются

с членами демократической партии, сторонниками таких «респектабельных» политиков, как Кеннеди и Макговерн, или же активистами коммунистической партии, а также организаций, по своему образу жизни и мыслей весьма далеких от «контркультуры».

Это широкое движение, направленное против политики администрации Рейгана, состоит, следовательно, из групп, занимающих зачастую прямо противоположные друг другу позиции по социальным, политическим и философским вопросам.

В рядах этой перспективной, но непрочной коалиции появляются и другие водоразделы — между сторонниками и противниками поддержки Израиля, между критиками и доброжелателями внешней политики СССР. Однако самые серьезные внутренние противоречия в сегодняшней оппозиции — это разногласия между теми, кто пытается обрести влияние в рамках существующих структур, скажем использовать демократическую партию, и теми, кто добивается изменения мировоззрения и политических институтов, не идя при этом проторенными путями американской политики.

Пьер Доммерг

**СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ НАДЕЖДЫ
АМЕРИКАНСКИХ ПРОФСОЮЗОВ**

(«Монд дипломатик», октябрь 1982 г.)

П. Доммерг — политический обозреватель по американским проблемам этого журнала.

Осенью 1982 года американские деловые круги почувствовали, что опасность миновала. Этот год был решающим для будущего отношений между предпринимателями и профсоюзами. Предстояло возобновить трудовые соглашения в главных отраслях материального и нематериального производства.

Были пущены в ход все средства для создания той атмосферы страха, которая толкает рабочих, во всяком случае на первый взгляд, чуть ли не к капитуляции. В прессе была развернута кампания, где фигурировали и упадок Америки, и конкуренция Японии, и чрезмерно высокий уровень зарплаты в США, и шантаж увольнением. В массовом порядке распространялись труды, написанные 3—4 года назад экономистами и политологами неоконсервативного толка, ставшими теперь советниками в администрации, а также деятелями из таких «фабрик мысли», как «Фонд наследия» или Американский предпринимательский институт. Эта атмосфера подогревалась также рейгановскими рассуждениями о курсе на «возрождение лидер-

ства США в свободном мире». Так что бороться за сохранение уровня своей заработной платы и социальных завоеваний значило бы стать могильщиком своего рабочего места, врагом национальной реконструкции, разрушителем свободы, короче говоря, антиамериканским элементом.

И вот результаты наступления на интересы трудящихся. **Дебет:** «замораживание» заработной платы на 2—3 года. Ликвидация таких социальных завоеваний, как дополнительные, частично оплачиваемые отпуска, установленные в 1979 году для борьбы с безработицей.

Кредит: в основном обещания. Снижение заработной платы, мол, будет учтено при установлении новых цен. Сохранение рабочих мест на определенных условиях (например, в компании «Дженерал моторс» для работников со стажем 15 лет и согласных в случае необходимости на перевод в другие города). Предоставление рабочим кое-какой информации о планируемом закрытии заводов. Определенное обязательство сократить передачу субподрядов за рубеж, а также в районы США, где рабочая сила дешевле. Однако никаких конкретных цифр не дается. Что же касается планов участия рабочих в прибылях предприятий, то пока что можно привести только один пример, который дорого обошелся рабочим компании «Крайслер»: взамен за отказ от индексации заработной платы в 1980 году они получили в 1981 году в соответствии с новыми принципами компенсацию, равную трети инфляции.

Словом, уступки являются односторонними или, во всяком случае, неравными. И что они изменяют на деле? Редакторы еженедельника

«Бизнес уик» признали, что добровольное урезывание заработной платы мало что может изменить, например, в отношении японской конкуренции в автомобилестроении. Разрыв в цене двух сравнимых моделей (американской и японской) составляет около 1500 долл. Благодаря урезыванию заработной платы эта разница сократится в лучшем случае на несколько сотен долларов. Все наводит на мысль о том, что положение не изменится. Снижение темпов экономического роста не позволяет больше убажывать трудящихся обещаниями роста их покупательной способности и объема социальных услуг. Теперь упор сделан на распределение обязанностей (в данном случае — убытков) и на улучшение условий на рабочих местах.

Профсоюзы не решаются вступить в эту игру. Вот уже 4—5 лет, как крупные американские компании создали «клубы по повышению качества жизни». Растет число комитетов, где заседают наниматели и наемные рабочие, чаще всего они возникают параллельно с профсоюзами и особенно на предприятиях, где профсоюзов нет.

Задачи этих клубов многообразны. Собрания их происходят раз в неделю, как правило в рабочее время, и продолжаются час или два. Участники их учатся друг у друга умению корректно улаживать конфликты между начальством и подчиненными. В основном утверждаются предложения, выгодные для работодателя. Иногда удается найти решение, обеспечивающее подлинное смягчение стрессов, особенно у служащих, а иногда (и в том, без сомнения, заключается самая радикальная сторона системы) организуются бригады рабочих примерно из 10 че-

ловек, которые получают кое-какие полномочия. Иногда они решают даже вопросы о темпах работы (завод в Топике), о перемещениях (завод компании TRV в Канзасе) и даже о найме (на витаминном заводе в Шекли, Оклахома). Однако наниматель может в любой момент вернуть себе свои прерогативы, и даже в наилучшем случае новые скромные права трудящихся не включены в «трудовые соглашения, заключенные на базе уступок».

Новые концепции мало-помалу прокладывают себе путь. Упадок американского профсоюзного движения особенно углубляется в течение 10 последних лет. С 1970 по 1980 год число членов профсоюзов сократилось с 24,7 до 20,9 процента самодеятельного населения. Этот упадок объясняется прежде всего структурными переменами, порожденными эволюцией капитализма и не зависящими от политических установок профцентров. Усилились два фактора, ослабляющих рабочее движение.

Первый фактор — раздробленность рынка труда. Одной из исторических трудностей американского рабочего движения является его неоднородность, связанная с последовательными волнами иммиграции. Эта раздробленность приобрела характер закономерности и затруднила профсоюзное единство и вовлечение в профсоюз новых членов.

Рынок труда делится на три части. Во-первых, «вторичный рынок», для которого характерны низкий уровень заработной платы, ненадежность рабочих мест, отсутствие квалификации как таковой и профсоюзных прав; он охватывает самый низкий уровень сферы услуг (сторожа, курьеры и т. д.), торговли (оптовой

и розничной), канцелярского труда и сезонных сельскохозяйственных работ. Во-вторых, «первичный зависимый рынок», охватывающий те сферы производства и услуг, где уровень заработной платы и процент организованных рабочих несколько выше, но труд однообразен и подчинен жесткому ритму. В-третьих, «первичный независимый рынок», более стабильный и охватывающий зачастую высококвалифицированную рабочую силу, чья зарплата, впрочем, не намного выше. Значительную часть этой категории составляют служащие центрального государственного аппарата и местных органов.

Этот раскол еще обостряется такими критериями, как раса, пол и возраст. Усугубляется он и из-за особого типа контроля над каждой из этих категорий. Это и «отеческая опека», и «научный» контроль тейлоровского типа, и «бюрократический» контроль, основанный на всепроникающем влиянии руководства.

Второй фактор — неравенство доходов, все увеличивающееся и ставшее закономерностью. Этот критерий не всегда совпадает с критерием занятости. Существуют, например, «работающие бедняки», которые состоят из белых мужчин (22,4 процента), женщин-негритянок (24,2 процента), белых женщин (26,3 процента) и мужчин-негров (27,1 процента). Существует еще категория, которая по самому своему характеру не может быть вовлечена в профсоюзы и которую раньше называли люмпен-пролетариатом. Ныне она опять стала фигурировать в американской социологии под менее звучным термином «подкласс». Сюда входят мелкие уголовные преступники, наркоманы, бездомные жен-

щины, душевнобольные, выпущенные на свободу. Это — новый кошмар Америки.

Сегодняшнее ослабление профсоюзного движения объясняется прежде всего политическими причинами. Его упадок связан с деградацией и исчезновением в течение 60-х годов созданной в 30-х годах президентом Рузвельтом коалиции между «большим правительством», «большим бизнесом» и «большими профсоюзами».

Без поддержки профцентров не состоялось бы избрание ни одного президента-демократа, во всяком случае вплоть до Линдона Джонсона. Коалиция трех китов покоилась на молчаливом соглашении, в силу которого американские трудящиеся получали самую высокую в мире заработную плату и взамен оказывали активную поддержку экспансионистской в экономическом и военном плане политике, а также обеспечивали социальный мир, для чего профсоюзы в свою очередь дали молчаливое обязательство не подрывать прерогативы хозяев. В международном плане это вылилось в поддержку рядом профсоюзов «холодной войны» и войны во Вьетнаме. Во внутреннем плане это привело к созданию профбюрократии, целью которой было держать в узде рядовых членов.

В 60-е годы Америка зашевелилась. Началась борьба за гражданские права, появились «новые левые», возникли движения индейцев, пуэрториканцев, мексиканцев; возродилось женское движение; активизировались организации избирателей на местах; появились ассоциации граждан, потребителей и т. д. Какова бы ни была оценка этих весьма различных движений, игнорировать их было нельзя. Однако именно это

сделала АФТ — КПП, которая объединяет подвляющее большинство профсоюзов. Но рос и разрыв профсоюзного руководства даже с демократической партией. Это наглядно проявилось в момент выдвижения кандидатуры Джорджа Макговерна на пост президента — его сочли слишком уж либеральным и выдвинутым в соответствии с чрезмерно «левацкими» настроениями.

Еще одной причиной ослабления профсоюзов был их курс на «экономизм». Если в 30—40-х годах профсоюзы под влиянием прогрессивных сил и коммунистической партии выдвигали широкие политические требования, что должно было привлечь и наемных работников и граждан вообще, то послевоенные профсоюзные руководители замкнулись на решении узких экономических вопросов. Более того, профсоюзы уступили передовую линию борьбы за качество продукции организациям потребителей. Точно так же они предоставили «новым левым» инициативу борьбы против войны во Вьетнаме, хотя опросы общественного мнения и показали, что больше всего возражали против этой войны именно трудящиеся.

История американского профсоюзного движения знает много имен активных рядовых членов, связанных не столько с абстрактными идеями, сколько со стремлением к конкретным переменам — на рабочих местах или по месту жительства. Это активисты, работающие по принципу «здесь и теперь» в противовес чистым теоретикам. Их сила — в неразрывной связи с действительностью, их слабость — в отсутствии глобального кругозора.

Они воплощают в себе лучшие традиции

борьбы. Их первоочередная цель — восстановление или установление демократии на местах. Они требуют избрания, а не назначения, как это часто бывает, профсоюзных руководителей, они требуют, чтобы эти руководители считались с мнениями рядовых членов, а не с интересами руководства профсоюза. Их борьба за демократию направлена порой в такой же мере против профсоюзного руководства, как и против предпринимателей, ибо в США те и другие часто занимают сходные позиции. Мы встречаем их повсюду — молодых и старых, образованных и необразованных, бедных и обеспеченных. Все они работают не покладая рук.

Движение за демократизацию профсоюзов растет. Будущее этих организаций зависит от их способности создавать более широкие коалиции с более широким кругозором.

Политика нынешнего президента, вполне возможно, станет фактором возрождения профсоюзного движения США. За последние полтора года прошло немало манифестаций — и зачастую внушительных — против социально-экономических последствий рейгановских установок, против перенасыщения Америки ядерной мощью, против политики США в Латинской Америке, в третьем мире и в отношении Советского Союза. Впервые за более чем три десятилетия профсоюзное руководство начинает пересматривать свою позицию — позицию безразличия, а то и враждебности к прогрессивным силам.

В этом отношении манифестация, организованная АФТ — КПП 19 сентября 1981 года, стала, быть может, первым симптомом поворота — единственного, способного оживить аме-

риканское профсоюзное движение, заставить его свернуть с пути узкого экономизма и вступить на путь политических требований. День Солидарности был новинкой во многих отношениях: по числу манифестантов, пришедших в Вашингтон (по различным подсчетам, их было от 350 тыс. до 450 тыс. человек); по составу манифестации (это были в основном трудящиеся); по сближению с живыми силами нации: среди официально приглашенных были представители не только таких умеренных организаций, как Национальная организация женщин или Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, но и более прогрессивных социал-демократических группировок — Демократический социалистический организационный комитет во главе с Майклом Харрингтоном или Новое американское движение (социалистического толка). Сейчас, спустя год после этого события, столь же злободневными остаются следующие вопросы: каковы намерения АФТ — КПП? Каковы его цели — стать во главе сил сопротивления социально-экономическому рейганизму внутри страны или же сплотить также оппозицию американской внешней политике? И каковы стратегические планы — возобновить диалог с рядовыми членами профсоюзов и другими живыми силами нации или прежде всего показать, что профсоюзное руководство вновь намеревается, как во времена былой коалиции, сказать свое слово при выдвижении очередного кандидата на пост президента?

Профсоюзу механиков, который возглавляет У. Уинписингер, мы обязаны планом «реконструкции Америки», где предлагается альтерна-

«День Солидарности»

тивный вариант рейгановским предложениям о «реиндустриализации Америки». Большая пресса обходит молчанием этот план профсоюзов, как и десятка полтора работ видных левых экономистов и политологов, опубликованных самыми известными издательствами; в этих работах анализируются (в умеренных, кстати, тонах) пути, которые могут привести к появлению в США социализма или социал-демократизма, и формы, которые они могут принять.

Вот некоторые из пунктов программы:

1. Укрепить национальное производство, наметив первоочередные отрасли; увязать его с более динамичной и включающей помощь третьему миру политикой международной торговли.

2. Вместо того чтобы ожидать капиталовложений от нескольких гигантских транснацио-

нальных компаний, которые превратились в настоящее суверенное государство, лучше бы обеспечить государственную координацию капиталовложений и производства в общенациональном масштабе, как это имело место в период второй мировой войны, поддерживав, в частности, средние и мелкие предприятия, неспособные выдержать международную конкуренцию.

3. Создать условия, позволяющие избежать хищнической эксплуатации зарубежного сырья и рабочей силы. Любой контракт должен содержать «социально-экономические нормы», гарантирующие обеим сторонам права человека на рабочем месте, права вступления в профсоюз, равную оплату за равный труд и т. д.

4. Что касается стран третьего мира, а также отсталых районов США, главной целью контрактов должно быть содействие созданию там инфраструктуры.

Речь идет об осознанном разрыве с принципами профсоюзного движения тридцати последних лет. Выдвигаются новые для Соединенных Штатов идеи о роли государства, о контроле над принятием решений, об отношениях с третьим миром, о новой торговой политике.

АФТ — КПП начинает сегодня понимать то, что всем уже давно известно. Во-первых, экспансионистская политика администрации является одной из причин кризиса и, в частности, безработицы. Во-вторых, производство все более и более техникоемких вооружений обеспечивает все меньше и меньше рабочих мест. И в-третьих, в ближайшие годы неизбежно придется делать выбор между расходами

на социальные и расходами на военные нужды.

Шаг еще не сделан. Однако впервые в истории на заседании своего генерального совета в феврале этого года АФТ — КПП внесла в свою повестку дня проблемы обороны.

Возвращение американского профсоюзного движения к политике является запоздалым, робким и пока непоследовательным, а потому профсоюзы вряд ли смогут координировать инициативу прогрессивных сил в ближайшие годы.

Если такое изменение прогрессивного характера и произойдет, то главным проводником его будет не какая-либо политическая партия (старая или новая) или профсоюзы. Оно станет результатом совместного давления масс, чье недовольство растет, несмотря на их крайнюю разобщенность.

В настоящее время наблюдается рождение непривычного единомыслия, охватывающего широкий диапазон политических группировок — от консервативных реформистов до социал-демократов. В той или иной степени каждый убежден, что не может быть и речи о национальном, социальном, экономическом, политическом равновесии без изменения международной обстановки; что возвращение к международной стабильности требует более великодушной политики США в отношении бедных стран; что только в сотрудничестве с другими государствами можно взять на себя международную инициативу и только вместе с социальными партнерами овладеть внутривнутриполитической инициативой.

Итогом рейганизма может быть и дальнейший поворот США вправо. Однако куда вероят-

нее, что на вышеупомянутой базе возникнет новый союз, который заменит собой коалицию, созданную Рузвельтом в 30-х годах. Речь должна идти действительно о равенстве, солидарности, демократии, а не только о свободе. Именно в этой сфере — ограниченной, но основополагающей — американскому профсоюзному движению и предстоит сыграть свою роль наряду с другими живыми силами нации.

Энн Джексон,
Энгус Райт

ПОД ЗНАМЕНОМ ЛЕСОВ И ОЗЕР

(«Прогрессив», октябрь 1981 г.)

Э. Джексон — известная американская публицистка.

Э. Райт — директор исследовательского центра по проблемам окружающей среды при Калифорнийском университете.

«Нет более насущной задачи, чем защита нашей окружающей среды, и более абсолютной необходимости, чем борьба до последнего против разрушения этой среды». Чьи это слова? Давида Броуэра? Барри Коммонера?* Нет. Рональда Рейгана, в его послании 1970 года, когда он был губернатором Калифорнии. Однако список его дел вскоре опроверг его риторику. В качестве губернатора он упразднил Агентство по контролю за загрязнением воздуха штата, выступил против мер по охране морского побережья, поддержал проект расширения сети скоростных автодорог штата и утверждал, что в Редвудском национальном парке, как он его видит, будет достаточно одного дерева.

Сейчас, находясь в Белом доме, Рейган поддерживает ядерную энергию в ущерб солнечной, ветровой или геотермальной; защищает идею

* Д. Броуэр и Б. Коммонер — политические и общественные деятели, активно выступающие в защиту окружающей среды (Б. Коммонер — лидер Партии граждан США).

предоставления корпорациям права расширенной эксплуатации общественных земель и вод; игнорирует закон о чистом воздухе; тормозит работы по выявлению исчезающих растений и животных и т. д.

Движение в защиту окружающей среды, как может показаться на первый взгляд, находится в тяжелом положении, будучи мишенью настойчивых и резких нападков. Не является ли это знаком слабости движения?

Факты не подтверждают этого. Если говорить о количественной стороне дела, то природоохранные организации сегодня сильнее, чем когда-либо.

Международный справочник природоохранных организаций включает в себя более чем 800 национальных и многонациональных групп охраны окружающей среды, и это только начало.

Работа по охране окружающей среды больше не является единственной задачей энвайронменталистских организаций. Сегодня термин «энвайронментализм» включает в себя очень многое, начиная от охраны здоровья на рабочем месте и соответствующей технологии до экономического земледелия и охраны сельскохозяйственных угодий. Такие различные организации, как «Друзья Америки на службе общества», Комитет по организации фермерского труда в Огайо, Хэйзеновская компания за экономическую демократию, «Санитары за социальную ответственность», профсоюзы рабочих нефтяной, химической и атомной промышленности, профсоюз механиков и Движение американских индейцев, считают деятельность по охране окружающей среды органической частью их более обширных программ.

По-прежнему сохраняется общественная поддержка целям энвайронменталистского движения, хотя администрация Рейгана пытается доказать, что широкие массы отвернулись от энвайронментализма и готовы выбросить его на свалку вместе с другими некогда модными вещами. Опросы общественного мнения свидетельствуют об обратном. Согласно опросам Харриса в мае 1981 года, лишь 12 процентов опрошенных поддерживали идею смягчения закона о чистом воздухе и только 4 процента защищали ослабление закона о чистой воде.

К сожалению, есть все основания полагать, что экологические катастрофы будут происходить со все возрастающей регулярностью. А некоторые эксперты предсказывают, что раковые заболевания будут поражать каждого второго представителя следующего поколения. По мере увеличения числа подобных сообщений общественная реакция на них будет усиливаться.

То, что происходит с движением в защиту окружающей среды при Рейгане, очень напоминает то, что наблюдалось с движениями против бедности, за мир и разоружение, за равные права для женщин и национальных меньшинств. Мы видим яростное контрнаступление правительства.

Чтобы понять природу наступления на энвайронменталистов, полезно вернуться к 1970 году, празднованию Дня Земли, привлечшему внимание общественности к ряду проблем, которые корпорации старались из всех сил замолчать. Такие наглядные факты, как возгорание реки Куэй-яхога в Кливленде из-за содержащихся в ней отходов промышленных предприятий, гигантское по масштабам сбрасывание промышленных отхо-

**Арест участника демонстрации протеста против
загрязнения местности отходами химического
производства**

дов в Миссисипи и Миссури и видимое вооруженным взглядом загрязнение воздушного бассейна в городах, явились для всех конкретным доказательством того, что окружающей среде в Америке наносится серьезный ущерб. Стало невозможно отрицать реальность этих проблем.

Консервативные силы в какой-то момент увидели и некоторую выгоду в подъеме энвайронментализма, который мог отвлечь внимание от войны во Вьетнаме, борьбы за гражданские права и улучшение условий жизни в гетто, а также утраты Америкой своего международного влияния.

Спустя десятилетие, однако, настроение корпораций изменилось. Закон о качестве воды привлек внимание ко многим проблемам загрязнения вод, которые не могли быть решены строительством очистных сооружений, а требовали вместо этого контроля на самих предприятиях, а иногда и крупных изменений или отказа от некоторых производственных и сельскохозяйственных процессов. Введение закона начало усложнять производство автомобилей и означало дополнительные расходы на оборудование по контролю во многих других отраслях.

Закон о политике в области охраны окружающей среды вдохновил законодательства штатов, которые часто шли в наложении ограничений дальше, чем требовал закон. В итоге «большой бизнес» почувствовал, что энвайронментализм затрагивает все стороны американской жизни и привлекает на свою сторону все больше людей.

От своих первых наивных и слабых шагов движение в защиту окружающей среды перешло к отрицанию полномочий корпораций и правительства принимать решения о финансировании и производстве без активного участия граждан. Знамя защитников природы стало красным флажком, приводящим в бешенство корпоративного быка.

Стали выделяться все возрастающие специальные суммы политическим кандидатам через комитеты политических действий, консерва-

тивными исследовательским центрам, политической рекламе, а также идеологическим союзникам типа консервативных церквей и движения за запрещение абортов.

Даже такие журналы самих сторонников охраны природы, как «Одабон», заполнились рекламой лесообрабатывающих, нефтяных и химических компаний, уверяющих читателей, что они находятся в первых рядах поборников защиты окружающей среды.

Тщательно спланированные и нацеленные компании прямых обращений к избирателям по почте одновременно были использованы как эффективный инструмент давления на налогоплательщиков среднего класса, «синих воротничков», пожилых и верующих.

Национальное движение энвайронменталистов сделало ошибку, сосредоточив свои усилия на законодательной, бюрократической и юридической аренах, не заручившись серьезной поддержкой широких слоев общественности.

Деятельность администрации Рейгана ускорила подход американского движения в защиту окружающей среды к критической точке, к моменту стратегического и философского выбора. Должен быть решен вопрос, возможно ли создание в США движения, которое рассматривало бы социальное неравенство и экономическую безответственность как части одного и того же процесса и предложило бы реальную альтернативу.

Многими из участников движения в защиту окружающей среды в той или иной форме овладевает идея, что проблемы защиты природы, как и проблемы рабочих, должны каким-то образом быть объединены и выражены в единых полити-

ческих терминах, представляющих нечто больше, чем просто требование групп специальных интересов.

Рейган и его сторонники, спекулируя на чувстве национального единства, пытаются убедить американцев: то, что хорошо для корпораций, хорошо для народа. Только целостная, четко сформулированная программа, которая продемонстрирует, что здоровье и красивая окружающая среда совместимы с экономическим процветанием, сможет открыть массам глаза на истинное положение дел.

«Одно из главных направлений происходящих перемен характеризуется переходом от преимущественного использования экономических критериев производственной деятельности ко все возрастающему учету социальных факторов и требований. Это направление находит отражение в переходе от чисто материальной мотивации к личностной ориентации, повышению интереса к состоянию окружающей среды, усилении внимания к использованию свободного времени и т. п. Высокие темпы роста благосостояния сопровождаются тем, что зачастую экономические и частные интересы уступают место интересам общественным».

*Рой Амара, президент Института
будущего Америки*

Элвин Санофф

**ПЕЧАТЬ США:
БОЛЬШАЯ ВЛАСТЬ В РУКАХ НЕМНОГИХ**

(«ЮС ньюс энд Уорлд рипорт», 15 августа 1977 г.)

Э. Санофф — член редколлегии журнала, специализируется на проблемах социального развития страны.

В империях печатного мира Америки, газетных, журнальных и книжных, которые в свое время не имели себе равных, наблюдаются далеко идущие перемены по мере того, как эти гиганты ищут свое место в электронном веке. Крупные и почтенные издательские дома подвергаются со всех сторон давлению, цель которого — заставить их отказаться от независимости и присоединиться к концернам и объединениям. Быть может, это и обеспечивает им более надежное существование, но ставит издательское дело в один ряд с производством товаров и услугами, начиная с аренды машин и кончая продажей ковров.

Все это начинает сказываться на качестве. Многие издатели, пытаясь угнаться за изменениями во вкусах и интересах читателей, больше обращаются к слухам, сенсационным и скандальным сообщениям, часто уменьшая объем солидной информации.

Растет тревога по поводу того, что издательский бизнес, издавна считавшийся необходимым для информирования общественности, теряет

многогранность и что рост корпоративных империй превращает последнюю строчку в отчетах, показывающую прибыль, в важнейший стимул этой отрасли в ущерб мастерству и ответственности перед народом.

Пока нельзя предсказать, что произойдет в конечном итоге с качеством обзоров и фактической информации, которые попадают в руки американских читателей. Однако становится ясным следующее.

Концерны, владеющие акциями только в одной отрасли печатного дела, и объединения, чьи деловые интересы охватывают различные сферы издательской деятельности, будут продолжать расти.

Некоторые исследователи издательского дела в США боятся, что наступит день, когда несколько гигантских корпораций станут господствовать в мире печатного слова почти так же, как три главные телекомпании господствуют в телевидении.

Уже сейчас некоторые газетные концерны поглощаются другими, более сильными, и газеты, подобные «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост», входящим в объединения, оказывают громадное влияние на оценку новостей редакторами всех других газет. Так формируется общественное мнение по всей стране. Влияние «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» усиливают их дополнительные службы новостей, которыми пользуются многие газеты. Такой ход событий, говорят некоторые критики, может привести в конце концов к контролю горстки могучих магнатов над тем, что читают и думают американцы.

А чтобы добраться до тех, кто не читает

газет, редакторы сознательно дают больше развлекательных материалов: публикуют рассказы из частной жизни, слухи и даже произведения в духе рекламных радиопостановок для домашних хозяек. Есть также тенденция к публикации более специальной информации, такой, как советы покупателям и советы относительно налогов и инвестиций. Эти новшества идут в ущерб внутренним и международным новостям, которые многие газеты сейчас сводят — за исключением нескольких наиболее важных заметок — до обобщений объемом в 2—3 абзаца. В поисках читателей, которые поглощены своими внутренними переживаниями больше, чем жизнью общества, газеты также часто добавляют материалы на такие темы, как психология, самоусовершенствование и толкование снов.

Больше средств затрачивается на улучшение внешнего вида газет на потребу поколения, привыкшего к образности телевидения. Издатель «Лос-Анджелес таймс» Отис Чендлер и ответственный редактор «Вашингтон пост» Бенджамин Брэдли считают, что их газеты превращаются скорее в журналы, предлагающие разнообразные материалы в привлекательном для глаз оформлении. «Нью-Йорк таймс» печатает три раздела журнального типа — «Выходные дни», «Жизнь» и «Дом», — стремясь увеличить повседневный тираж и публикации реклам.

Некоторые критики утверждают, что такие разделы в газетах снижают качество освещения новостей, но ответственный редактор Розенталь говорит, что место, отводимое для освещения новостей, возросло на 7,5 процента после того, как начала выходить «новая» «Нью-Йорк таймс». Редактор политического журнала «Прогрессив»

Эрвин Нолл предупреждает: «Если газеты останутся на этом пути, они рискуют погубить себя и перестать быть полезными носителями информации и анализа. Чтобы удержать читателя, они лишают новости их значения».

В 1960 году концерны и конгломераты контролировали 30 процентов газет страны и 46 процентов читателей газет. Сегодня на их долю приходится 59 процентов газет и 71 процент читателей. Более того, около 97 процентов из 1544 городов, в которых издаются ежедневные газеты, — это города, где газеты принадлежат одному владельцу. И критики подчеркивают, что монопольный издатель может выпускать, если ему захочется, информацию низкого качества. Они характеризуют газетную монополию как «разрешение красть деньги вечно».

Концерны и объединения, чьи акции находятся в свободной продаже, в среднем извлекли в прошлом году после уплаты налогов 10 процентов прибыли — цифра, которой позавидовали бы многие отрасли промышленности. И во все возрастающей степени эти группы вместе с несколькими издательствами, принадлежащими одному владельцу, господствуют в газетной индустрии.

Мелочи, сплетни, секс и отдых — вот «горячие» темы для сегодняшних журналов. Многие помещают материалы, которые несколько лет назад шокировали бы среднего читателя.

Тиражи таких журналов, как «Пипл» и ориентированный на секс «Хастлер», растут необычайно быстро. Всего за несколько лет тираж «Пипл», который помещает много фотографий знаменитостей и мало текста, превысил 2 млн. и про-

должает увеличиваться. Этот успех заставил «Нью-Йорк компани» начать издание такого же журнала «США». Исполнительный вице-президент этой фирмы Сидней Грюсон разъясняет: «Журнал был задуман главой нашего журнального отдела как обращение к поколению, выросшему на телевидении». Журнал «Пипл» — лишь один из примеров общего процветания журнального дела.

Но у журналов есть свои трудности. Льюис Лэнхэм, редактор журнала «Харперс», говорит: «Трудно заставить людей читать обычный журнал, содержащий идеи. Наш журнал анализирует сегодняшние проблемы, и для многих людей, особенно богатых, это кажется угрожающим». Вместе с некоторыми другими серьезными журналами в последние годы «Харперс» переживает падение тиража.

Многие журналы, однако, считают, что нашли магическую формулу успеха. В то время как газеты продолжают стремиться завоевать аудиторию с широкими интересами, журналы все больше обращаются к аудитории со специализированными запросами. Массовые журналы общего плана терпят крах. Например, «Колльерс» и «Лук» прекратили свое существование. А ведь были времена, когда громадная аудитория по всей стране принадлежала почти им одним. Сейчас эту роль взяло на себя телевидение, и журналы переживают тенденцию к сужению своего профиля.

Издание книг, считавшееся когда-то небольшой отраслью промышленности, сейчас большой и многообещающий бизнес. Издатели книг в твердой обложке покупают фирмы, издающие книги в мягкой обложке. Компании, связанные

с кинематографом и телевидением, покупают издательства книг как в мягкой, так и твердой обложках. В результате число независимых книжных компаний уменьшается, хотя еще есть достаточно небольших, но солидных издательств. Джорджес Боркхардт, литературный сотрудник, говорит: «Издательские корпорации часто возглавляются людьми, интересующимися лишь балансовыми отчетами. Они думают о книге лишь как о чем-то, на чем можно заработать. Если вы пойдете к молодому редактору с интересной рукописью, он, возможно, был бы рад опубликовать ее, но не сделает этого, поскольку побоится потерять работу».

И хотя критики признают, что хорошие книги иногда все же печатаются, но, говорит один специалист в этой отрасли, «качество редактирования снижается по мере роста давления с целью выбросить продукцию на рынок побыстрее».

Сыграет ли печать свою роль в качестве распространителя серьезной информации или она, как опасаются некоторые, в попытках соперничать с телевидением будет все больше сосредотачиваться на развлекательном жанре в ущерб солидной информации? Заставит ли издателей стремление к прибыли растущих и могущественных концернов и объединений склониться к самому низкому общему знаменателю? Или между прибылями и качеством будет найдено разумное равновесие?

Заглядывая вперед, социолог Ричард Мейзел пришел к выводу, что в постиндустриальном обществе произойдет спад в области средств информации, обращенных к массовой аудитории, в то время как «специализированные

средства информации, обращенные к более узкой, более однородной аудитории», будут расти.

Если США станут обществом, получающим информацию из раздробленных и специализированных источников, откуда же возьмется информационный клей, который соединяет широкое общество в единое целое?

КОММЕНТАРИЙ

Американские социологи и футурологи в своих прогнозах о будущем американской политической системы на первый взгляд делятся на два «вечных» лагеря: оптимистов и... тоже оптимистов. Ведь было бы несправедливо назвать пессимистами тех ученых и публицистов, которые прочат бесславный конец большинству политических структур, существующих ныне в США и вызывающих широкое недовольство в стране своей неэффективностью, а подчас и порочностью.

Ура-оптимистов в Америке достаточно — и в официальных пропагандистских ведомствах, и в столичных академических кругах. Они верят (или уверяют), что американская политическая система не нуждается в серьезных усовершенствованиях, что она представляет собой высшее проявление социального гения и способна в принципе справиться со всеми трудностями и проблемами. Будущее, утверждают они, позволит по-настоящему развернуться «американской модели». Прогнозы этих политологов сосредоточиваются на вопросах внедрения в политический процесс новой информационной технологии,

улучшения коммуникаций и связей между политиками и гражданами — словом, они обещают все более эффективное внешнее оформление того шоу, которым в Соединенных Штатах нередко оборачивается политика.

С такой апологетической концепцией будущего полемизируют многие американские ученые и публицисты. Со статьями некоторых из этих критически и здраво мыслящих людей вы познакомились. Кто они — пессимисты, «разгребатели грязи»? Отнюдь нет. Добропорядочные, вполне респектабельные, верящие в будущее своей страны политические эксперты и публицисты. Их рецепты в своем большинстве не идут дальше замены и усовершенствования деталей и механизмов американской политической машины. Однако требовать от них призывов к коренной ломке буржуазной политической системы было бы нереалистично. В то же время они со знанием дела, конкретных фактов рассматривают американскую политику «изнутри», вскрывая наиболее слабые места политической системы, наиболее опасные ее пороки, обозначив направления ожидаемых перемен.

Читателю нетрудно заметить связь между противоречиями американской политики и общими законами устройства существующей «американской модели». Эту связь признают и американские авторы. Сенатор Эдвард Кеннеди подчеркивает: «Мы не сможем при всем нашем богатстве реформировать нашу политическую и экономическую жизнь, если наши лучшие молодые умы и наши беднейшие граждане придут к заключению, как это иногда наблюдается уже сейчас, что американская система не стоит того, чтобы ее спасать». Между тем оценивать со-

временное состояние политической системы США по принципу «чем хуже, тем лучше» — логика анархизма. Развал и коррумпированность политических институтов страны ударяют в первую очередь по положению трудящихся и беднейших слоев населения. Поэтому, сознавая, что комплексным решением проблемы может быть только коренная перестройка политических отношений, переход от капиталистической «американской модели» к исторически более прогрессивным формам общественного устройства, не следует забывать, что и в рамках существующей политической системы американские трудящиеся могут добиваться улучшения своего положения, изменения наиболее противоречащих их интересам экономических, политических, юридических норм.

Следует отметить и тот факт, что государственная политика, отвечая в целом интересам правящего класса, в каждый конкретный момент формируется какими-то определенными его группировками, чьи конкретные интересы и замыслы могут не вполне совпадать с устремлениями других отрядов этого класса.

Этими моментами определяется острота борьбы вокруг вопросов о функционировании, частичном обновлении или коренном изменении политических институтов и структур в сегодняшней и завтрашней Америке.

Между социологами идет импровизированное состязание в определении наименее эффективной, наиболее коррумпированной и препятствующей разрешению социальных проблем политической структуры. Как видно из приведенных выше материалов, Эдди Мэй, например, считает, что на это звание прежде всего претендуют веду-

щие буржуазные политические партии Америки. Кому, как не ему, крупному функционеру республиканской партии, знать «кухню» межпартийной борьбы и межпартийного «дележа» власти. Общепризнано, что американские предвыборные кампании — это самое длинное, самое массовое, самое лихорадочное и самое дорогостоящее политическое шоу в западном мире. Каждая новая предвыборная кампания последних десятилетий, отмечают американские обозреватели, демонстрирует, как внутренняя логика состязания, азарт гонки, подчинение требованиям режиссеров телевидения, освещающих ход национальных съездов партий, все более вытесняют поиск подлинно новых и эффективных политических программ.

Группа сотрудников журнала «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт», взявших интервью у ряда вашингтонских чиновников, полагает, что «чемпионом» неэффективности и коррумпированности являются не сами политические партии, а формируемое победившей партией правительство и государственные учреждения.

Как же решился журнал официальных вашингтонских кругов опубликовать подобный «путеводитель» по бюрократическому Вашингтону? Дело в том, что в последние годы критика бюрократии и неэффективности «большого правительства» является пропагандистским «коньком» консерваторов-республиканцев, которые призывают упразднить или передать частному сектору многие функции правительства, прежде всего ликвидировать обязательства правительства перед беднейшими слоями населения. Однако эта тенденциозная по своим мотивам критика вскрывает и многие реальные злоупотребления

властей, засилье бюрократов в государственных учреждениях, низкий моральный уровень и неадекватные элементарным современным требованиям деловые качества многих «профессиональных политических деятелей» и руководителей.

Список несовершенств «американской политической модели» можно было бы продолжить — он не короче списка предвыборных обещаний ведущих буржуазных партий. Многие политические институты Америки находятся в вопиющем противоречии с требованиями сегодняшнего, а тем более завтрашнего дня — они подвергаются манипулированию со стороны властей преобладающих, в прямом смысле слова дорого обходятся американскому налогоплательщику и вместе с тем отличаются несовершенством, а подчас запутанностью и громоздкостью структуры, осложняют, а не облегчают социальное развитие.

Не менее серьезные проблемы вскрываются и при анализе направлений развития американской политической системы в целом. Прежде всего, на повестке дня остро стоит вопрос об изменении параметров политического противоборства. Наблюдается явное стирание граней между лагерями, на которые традиционно делят себя американские политики: между либералами и консерваторами, демократами и республиканцами. Недаром ядро сегодняшних американских неоконсерваторов составили либералы 60-х годов, а сторонники так называемого «неолиберализма» 80-х — самого модернизированного и даже, если можно так выразиться, футуризированного варианта либерализма — солидаризируются с выдвинутыми консерваторами рецептами «реиндустриализации» Америки.

Избиратели, рядовые граждане, отвечают на эту «нивелировку» политических сил ростом политического отчуждения, равнодушия к политической борьбе и неверия в способность политиков разрешить какие-либо реальные проблемы общества. Согласно опросам общественного мнения, в начале 80-х годов от 70 до 80 процентов американцев считали, что страна «сошла с правильного пути»; от 35 до 45 процентов выражали серьезные сомнения в эффективности политической системы Соединенных Штатов; 60 процентов граждан желали появления лидера, который изменил бы «правила игры».

Многие американцы пытаются вырваться за пределы существующих политических структур и традиций. С одной стороны, широкие общественные движения, с другой — небольшие, чаще всего местные организации граждан, нацеленные на решение одной или нескольких конкретных проблем, противопоставляют себя профессиональному «политиканству».

Массовое антивоенное движение впервые заявило о себе как о влиятельной силе в годы вьетнамской войны. Когда военные действия в Индокитае были прекращены, аналитики предсказывали полное исчезновение движения. Неожиданно, хотя и закономерно, антивоенное движение возродилось в начале 80-х годов, причем, по единодушному свидетельству политологов и обозревателей, оно нацелено на разрешение более долговременных и масштабных задач, нежели ранее; для него характерны все более высокая степень организованности и информированности участников, вовлечение новых социальных слоев и профессиональных групп.

Перспективы сохранения в обозримом буду-

щем, а возможно, и обострения ядерного противостояния на международной арене заставляют ожидать, что роль антиядерного движения на политической сцене будет и далее весьма заметной.

Пример другого общественного движения — энвайронменталистов, сторонников защиты и сохранения окружающей среды, — возможно, наиболее ярко показывает, что для эффективного противостояния политическим институтам, выражающим интересы правящих социальных групп, общественным активистам приходится обращаться к политическим же средствам — проведению агитационных кампаний, сбору средств, давлению на законодателей.

Придется ли общественным движениям и дальше вести борьбу «на территории противника», где государственный аппарат, традиционные политические структуры, располагая большим опытом, апеллируют к закону, или общественности удастся создать новые, нетрадиционные формы социальной и альтернативные формы политической организации? От этого во многом будет зависеть расстановка сил на завтрашней политической сцене США.

Целый ряд американских футурологов — Г. Кан, Э. Местин, Ф. Янг, Д. Литтл, О. Фримэн, Э. Гоффлер и многие другие, — размышляя о политике будущего, рисуют радужные картины. Они предрекают социальную гармонизацию общества, возрастание «чувства общественной солидарности»: мол, интересы и общественное мнение этого более однородного общества будет легче адекватно отразить в политике. У государственного руля сегодняшних «политиканов» сменит «меритократия», «новое жречество»,

«неократия» — обладающие высшей квалификацией в области социального управления, пользующиеся уважением и доверием «капитаны» общества.

Решающее воздействие будут-де иметь внедренная в политический процесс сверхсовременная информационная технология, новые каналы коммуникаций.

Однако реальные тенденции политического развития, отмечаемые политологами и социологами, в том числе авторами приведенных аналитических статей, указывают на то, что будущее американской политики определяется, скорее, ростками иных перемен. Важнейшие из них — возрастание политической информированности граждан, индивидуальности и самостоятельности политических воззрений американцев, повышение их сопротивляемости политическому манипулированию; высокая степень недоверия существующим политическим институтам; рост политического отчуждения граждан; падение значимости традиционных измерений политического противоборства (либералы — консерваторы, демократы — республиканцы), поиск новых направлений и форм политического действия; «новая политизация» — растущее разочарование граждан в возможностях федерального правительства и стремление, где это возможно, создавать местные и низовые политические и общественные организации для разрешения конкретных местных проблем; значительный рост влияния общественных движений.

Развитие названных тенденций указывает на объективно зреющую необходимость перестройки американской политической системы. Следует согласиться с выводом приведенного выше анали-

за Р. Олсона: в обозримом будущем, если в США не произойдет серьезной перестройки социально-политической системы, «политика в лучшем случае будет оставаться хаотичной, противоречивой и фрагментарной, в худшем случае она может привести страну к экономическому упадку, социальным беспорядкам и усилению авторитарных тенденций».

Серьезные перемены в политической сфере американского общества неизбежны, они диктуются временем. И не столько в лабораториях, где конструируется новая информационная техника, сколько в ежечасно идущих столкновениях, борьбе социальных сил решается, в какой мере направление этих перемен определяют круги, заинтересованные в сохранении, упрочении и совершенствовании существующих политических структур, а в какой — широкие демократические силы, заинтересованные в создании отвечающей подлинным интересам большинства нации экономической и политической системы.

Раздел III

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ»

Рост материального благосостояния в США на протяжении последних 25 лет сопровождался ростом преступности, наркомании, расовых и социальных противоречий, неуверенности в завтрашнем дне, глубокой неудовлетворенности условиями жизни на пороге «постиндустриального» общества. Американцы познали на собственном опыте, что святая святых американской идеологии, квинтэссенция «американской меч-

ты» — накопление материальных ценностей — отнюдь не обеспечивает автоматически гармоничную и счастливую жизнь. Перед социологами встала задача — исследовать и оценить не уровень удовлетворения материальных запросов населения, не количество потребляемых товаров, а качество жизни.

Что же скрывается за понятием «качество жизни», вокруг которого ломается столько копий в теоретических дискуссиях последнего времени? Если вначале этот термин подразумевал просто устранение человеческой нужды, то впоследствии он приобрел значительно более широкое толкование. Важное место во всех концепциях качества жизни занимают демографические и экологические проблемы. Большое внимание уделяется проблеме экономического роста, причем в качестве основного рецепта ее решения выдвигается идея замедления или даже приостановки темпов экономического роста с целью сохранения экологического и общественно-политического равновесия (в духе исследований Римского клуба). Частично эти проблемы были затронуты в первом и втором разделах книги.

В третьем разделе подобраны статьи, освещающие другие аспекты качества жизни, имеющие отношение непосредственно к повседневному существованию людей. Это проблемы социальной инфраструктуры (социальное обеспечение, здравоохранение, жилищное строительство, общее и профессиональное образование, городской транспорт, коммунальные услуги). Сюда же относятся и проблемы качества трудовой жизни, связанные с удовлетворенностью человека своим трудом, нормами трудовой этики, положением рабочих, перспективами изменения

характера и содержания труда. Нельзя обойти и вопросы перемен в духовной жизни американского общества, касающихся формирования новых ценностей в отношениях между людьми, в частности в семейной жизни, расширения возможностей досуга, формирования новых жизненных стилей. Разумеется, невозможно в коротком разделе осветить достаточно полно указанные проблемы. Однако несколько зарисовок, фрагментов, выхваченных из самой гущи американской действительности, все же дают представление о том клубке противоречий, который характерен для американского общества «всеобщего благоденствия» на пороге третьего тысячелетия.

У третьего раздела есть еще одна особенность. Если в предыдущих двух были широко представлены статьи из прогрессивных и либеральных в целом изданий, типа журналов «Прогрессив», «Фьючурист», то в третьем помещены статьи из изданий, которые при всем желании невозможно отнести к прогрессивным. Это «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт», «Ньюсуик», «Тайм» и т. п. И уж если эти издания посвящают свои страницы тем или иным проблемам, то можно считать, что молчать о них уже действительно невозможно. Другое дело, что авторы статей часто делают оптимистичные прогнозы относительно решения этих проблем, считая, что капиталистическое общество имеет достаточный потенциал для их окончательного разрешения в будущем. Однако факты — упрямая вещь, и само их присутствие в статьях наряду с радужными надеждами опровергает и сами надежды, и их порой весьма наигранный оптимизм.

ПОТУСКНЕВШАЯ «АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА»

(«Экономист», 16 октября 1982 г.)

Особенно яркой американская мечта была в 50-х годах, когда процветающая Америка занимала господствующее место на мировой арене, не сталкиваясь с гражданскими беспорядками или социальной напряженностью. Это, вероятно, тот самый «золотой век», который вспоминает Рейган, когда пытается играть роль Эйзенхауэра сегодняшнего дня. Но он недолго оставался «золотым». 60-е годы нанесли тяжелый удар по всеобщей уверенности в себе: социальному единству стали угрожать расовые волнения, вьетнамская война и появившаяся на свет контркультура; добренький дядя Сэм в глазах целого ряда людей превратился во врага многих ценностей, которые они считали основополагающими. В 70-х годах в смесь был добавлен новый ингредиент — экономический транквилизатор, который «усыпил» большую часть экономики и подорвал веру большинства тех, кто полагал, что США всегда смогут гарантировать работу, общественный престиж и процветание всем, кто добивается этого. Вера в традиционные ценности и институты была выброшена на свалку: «десятилетие эгоизма» бы-

ло отмечено тревогой, самокопанием и консерватизмом.

Сегодня Америка менее самонадеянна, менее оптимистична экономически и более раздроблена политически и социально, чем она была в течение предыдущего полувека.

Неспособность экономики оправдать ожидания, остановившаяся в росте производительность труда, снижение темпов роста реальной заработной платы на фоне неумолимого роста стоимости социального обеспечения — не говоря уже об инфляции, безработице и высоких учетных ставках — объединились, чтобы подорвать американскую мечту.

Легенда об американской феноменальности агонизирует. Сходит на нет рабочая этика — сейчас американцы видят в досуге желанную самоцель. Растет подпольная экономика. Классовая принадлежность приобретает все большее значение для получения той или иной работы и определения места человека в обществе. В США уже нет заметно бóльшего оптимизма — относительно шансов найти работу или выжить в ядерной войне, — чем, скажем, во Франции или Западной Германии.

Тем не менее, хотя Америка, возможно, утратила свою исключительность или по крайней мере стала менее исключительной, чем раньше, она все же может преподать много уроков остальной части мира. В двух отношениях, которые нечасто рассматривают вместе, сегодняшняя Америка может многому научить завтрашнюю Европу. Это социальная раздробленность и насыщенность информационной техникой.

Семья — это ядро американской мечты 50-х годов — теперь совсем не та. Согласно данным

Бюро переписи, одна из каждых пяти семей, имеющих детей,— семья с одним родителем; число таких семей увеличилось за 70-е годы более чем вполнину. Это произошло не только потому, что больше детей появляются на свет вне брака, хотя их число возросло с 5,3 процента в 1969 году до 17 процентов в 1979-м. Столь же важную роль сыграли рост числа разводов и падение числа повторных браков — за 70-е годы оно уменьшилось на одну треть. Семейное ядро иногда кажется не более популярным, чем ядерная бомба.

Есть множество других признаков социальной раздробленности. Например, нежелание новых испаноязычных иммигрантов следовать путем интеграции, традиционным для прибывающих в Америку. Американцы мексиканского происхождения не так стремятся выучить английский и внедриться в жизнь Соединенных Штатов, как когда-то стремились сделать это немцы или скандинавы — или как сейчас стремятся к этому корейцы или вьетнамцы. А ведь испаноязычное население США к концу века по численности превзойдет негритянское.

На совсем новый уровень выходит напряженность между молодыми и стариками в Америке. Снижающаяся рождаемость и достижения медицины в сочетании меняют относительную численность этих двух групп населения. По словам специалиста по вопросам управления профессора Питера Дракера, содержание пожилых людей — в виде социального обеспечения и взносов в пенсионные фонды — отнимает около 20 центов от каждого доллара, идущего на зарплату работающих. Если ничего не будет сделано, эта доля через 10 лет поднимется, пожалуй, до 30 центов. «Нельзя ожидать,— говорит он,— чтобы рабо-

тающие спокойно наблюдали за этой передачей средств неработающим».

Конечно, до отцеубийства дело может и не дойти. Кажется более вероятным, что американцы замкнутся в собственных домах, видимо, отправив родителей в «общины пенсионеров» в Солнечном поясе*. Американцы стараются все меньше времени уделять работе — по крайней мере в открытой экономике. Вместо этого, по словам «Мансли лейбор ревью», они тратят больше времени на ремонт своих домов — как мужчины, так и женщины, — больше времени используют на «уход за собой» и сон — как мужчины, так и женщины — и больше времени расходуют на активный досуг, надо полагать, бег трусцой. Эти перемены — которые присущи «эгоистическому поколению», — возможно, довольно безвредны. Две другие вызывают бóльшую тревогу: меньше времени тратится на общественные мероприятия и общение — во всех группах, кроме замужних женщин, — и больше времени все проводят перед телевизором.

Поэтому не будет ничего странного, если в 80-х и 90-х годах американцы совсем отгородятся в своих домах от тяжелого труда, от преступников, от родителей и прочих, по их мнению, хищных сил. Они теряют вкус, как уже сказано, к коллективным мероприятиям и общению, а экономические трудности делают еще менее привлекательным выход в кино, на концерт или танцы и более приемлемым — пребывание в безопасности и комфорте своего дома перед телевизором.

* Район южных штатов США.

Техника способствует тому же самому. Кабельное и спутниковое телевидение несет в американские дома большой выбор программ. Становится даже возможным заниматься банковскими операциями и делать покупки, не выходя из дома. Скоро, вероятно, можно будет работать на дому, если иметь в распоряжении соответствующий видеотерминал. Пользуясь такой связью жителям пригородов, возможно, вообще будет незачем покидать дом — разве что для бега трусцой. Жителям пригородов в Южной Калифорнии — этом прообразе завтрашнего дня — не нужно садиться в поезд, автобус или выходить на улицу, чтобы добраться из дома с кондиционером на автомашине с кондиционером в контору с кондиционером. Универсальные магазины и торговые центры все больше планируются таким образом, чтобы изолировать своих клиентов от нежелательных элементов — а этими элементами могут с таким же успехом быть как бедняки и оборванцы, так снег и солнце. Даже те, кто вынужден выходить на улицу и соприкасаться с людьми не по своей воле, могут ограничить себя собственным мирком, созданным музыкой из портативного магнитофона «Сони» со стереонаушниками.

По мере того как американское общество распадается на все меньшие и меньшие единицы, слово «неполадки» будет появляться в докладах еще чаще. Жители пригородов с дисплеями, работая дома, скоро познают цену старинного изречения «женятся ради любви, а не ради желудка»: мужья и жены, которые видят друг друга целыми днями, будут разводиться чаще, чем все прочие. Так как люди будут физически перемещаться меньше, уличная жизнь в городах станет

менее активной и разнообразной, преступникам будет еще вольготней, а дома превратятся в крепости. Уменьшится число случайных встреч, и социальная ткань общества — прочность которой зависит от разнообразия и глубины дружбы и знакомств, а также от приверженности моральным ценностям и общественным институтам — станет совсем нестойкой.

Информационная техника не обязательно повысит качество жизни, по крайней мере в некоторых ее аспектах. В бизнесе, например, как и в других видах человеческой деятельности, критически важные решения обычно связаны с судьбами людей. Поскольку техника изолирует бизнесменов от человеческого общения, она может вводить их в заблуждение. Главный управляющий никогда не услышит ворчания своих подчиненных, если ему не понадобится выходить из своего кабинета. Компьютер сообщит банкиру, что его потенциальный клиент имел непогашенную задолженность в 1963 году, но не сможет дать ему знать, что его главный бухгалтер — алкоголик, а сотрудник, отвечающий за займы, поддерживает террористическую организацию 90-х годов. Зависящий от компьютера человек будет лишен именно той информации, в которой больше всего нуждается.

Техника — это не зло и не добро: она нейтральна. Но не следует считать, что она — синоним прогресса. Одним из непредвиденных последствий ее развития может стать растущая отчужденность тех, кто ею пользуется. А в обществе, которое перестало верить в американскую мечту и все больше склонно к социальной раздробленности, это может привести к серьезным последствиям.

«В ближайшие десятилетия свободного времени у людей, вероятно, будет больше, что мы обязаны принять во внимание. Поэтому образование следует рассматривать не только как подготовку к предстоящей трудовой деятельности, но также как средство расширить кругозор, воспитать чувство коллективизма, привить понимание искусства, окружающего мира, углубить способность к самопознанию. Образование масс в будущем должно включать аспекты воспитания, составляющие сейчас привилегию элиты».

*Роббин У. Флеминг, ректор
Мичиганского университета*

ПАДЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО УРОВНЯ

(«Бизнес уик», 28 января 1980 г.)

В течение трех десятилетий после второй мировой войны жизненный уровень американцев неуклонно повышался. Из года в год за немногими исключениями, люди работали меньше, а зарабатывали больше. Стремление американских потребителей покупать все больше и больше товаров заставляло фабрики и заводы США, а также Европы, Японии и третьего мира работать на полную мощность, обусловив этим беспрецедентный экономический рост, продолжавшийся больше четверти века.

Но теперь золотой век потребителя позади. Американский уровень жизни падает. Он пострадал в результате сочетания таких факторов, как замедление роста производительности труда, бурная инфляция и изъятие более 60 млрд. долл. в год из карманов американских потребителей в казну стран — экспортеров нефти. К этому добавляется еще один момент: бремя растущих оборонных расходов, которое неизбежно приведет к увеличению бюджетных дефицитов и к дальнейшей инфляции, сведя к нулю всякую надежду на то, что американцы дождутся налоговых об-

легчений. После этих ударов их прошлая вера, что каждое новое поколение может рассчитывать на лучшую жизнь, чем предыдущее, серьезно подорвана.

Родители не только считали, что у их детей будет больше возможностей, чем у них,— они всегда были уверены, что и сами в новом году будут жить лучше. Этот оптимизм в большей степени, чем какой бы то ни было другой фактор, побуждал американские семьи тратить все больше и больше денег.

Многие экономисты и предприниматели отказываются признать факт падения уровня жизни, а тем более признать печальные последствия этого факта для американской экономики.

Падение жизненного уровня означает, что усилится борьба за доли от дохода. Это в свою очередь будет приводить к дальнейшему усилению инфляции, и без того уже достигшей двузначных показателей.

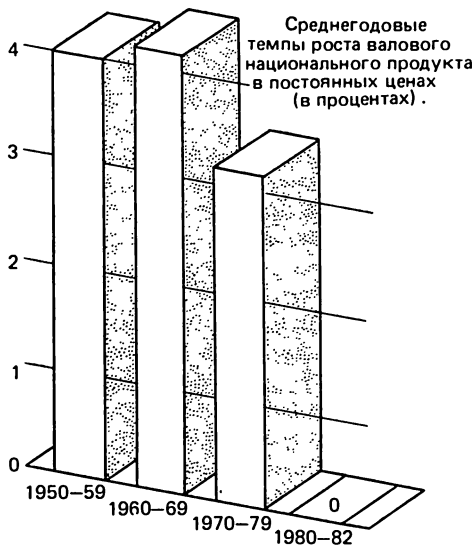
В условиях сокращения доходов потребители будут стремиться покупать меньше, а следовательно, сократятся капиталовложения компаний, тормозя экономический рост.

В основе падения жизненного уровня в США лежат высокие цены на нефть. Во-первых, огромное повышение цен на энергетические ресурсы, с тех пор как ОПЕК начала демонстрировать свою силу, заставляет промышленные компании предпринимать попытки сократить энергоинтенсивность производства. В силу того, что расход энергии и реконструкция оборудования в производственном процессе взаимосвязаны, результатом явилось сокращение выпуска капиталоемкой продукции и увеличение выпуска трудоемкой продукции. В итоге наблюдается падение произ-

водительности труда и останавливается экономический рост.

В розничной торговле уже видны признаки сокращения расходов семей, у которых доход составляет менее 25 тыс. долл. в год.

ЭКОНОМИКА НАХОДИТСЯ В СОСТОЯНИИ ЗАСТОЯ...

Снижение жизненного уровня скажется также на отрасли номер 1 в Америке — жилищном строительстве. Покупатели все больше стремятся приобретать дома и квартиры, которые стоят, как правило, на 15—25 процентов дешевле.

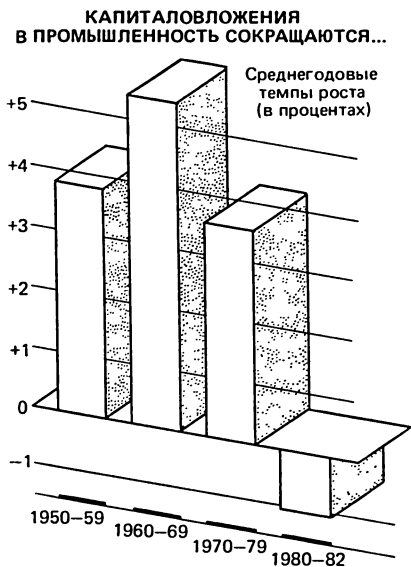
«Дурные вести о потребительских расходах в конце концов обращаются в дурные вести о

капиталовложениях,— считает Оукан, научный сотрудник Института Брукинга.— По-прежнему существует неопровержимый закон политической экономии, состоящий в том, что предприниматели не вкладывают капитал, когда не приходится рассчитывать на сбыт продукции».

Никто сейчас не может с уверенностью сказать, чем это кончится. Хотя специалисты по трудовым проблемам считают, что падение жизненного уровня окажет очень серьезное влияние на отношения между рабочими и администрацией, пока неясно, окрепнут ли профсоюзы или же они станут слабее. В краткосрочном плане первым и наиболее сенсационным эффектом, вполне возможно, будет сокращение прибавок по трудовому договору, поскольку даже крупные наниматели — автомобильные и металлургические компании — стараются ограничивать издержки и сохранить прибыли. Раньше таким профсоюзам, как объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности и профсоюз шоферов грузовых машин, удавалось добиваться таких надбавок для своих членов, что их заработная плата поспевала за инфляцией или даже опережала ее. Но, как сказал председатель объединенного профсоюза автомобильной промышленности Фрейзер, «члены профсоюза должны понять, что, может быть, со временем это станет невозможно — нам не удастся вечно обеспечивать им реальное увеличение заработной платы».

Это не значит, что его профсоюз станет менее воинственным; напротив, происходящее служит примером растущего понимания в профсоюзных кругах, что рост реального дохода резко сокращается. Мало того, переговоры о коллективных договорах будут становиться все более

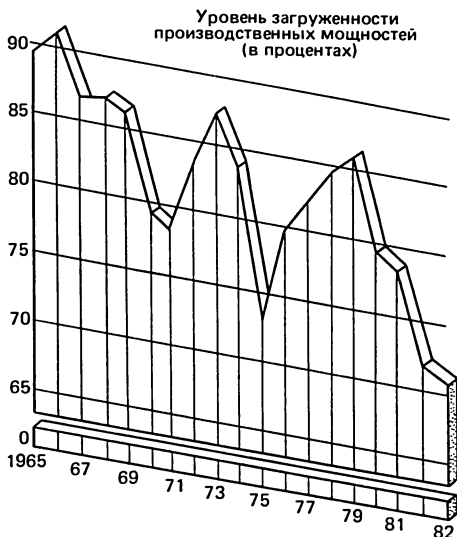
трудными, поскольку ожесточится борьба между профсоюзами и администрацией за «долю пирога». Но вызовет ли это серьезные социальные конфликты и забастовки, будет зависеть от компаний и профсоюзов.

Неспособность добиться реального повышения заработной платы из-за того, что сокращается рост реального национального дохода, побудит профсоюзы перейти к другой стратегии. Арнольд Уэбер, специалист по трудовым проблемам, считает, что политически консервативные, прокапиталистические американские профсоюзы, по всей вероятности, начнут склоняться вле-

во и «отстаивать программу, направленную на серьезное изменение капитализма». В отличие от профсоюзов Западной Европы американские профсоюзы не могут подчинить себе политическую партию и привносить в американскую поли-

АМЕРИКАНСКИЕ ЗАВОДЫ ПРОСТАИВАЮТ...

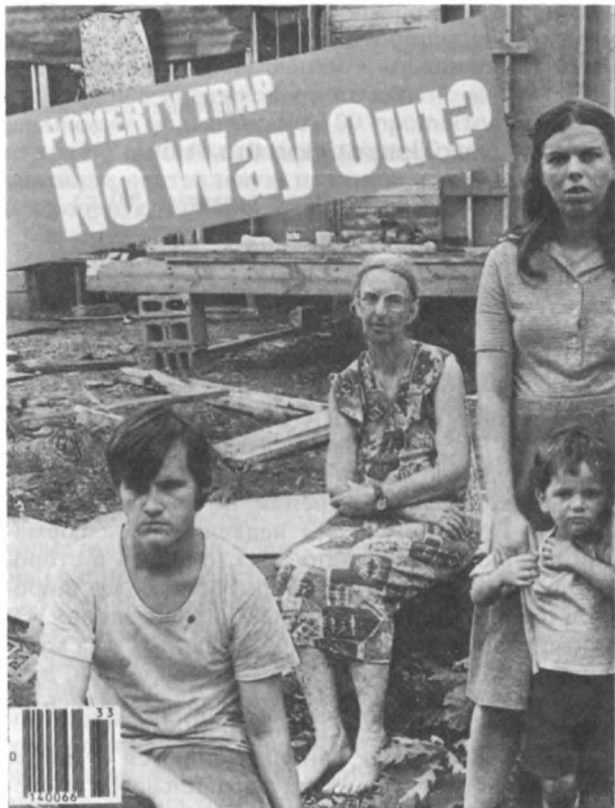
тическую борьбу элементы левой идеологии. Но возможно, профсоюзы пойдут по европейскому пути демократизации капитала.

Профсоюзы получают право голоса при решении таких вопросов, как закрытие заводов, использование пенсионного фонда для инвестиций и, может быть, капиталовложения. Это, возможно, будет сопровождаться избранием представи-

телей профсоюзов в руководящие органы корпораций. И они могут добиться большого успеха, если предприниматели, работники которых не охвачены профсоюзным членством, будут продолжать пытаться переключать на них все бремя замедленного экономического роста. Экономист «Конференс борд» Одри Фридман говорит, что ограничение прав работников, которое вызвано уменьшением прибылей, может побудить служащих к созданию своих профсоюзных организаций. Это в свою очередь приведет к ожесточенному противоборству между профсоюзами и предпринимателями, чьи работники не являются членами профсоюза.

Снижение жизненного уровня и ограничение экономических возможностей, по крайней мере отчасти, служат причиной ухудшения отношений между такими традиционными союзниками, как негры и евреи или национальные меньшинства и профсоюзное движение. Далее, американец, работающий по найму, независимо от того, член он профсоюза или нет, испытывает на себе бремя все возрастающих налогов, которые идут на пособия и другого рода помощь бедноте, престарелым и безработным.

Кроме того, уменьшение экономического «пироза» неизбежно ведет ко все более ожесточенному столкновению интересов потребителей, правительства и вооруженных сил — и в итоге будет намного труднее проводить социальные реформы, например ввести национальную систему страхования по болезни или федеральную систему социального обеспечения, тем более что оборонные расходы в сложившейся обстановке будут играть первостепенную роль. Не нужно забывать, что в прежние годы США финансируют

На плакате: Бедность — западня, откуда нет выхода

вали необоронные расходы путем сокращения реальных расходов на нужды обороны, но теперь этот источник фондов перестал существовать.

Дэниел Янкелович

УГАСАЮЩИЙ СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ

(Отрывок из книги «Новые правила», 1981 г.)

Д. Янкелович — ведущий американский социолог, глава и основатель известной фирмы по изучению общественного мнения «Янкелович, Скелли энд Уайт».

За последние несколько десятилетий нормы социальной жизни США изменились, превратив общество с одинаковым взглядом на семью, секс и трудовую жизнь в общество все расширяющегося плюрализма мнений по названным вопросам. Практически все недавние трансформации ценностей американцев склонялись в сторону большей терпимости, открытости, более широкого набора моделей приемлемого поведения. От универсально принятых, предписанных для мужчины, женщины, мужа, жены, сына, дочери, друга, родственника, многие правила сменились на более приемлемые коды поведения.

По мере того как каноны меняются от жесткости к гибкости, понятие «правильного» и «неправильного» само претерпевает изменения. Традиционная концепция «верного» и «неверного» заменена концепцией «вредного» и «безвредного». Если твои действия не рассматриваются как приносящие вред другому, даже если они неверны с точки зрения традиционной морали, они больше не встречают серьезного противодействия.

В конце 50-х годов Мичиганский университет провел общенациональный опрос общественного мнения об отношении к мужчинам и женщинам, отказавшимся от семейной жизни. Подавляющее большинство (80 процентов) жестоко критиковали одиночек, около 20 процентов — занимали нейтральную позицию, и лишь меньше 1 процента положительно отзывались о них.

К концу 70-х годов ситуация резко изменилась. Число критиков уменьшилось с 80 до 25 процентов, 61 процент не имели определенного мнения, и целых 14 процентов американцев рассматривали безбрачие как позитивный образ жизни со своими преимуществами. И это на протяжении жизни всего одного поколения! Иными словами, в конце 50-х годов большинство американцев считали, что быть «нормальным» — значит быть женатым. В конце 70-х практически то же большинство полностью изменило свои нормативные посылки. Неженатое состояние больше не отождествлялось с ненормальностью. Сегодня замужество и дети редко рассматриваются как необходимость.

Также в отличие от прошлого стало обычным мнение о браке как о временном, а не вечном состоянии. Когда в опросе, проведенном в 1978 году службами Ассошиэйтед Пресс и Эн-би-си, был задан вопрос, считают ли опрошиваемые, что «большинство пар, вступающих сегодня в брак, надеются сохранить его до конца жизни», 60 процентов ответили «нет». В этом же опросе 68 процентов опрошиваемых считали, что в результате тех или иных изменений институт брака становится намного слабее, чем в прошлом.

Число одиноких домохозяйств (мужчины и женщины, живущие одни или с лицом, с которым

не состоят в официальном браке) выросло на 66 процентов с 1960 по 1980 год. За этот же период число семей с одним родителем (преимущественно женщины, хотя сейчас в эту категорию входит и 1,5 млн. мужчин) также резко увеличилось — с 9 процентов в 1960 году до 14 процентов в 1980-м.

Ослабление власти традиционных норм сказалось и на отношении к детям. От всеобщего убеждения, что женщина, не имеющая детей, — «неполноценная женщина», страна сместилась к широко распространившейся терпимости в отношении бездетности.

83 процента американцев в 1980 году считали приемлемым быть замужем и не иметь детей. 75 процентов в свою очередь считают морально оправданным не быть замужем и иметь детей.

Изменения норм влекут за собой и изменения в поведении. За последние годы уровень рождаемости в США неуклонно уменьшался. В 50-е годы замужняя женщина, не желавшая иметь детей, не могла свободно в этом признаться, а сегодня ситуация прямо противоположна: очень много молодых женщин открыто отрицают всякий интерес к детям.

Одно из наиболее далеко идущих изменений находится в сфере взглядов родителей на их обязанности по отношению к детям и на долг детей по отношению к родителям.

Серия опросов, проведенных в 70-е годы моей фирмой, дала следующие результаты: 63 процента родителей отвергают идею, что родители должны оставаться друг с другом ради детей в случае несчастливого брака; 66 процентов считают, что родители должны жить своей собственной жизнью, даже если это будет означать умень-

шение времени, уделяемого детям; почти такое же число — 63 процента — считает, что имеют право хорошо жить и тратить деньги, даже если это приведет к тому, что их детям меньше останется.

С другой стороны, большинство родителей признают, что по справедливости, если они уменьшают свой уровень отдачи детям, то и дети имеют право уменьшить свои обязанности перед ними в будущем. 67 процентов американских родителей придерживаются мнения, что «обязательства детей по отношению к родителям должны зависеть от того, сколько родители сделали для своих детей».

При этом наблюдается определенная амбивалентность в отношении американцев к изменению ценностей семейной жизни. То же самое большинство, которое считает, что сегодня родители и дети имеют меньшие обязанности друг перед другом, заявляет о своем желании «вернуться к более традиционным стандартам семейной жизни и родительской ответственности». Ключ к этой «непоследовательности» заключается в следующем: в принципе большинство заявляет о своем желании вернуться к прошлому, к традиционной семейной жизни, однако на практике лишь 21 процент готовы на деле вернуться к былым стандартам.

Американцы жаждут тепла и близости, ассоциирующихся с семейной жизнью в прошлом, но только не за счет возврата к старым правилам. Как достичь тепла и близости, сохраняя в то же время и новую свободу выбора,— вот основной вопрос, с которым сталкивается культура в сфере жизненных стилей.

«Положение современного человека в обществе можно охарактеризовать следующим образом: сегодня мы ничего ни о чем не знаем. Традиционные моральные и духовные ориентиры, на которых строилась наша жизнь и в которых мы находили определенное удовлетворение, не смогли подготовить нас к жизни в современном мире.

Исторически складывалось так, что у американцев всегда хватало времени и был избыток пространства. К настоящему времени мы полностью израсходовали эти запасы. Мы должны осознать эту проблему и возродить наши духовные ресурсы — величайший из активов, которым располагает страна...

Не подлежит сомнению великое могущество американской техники и производства. Мы продемонстрировали всему миру, что можем воевать, применяя мощь атомной энергии, можем осуществить высадку человека на Луну. Однако этого недостаточно. Еще одна сила, которой владеет человек, не исследована до конца. Между тем она, быть может, содержит в себе больше возможностей, чем все достижения техники, чем все успехи в области связи и управления, сместившие привычные понятия времени и

пространства. Если мы хотим каким-то образом выжить, то должны использовать эту силу — силу человеческого духа».

*Клео У. Блэкберн, председатель
комиссии по вопросам
образования штата Индиана*

КРИЗИС АМЕРИКАНСКИХ ГОРОДОВ

(«ЮС ньюс энд Уорлд рипорт», 18 мая 1981 г.)

Здания и коммунальные службы, которые делают американские города пригодными для жизни, разваливаются быстрее, чем можно найти деньги на их восстановление. Пытаясь покрыть расходы на текущие работы, власти многих городов откладывают «на завтра» крайне необходимые расходы средств на ремонт улиц, парков, библиотек и других общественных сооружений.

Во многих случаях последствия этого не видны: ржавеющие водопроводные и канализационные системы, проходящие под городскими улицами, остаются незамеченными. В других случаях недостатки бросаются в глаза:

половина Вестсайдского шоссе в Нью-Йорке закрыта после того, как пять лет назад на нем провалился грузовик, и сегодня играет роль временного поля для катания на роликовых коньках;

каждый раз, когда идет дождь в Канзас-Сити, штат Миссури, подвалы тысяч домов затопляет сточная вода;

на трех квадратных милях в деловой части Луисвилла канализационную систему, постара-

давшую в результате тайного сброса вредных химикатов, сотрясали взрывы;

Окленд, штат Калифорния, хотел бы ежегодно менять покрытие на 20 из 778 миль своих улиц, однако тощий бюджет позволяет вновь покрывать только 5 миль.

В целом, по данным эксперта объединенной экономической комиссии конгресса Деборы Мэц, ремонт общественных сооружений в 50 крупнейших городах страны потребует примерно 30 млрд. долл. Эта оценка не включает расходы на Нью-Йорк, который предусмотрел в бюджете 8 млрд. долл. на ремонт мостов, улиц и канализационной системы до 1988 года — цифра, которая на много миллиардов долларов ниже того, что, по мнению экспертов, необходимо.

Мэц разъясняет: «Проблема обостряется с каждым годом. Городские должностные лица, сталкиваясь с финансовыми трудностями, сокращают бюджет капитального ремонта. Позже они обнаруживают, что уже не могут позволить себе заменить пришедшие в полный упадок системы».

Ее оценку подтверждает новый доклад Совета плановых управлений штатов, который показывает, что расходы на общественные работы упали с 38,6 млрд. долл. в 1965 году до 31 млрд. долл. в 1977 году — последнем, который охвачен в докладе.

Кливленд, располагающий ограниченными средствами, с 1974 по 1978 год сводил концы с концами благодаря тому, что отчислял ежегодно в бюджет 42 млн. долл. доходов от продажи облигаций. Сейчас город сталкивается с необходимостью затратить 900 млн. долл. на улучшение системы водоснабжения, которую надо было отремонтировать годы назад. Забитые мусором во-

допроводные трубы стали причиной низкого напора воды и ненадежности водоснабжения. Водопровод так течет, что 25 процентов воды ежедневно уходит «неизвестно куда».

Около 80 процентов системы водоснабжения Буффало построено более 80 лет назад. Прошлой осенью прорвало 60-дюймовую магистраль, затопило новую школу, нанеся ущерб на сумму 2 млн. долл. Двухсот миллионов долларов, которые необходимы, чтобы отремонтировать эту систему, просто нет. Координатор проекта из департамента общественных работ Буффало Джозе Гнамбра говорит: «Когда дело доходит до улиц и магистральных водопроводов, у нас деньги есть только на ремонт поломок».

В Канзас-Сити необходимо 30 млн. долл., чтобы отремонтировать 254 моста и заменить 18. Но город выделил в бюджете только 300 тыс.— достаточно, говорит одно должностное лицо, «чтобы купить заграждения, когда мосты провалятся».

В Нью-Йорке проблему представляет ухудшение состояния улиц. Ремонтные бригады засыпают свыше миллиона ям ежегодно. Тем не менее каждый год муниципалитет выплачивает свыше 10 млн. долл. людям, пострадавшим в результате падения на обваливающихся тротуарах.

Из-за финансовых проблем Бостон может отремонтировать свои транспортные магистрали один раз в 75 лет вместо одного раза в 25 лет, как этого хотели бы должностные лица. Чтобы свести концы с концами, власти рассматривают вопрос о сокращении на 30 процентов бюджета департамента общественных работ.

Луисвилл также ожидает сокращение работ, несмотря на то, что взрыв разрушил канализа-

ционную сеть на площади 3 кв. мили недалеко от центра города. Были отключены все линии север — юг в четырнадцати кварталах. Чрезвычайная федеральная помощь покрывает 75 процентов ущерба на сумму 40 млн. долл., но Луисвиллу, возможно, трудно будет выделить дополнительные средства, чтобы отремонтировать остальное.

Усовершенствование системы уничтожения отходов в Филадельфии приведет к увеличению расходов на канализацию и водоснабжение на 50 процентов. Город урегулировал иск о загрязнении воды, предъявленный министерством юстиции, согласившись потратить 622 млн. долл. на модернизацию предприятий по переработке отходов к ноябрю 1983 года.

Во многих районах суды все более активно заставляют города платить за ущерб, нанесенный жителям проходящими в упадок коммунальными системами. Главный плановик Нового Орлеана Гарольд Катнер отмечает: «Ирония в том, что приходится платить за этот ущерб, но нет денег на решение проблемы».

Трудно сохранять также удобства, которые воспринимаются как нечто само собой разумеющееся для городов. Срочно необходимо восстановление лесонасаждений Голден-Гейт-парка в Сан-Франциско, которое обойдется в 10—15 млн. долл. В лучшем случае, говорят должностные лица, в будущем году на это удастся потратить 1,5 млн. долл.

Из-за отсутствия средств на зарплату сотрудников и ремонт придется сократить число библиотек в Сан-Франциско. Нынешний бюджет предусматривает закрытие 6 из 20 библиотек, в том числе деловой библиотеки в центре города. Город также должен выполнить приказ суда о

замене своей устаревшей канализационной системы, что обойдется в 2,3 млрд. долл. Если система не будет построена, Сан-Франциско могут запретить новое строительство.

И все же не все города отстают в борьбе за сохранение общественных сооружений. Исследование, проведенное Институтом городских проблем в Вашингтоне, выделяет Цинциннати в качестве «примера старого города, который умеет управлять своими капитальными средствами».

За последние пять лет обновлена или заново покрыта треть улиц Цинциннати. Это, по мнению института, гораздо больший процент, чем в большинстве городов. Городская система профилактики и ремонта также включает проверку канализации при помощи телекамер каждые 10 лет и ежегодную прочистку опасных участков. Кевин Шепард, отвечающий за городское планирование и помощь в управлении, разъясняет: «Мы решаем, что делать, исходя из экономических последствий, а не технического состояния». Выделяя 15 процентов поступлений от подоходного налога на восстановление, община долины реки Огайо поддерживает небольшой, но непрерывный приток денег. Плата потребителей за воду и канализацию делает эти системы самокупаемыми.

Во многих местах бюджеты капитальных усовершенствований определяются без расчетов на будущую помощь от федерального правительства или органов власти штатов. Городской управляющий Саннивейла, штат Калифорния, Том Льюкок говорит: «Мы не будем расширять какую-то сферу услуг в первом году, если окажется, что мы не сможем ее поддержать на девятом году».

Группа бездомных установила рядом с Белым домом кресты, где написаны имена их товарищей, замерзших зимой в Вашингтоне.

Теперь, когда федеральное правительство планирует сократить помощь городам, такой подход понадобится многим из них. Белый дом хочет ликвидировать управление экономического развития, главный орган правительства по осуществлению общественных работ. Сокращения ожидают и программу субсидий на городское развитие, которая использовала федеральные начальные инвестиции, чтобы стимулировать частные капиталовложения в перестройку деловых кварталов городов и другие проекты создания рабочих мест.

Многие специалисты считают, что, помимо повышения платы за посещение музеев и парков, выпуска облигаций и повышений налогов, решение проблемы заключается и в активных кампа-

ниях городов за привлечение промышленности с целью укрепления слабеющей налоговой базы. Другие выступают за самостоятельные органы, обладающие полномочиями обеспечивать доходы, необходимые для эксплуатации парков, водопроводов и других секторов услуг. Этот подход, указывает Джордж Питерсон, автор исследования инфраструктуры Института городских проблем, переносит принятие решений из политической сферы в сферу технических специалистов.

Какими бы ни были решения, если не будет быстрых инвестиций, многие городские жители будут и дальше страдать от ежедневных неприятностей, которые сопутствуют упадку городов.

Сара Фриц

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ РАБОЧИХ

(«ЮС ньюс энд Уорлд рипорт», 3 сентября 1979 г.)

С. Фриц — член редколлегии журнала, собственный корреспондент при конгрессе США.

Никогда раньше в истории США американские рабочие не испытывали такой неудовлетворенности своей работой, как сегодня. Об этом новом поколении рабочих спорят в учреждениях и на предприятиях по всей стране. Деловые круги, профсоюзы и правительство подвергаются растущему давлению: от них требуют разработать новые, современные методы управления рабочей силой.

В отличие от своих родителей современные трудящиеся смотрят на работу не просто как на договорные обязательства: повседневный труд за повседневную оплату. «Сегодняшние рабочие хотят намного большего, — говорит специалист по трудовым отношениям Джон Баунинг. — Они хотят не меньше, чем восемь часов наполненной смыслом, искусно управляемой, приносящей личное удовлетворение работы за соответствующую оплату. А большинству компаний это нелегко обеспечить».

За последние два десятилетия структура американской рабочей силы изменилась благодаря быстрому притоку миллионов молодых рабочих,

включая большое число негров и женщин. Очень скоро большинство рабочих страны будет моложе 35 лет.

Сегодняшние молодые трудящиеся — это студенты 60-х годов, чьи взгляды были сформированы Вьетнамом, Уотергейтом и движением за гражданские права. Более пожилые рабочие, многие из которых помнят «великую депрессию», часто кажутся более послушными, уважительными и старательными, чем их дети.

Частые столкновения старых руководителей компаний и рабочих молодого поколения считаются причиной многих трудностей в американской экономике. Сегодня производительность труда увеличивается намного более медленными темпами, чем раньше. Некоторые рабочие даже обращаются с жалобами на своих боссов в суд и конгресс.

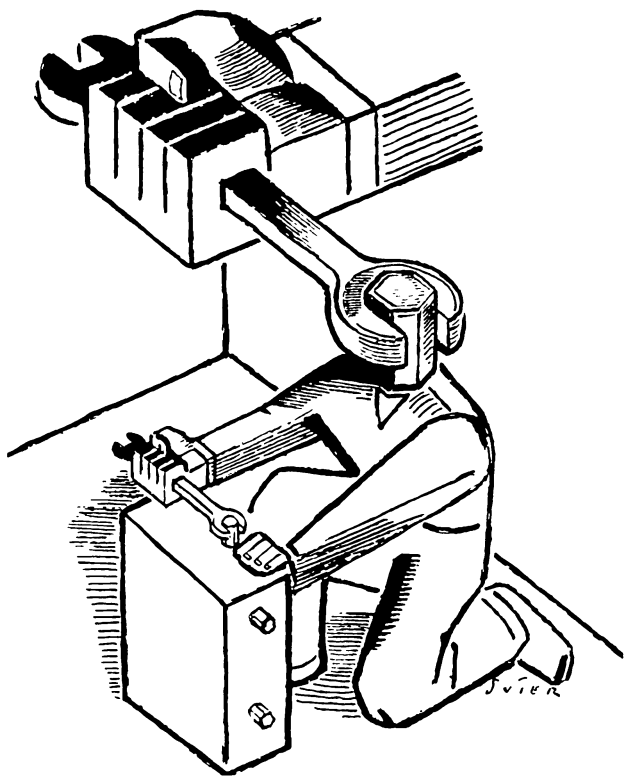
Такие специалисты, как Тэд Миллс, директор Американского центра качества трудовой жизни, призывают руководителей компаний усовершенствовать свою политику в области трудовых отношений, чтобы справиться с сегодняшним недовольством рабочих.

Некоторые крупные корпорации уже принимают меры в этом отношении. «Дженерал моторс», «Ксерокс», «Бэнк оф Америка» и многие другие пытаются успокоить своих рабочих с помощью программ, дающих им право голоса в решениях компании, скользящий рабочий график и другие привилегии. В конечном итоге, надеются предприниматели, эти нововведения превратят американскую корпорацию в более приятное и более продуктивное место работы.

По сравнению с рабочими 20-летней давнос-

ти сегодняшние трудящиеся обладают следующими характерными чертами:

менее однородны в социальном плане. Рекордный 41 процент из них составляют женщины, 10 процентов — негры и 23 процента — молодежь не старше 25 лет;

скорее будут работать в конторе, чем на предприятии. Половина всей рабочей силы сейчас служащие;

имеют больше свободного времени. Продолжительность рабочего дня сейчас уменьшилась, отпуск стал более продолжительным. Средний рабочий имеет 10-дневный оплачиваемый отпуск ежегодно по сравнению с 7,8 дня в 1960 году;

более мобильны. Типичный рабочий в 1963 году оставался на одной работе 4,6 года. Сегодня он меняет работу каждые 3,6 года.

Несмотря на все эти улучшения, многие рабочие остаются неудовлетворенными. Данные исследовательского центра Мичиганского университета, опубликованные в текущем году, показывают, что недовольство рабочих достигло наивысшей точки по крайней мере за десятилетие.

Из всех опрошенных рабочих 60 процентов хотят перейти на новую работу; 39 процентов считают, что им мало платят; 36 процентов говорят, что у них слишком высокая квалификация для выполняемой работы, и 55 процентов рабочих хотят иметь больше свободного времени.

Специалист по опросам общественного мнения Дэниел Янкелович называет сегодняшних рабочих «рабочими новых ценностей». В отличие от традиционного рабочего, который может согласиться на неприятную работу, чтобы продвинуться выше, рабочий новых ценностей требует более быстрого удовлетворения своих запросов. Вот что говорит Роберт Готлиб, 33 лет, типичный рабочий новых ценностей, недовольный своей работой в качестве специалиста по ЭВМ в Нью-Йорке с зарплатой 25,7 тыс. долл. в год:

«Люди трудятся не ради денег. Они хотят морального удовлетворения, без которого деньги не представляют ценности».

Американский союз в защиту гражданских свобод, часто выступающий предвестником новых общественных движений, заявляет, что сейчас у него очень много работы с жалобами трудящихся на предпринимателей. «Я не сомневаюсь,— говорит исполнительный директор союза Айра Глассер,— что в нашей стране нарастает движение за права лиц наемного труда». Конгресс и законодательные собрания штатов также получают больше жалоб от трудящихся, которые хотят, чтобы правительство вмешивалось в такие проблемы занятости, как увольнения и ведение личных дел сотрудников.

Специалисты рассматривают движение за права лиц наемного труда как результат процветания на протяжении жизни поколения. «Новое поколение трудящихся и их детей выросло в условиях быстрого развития экономики,— говорит Джером Ростоу, президент Института Америки.— Они считают свои преимущества нормой».

Подавляющее большинство рабочих считают, что имеют право на хорошую зарплату, пособия по здравоохранению и страхованию, на долю в прибылях, пособия на обучение, финансовые консультации, правовую помощь и многие другие льготы.

Рабочие утверждают, что, помимо пособий, они имеют право на большее участие в разработке политики компании. Линдхайм говорит: «Люди, по-видимому, хотят сказать, что «босс должен поговорить со мной, прежде чем примет решение. Не обращайтесь со мной как с пешкой».

Обращайтесь со мной как с человеком. Выслушайте меня».

Рабочие спрашивают, почему они должны забывать о своих конституционных правах за порогом компании. «Сегодняшние требования, — отмечает Дэвид Юинг из Гарвардской школы предпринимателей, — сводятся к тому, что каждый служащий... должен быть в какой-то степени свободен от произвола управляющих, не ставя под угрозу свою обеспеченность работой и шансы на продвижение по службе».

Хотя конституция США ограничивает власть правительства над частными гражданами, она не содержит никаких положений, ограничивающих власть предпринимателей. Рабочих могут уволить именно за использование большинства конституционных прав, без каких-либо нарушений законов.

Например, рабочий в штате Нью-Йорк несколько лет назад был уволен за то, что поддерживал импичмент президента Никсона. Адвокаты, защищавшие борцов за гражданские свободы, не смогли помочь ему. Нет закона, который запрещает уволить рабочего по политическим мотивам.

Джек Стейбер с факультета трудовых отношений в промышленности университета штата Мичиган отмечает, что до 500 тыс. рабочих в год подвергаются несправедливым увольнениям. Поэтому коалиция профсоюзных, потребительских организаций и групп по охране окружающей среды требует принять закон, дающий право на апелляцию всем уволенным трудящимся.

Трудящиеся добиваются от предпринимателей и введения более короткой рабочей недели и более гибких графиков работы. Исследование

Мичиганского университета обнаружило, что свыше 40 процентов рабочих работают более 40 часов в неделю и что менее 6 процентов рабочих полностью удовлетворены продолжительностью своего рабочего времени.

Алан Уэстин, специалист по правам служащих, преподающий в Колумбийском университете, считает, что свыше 200 крупнейших компаний страны сейчас проводят эксперименты с новыми методами управления рабочими. Некоторые просто позволяют рабочему выражать свое мнение. Другие отводят рабочим определенную роль в принятии решений корпорации.

Все эти программы объединяются под общим названием экспериментов в области «качества трудовой жизни» (этот термин сделал популярным Ричард Никсон). С 1975 года о проблеме качества трудовой жизни написано около 450 книг и статей. Кроме того, создано четыре национальных исследовательских центра, изучающих эти проблемы. Предприниматели предпочитают называть проблему, используя термин Никсона, потому что термин «рабочее участие» по-прежнему вызывает призрак разделения власти, часто украшенный серпом и молотом.

подавляющее большинство руководителей корпораций заявляют, что поддерживают право трудящегося высказывать свое мнение и принимать участие в общественной деятельности вне предприятия. Но только 19 процентов разрешили бы служащему появиться на работе в ярком спортивном костюме. По подсчетам специалистов, всего около 10 тыс. рабочих охвачено подлинными программами рабочего участия. Одна из наиболее удачных проводится на сборочном заводе «Дженерал моторс» в Тэрритауне,

Нью-Йорк. С 1970 года, когда служащие впервые получили право голоса при распределении заданий, производительность на заводе поднялась с самой низкой до самой высокой в компании.

Главная цель этих программ состоит в том, чтобы поднять производительность, но при этом служащие часто приветствуют возможность работать без традиционного контроля. «Вы можете даже шутить с самыми высокопоставленными работниками на предприятии»,— говорит Брюс Мецкер, 36 лет, который работает на заводе «Дана корпорейшн» в Индиане.

Циники утверждают, что некоторые компании принимают эти программы исключительно для того, чтобы помешать организации профсоюзов. «Противники часто рассматривают их как скрытую форму манипулирования»,— признает Дон Коновер, директор отдела планирования «Уэстерн электрик». А Меррил Рудж, вице-президент по трудовым отношениям «Пертек», добавляет: «Если мы прервем связи со служащими, профсоюзы проявятся здесь в ту же минуту».

Появление нового поколения рабочих ставит проблемы не только перед предпринимателями, но и перед профсоюзами. Алан Кистлер, руководитель организационного комитета АФТ—КПП, видит в нем редкую возможность увеличить число членов профсоюзов. «У молодых рабочих так много черт, которые делают их особенно пригодными для членства в профсоюзах,— говорит он.— У них есть беспокойная неудовлетворенность, и они не думают, что должны терпеливо ждать перемен». Действительно, две трети всех неорганизованных чернокожих рабочих хотели бы вступить в профсоюзы. Служащие-

женщины также созрели для вовлечения в профсоюзы.

Несмотря на эти настроения, профсоюзы по-прежнему добиваются победы в борьбе за организацию своих отделений менее чем в половине кампаний. Менее четверти всех трудящихся являются членами профсоюзов.

Некоторые специалисты считают, что профсоюзы сосредоточили слишком много внимания на экономических проблемах и слишком мало — на проблемах трудовой жизни. Томас Коучен из Корнельского университета говорит, что до 75 процентов рабочих хотят, чтобы их профсоюзы вступили в эту «неизведанную область». Одним из профсоюзов, который принял этот вызов, является профсоюз работников связи, начавший кампанию против нервных перегрузок на работе: 15 июня по всей стране были организованы демонстрации. Члены профсоюза шли с лозунгами: «Мы люди, а не машины».

Видимо, уже слишком поздно как для профсоюзов, так и для предпринимателей приостановить волну перемен, которая захлестывает предприятия и учреждения Америки. В предстоящие годы кампания за права трудящихся, вероятно, наберет силу. «Это неизбежно, — говорит Глассер из Американского союза в защиту гражданских свобод. — Традиционная власть предпринимателей будет ограничена, чтобы предоставить трудящимся право на свободу слова, сохранение тайны и справедливость».

Тем не менее никто не ожидает, что американские предприниматели когда-либо пригласят рабочих в зал заседаний правления компании. Председатель правления «Дана» Рене Макфер-

сон говорит: «Я ни минуты не думаю, что рабочий действительно станет управлять компанией».

«Серьезной проблемой, стоящей перед Америкой, является спад интереса молодежи к науке и технике. Это может привести к снижению качества подготовки специалистов, которым предстоит создание техники будущего. Инженеры грядущего века должны уметь мыслить общими системными категориями в масштабах всей экономики и всего общества, и это требует подготовки специалистов, имеющих глубокое и широкое образование».

*Говард Джонсон,
председатель Корпоративного
совета Массачусетского
технологического института*

Отто Фридрих

КОМПЬЮТЕР ВХОДИТ В ЖИЗНЬ

(«Тайм», 9 января 1983 г.)

О. Фридрих — профессор математики, директор Коурантского математического института, лауреат Национальной медали за научные достижения.

На что способен личный компьютер? Яр-ко-красная реклама с такой надписью дает не просто ответ, а сразу сто ответов. Личный компьютер, говорится в ней, может рассылать письма со скоростью света, поставить диагноз больному пуделю, составить за несколько минут во всех деталях страховую программу, проверить, выдержан ли рецепт для пива. Свидетельств этому великое множество. Майкл Лэнд из Таксона рекламирует личный компьютер-анестезиолог; рок-группа «Земля, ветер и огонь» использует компьютер для взрыва дымовых шашек на сцене во время концертов; священник Рон Джениш из Саннивейла запрограммировал свою машину таким образом, что она может дирижировать свадебной церемонией.

В конгресс-центре Лас-Вегаса месяц назад более тысячи электронных фирм, больших и малых, демонстрировали свой товар примерно 50 тыс. покупателей, посредников и технических специалистов. Взгляните! Вот «Хьюлетт-Паккард HP 9000», на котором вы, скажем, можете составить чертеж в трех измерениях; а это «Во-

тан» — отвечает на телефонный звонок посреди ночи, исходящий от агента по сбыту на другом конце страны; «Оливетти М 20» развлекает зрителей, рисуя яркие портреты Мерилин Монро; а программа, разработанная «Элиэн-групп», дает возможность компьютеру фирмы «Атари» произнести вслух все, что отбивается на его клавиатуре на любом языке. К тому же он еще может спеть вам любую песню, которую вы пожелаете запрограммировать.

Как вещает реклама, затяжная любовь американцев к автомобилям и телевизорам теперь превращается в опьяняющую страсть к личному компьютеру. Эта страсть отчасти причуда, отчасти желание облегчить себе жизнь, а отчасти результат гигантской рекламной кампании. И прежде всего это высокий результат технической революции четырех последних десятилетий, которая теперь захватывает всех и вся.

Американцы чутко реагируют на эту революцию. Хотя они понимают опасности безработицы и обезлички в этом процессе, все же подавляющее большинство считает, что компьютерная революция в конце концов приведет к росту выпуска продукции и, следовательно, к повышению жизненного уровня.

Разумеется, роль большого, сложного и дорогостоящего стационарного компьютера за истекшую четверть века в жизни практически каждого человека все увеличивалась. Он предсказывает погоду, обрабатывает чеки, сверяет налоговые поступления, управляет межконтинентальными ракетами и выполняет великое множество других операций для правительств и корпораций. Компьютер намного облегчил исследование космоса. Наконец, компьютер из-

менил методы ведения войн и подготовки к ним. Однако стационарные компьютеры выполняют свою работу почти незаметно, за закрытыми дверьми специального помещения с искусственным климатом. Теперь благодаря транзистору и кремниевому микроэлементу как размеры, так и цена компьютеров настолько уменьшились, что он стал доступен миллионам людей. Целый каскад компьютеров проник в американские офисы, в американские школы и в американскую семью. «Революция в информатике», давно уже предсказанная футурологами, наступила и принесла с собой перспективу сенсационных изменений в образе жизни и труда людей — и, может быть, даже в образе их мыслей. Америка никогда уже не будет прежней.

В более широком плане весь мир уже никогда не будет прежним. Индустриальные страны «компьютеризируют» свою жизнь. Роль этих машин для третьего мира пока неясна: некоторые специалисты говорят, что компьютеры только расширяют пропасть между имущими и неимущими.

1982 год изобиловал множеством из ряда вон выходящих событий в мире. Но иногда случается, что самую главную роль в событиях года играл не человек, а некий процесс и широкое признание обществом, что этот процесс меняет ход всех прочих процессов. Вот почему, взвесив важность всех событий в мире, журнал «Таймс» объявил 1982 год «годом компьютера».

Первый целиком электронный цифровой компьютер был построен в США в конце второй мировой войны. Созданный в Пенсильванском университете, этот компьютер, так называемый ЭНИАК, весил 30 тонн и насчитывал 18 тыс.

радиоламп, которые выходили из строя в среднем одна в семь минут. С тех пор размеры и цены компьютеров разительно уменьшились. Один специалист по компьютерам, иллюстрируя эту тенденцию, подсчитал, что, если бы автомобильный бизнес развивался так, как компьютерный, «роллс-ройс» стоил бы сейчас 2,75 долл. и расходовал бы один галон бензина на 3 млн. миль.

Две вещи, которые компьютер делает лучше всего, имеют самое широкое применение. Одна из них — просто расчеты, манипулирование тысячами цифр в секунду. Другая — способность хранить, сортировать и быстро извлекать огромное количество информации. Более половины всех работающих на сегодняшний день американцев зарабатывают на жизнь не производством каких-то ценностей, а используя свои знания, обмениваясь разного рода информацией, и личный компьютер может изменить весь характер их работы.

Термин «личный компьютер» может быть применен и к домашней машине, и к машине в конторе (и даже стирает различия между ними), и многие из первых энтузиастов компьютеров — это люди, выполняющие значительную часть работы на дому: врачи, адвокаты, мелкие предприниматели, инженеры. Такие люди, кроме того, особенно нуждаются в получении специальных данных из информационных центров.

Точно так же, как компьютер меняет характер работы на дому, он производит революцию в учреждениях. Обычные операции, например подсчет заработной платы и учет товарных запасов, давно уже переложены на компьютеры, но теперь пишущая машинка уступает место текстовому процессору и в результате все конторы

становятся элементами некоей единой сети. Этот процесс едва начался; на сегодняшний день заменено около 10 процентов пишущих машинок в конторах 500 крупнейших промышленных корпораций. Но экономические выгоды этого дела очевидны. Конторские служащие могут сэкономить около 15 процентов рабочего времени, если будут пользоваться современной техникой, — таков вывод анализа, составленного фирмой «Буз, Аллен энд Гамильтон», — и уровень этой техники неуклонно повышается. Согласно результатам опроса, проведенного среди корпораций, 55 процентов опрошенных заявили, что собираются приобрести эту новейшую технику. Она охватывает не только текстовые процессоры, но и компьютеризированные электронные системы передачи текстов (внедрение которых может сделать ненужной бумагу), а также огромные телевизионные экраны с двусторонней связью, которые сделают излишними поездки на деловые совещания.

Если все больше и больше контор будут выполнять львиную долю работы на компьютерах и если личный компьютер может быть установлен в жилой комнате, то возникает вопрос, зачем вообще ходить на работу?

Банк «Континентл Иллинойс» поставил эксперимент, снабдив с полдюжины работников текстовыми процессорами, чтобы они могли работать дома. «Контрол дейта» провел аналогичный эксперимент и натолкнулся на одну проблему: некоторые из работников, которым была предоставлена возможность работать на дому, почувствовали себя одинокими, лишившись общения с коллегами по работе.

Опрос общественного мнения, проведенный

компанией «Янкелович» по заказу журнала «Таймс», подчеркивает этот момент. Около 73 процентов опрошенных высказали мнение, что компьютерная революция позволит более широкому кругу лиц работать дома. Но только 31 процент опрошенных выразили радость по поводу такой перспективы. В большинстве случаев люди работают не в поле, не в шахте или в тяжелых заводских условиях, и работа дает им возможность общения. Психолог Абрахам Маслоу назвал работу иерархией функций: прежде всего, она обеспечивает пищу и кров, то есть удовлетворяет основные потребности. Но помимо этого, она дает уверенность в завтрашнем дне, возможность дружеского общения, чувство принадлежности к коллективу. Дело не только в возможности посплетничать в коридорах. Сама работа, особенно в отраслях, связанных с информатикой, требует стимулирующего эффекта личного контакта и обмена идеями.

Но идет ли здесь речь о принципиальном психологическом факторе или же еще об одном следствии промышленной революции? Другими словами, почему так много людей заводят друзей на работе, а не среди своих соседей? Пророки «электронного коттеджа» предсказывают, что он снова даст людям возможность находить общество там, где они находили его раньше, — то есть вблизи своих жилищ.

Как правило, техническим новшествам требуется минимум 20 лет, чтобы прочно войти в жизнь, а это означает, что мечта торговцев компьютерами о микрокомпьютере на каждом письменном столе в самом ближайшем будущем не осуществится, а может быть, не осуществится никогда.

Одна из проблем состоит в том, что большинство личных компьютеров в конечном счете обходится гораздо дороже, чем обещают рекламы. Модель стоимостью 100 долл. способна выполнить лишь немного операций, а если приобрести модель стоимостью в 1000 долл., то, как правило, требуются дополнительные расходы на дисковый привод, на печатающее устройство и т. д.

Многие программы, рекламируемые сейчас, едва ли стоят затрат. Например, зачем нужен компьютер для выключения света в жилых комнатах? Или, скажем, для составления меню? Многие люди не без оснований могут прийти к выводу, что прекрасно проживут и без компьютера. Найдется ли хотя бы один гражданин, которому компьютер ошибочно не предлагал повторно внести очередной взнос в счет подоходного налога или оплатить счет за покупки?

Зато компьютеры весьма облегчили жизнь преступников, получающих возможность, не выходя из дома, заниматься электронным жульничеством. Чемпионом среди них, пожалуй, следует считать Стэнли Марка Рифкина, специалиста по компьютерам в Лос-Анджелесе, который умудрился заставить компьютер «Секьюрити Пасифик нэшнл бэнк» выдать ему 10 млн. долл. Дон Паркер, специалист по компьютерным махинациям в научно-исследовательском институте Стэнфордского университета, говорит: «Никто, судя по всему, толком не знает, что такое компьютерные преступления, насколько широко они распространены и растут ли их масштабы или, наоборот, уменьшаются. У нас нет данных о том, что компьютеры вносят сколько-нибудь существенные изменения в характер коммерческих преступлений».

Даже если все технические и интеллектуальные проблемы можно разрешить, компьютерная революция ставит важные социальные проблемы. Наиболее очевидная из них — это безработица, так как основная цель широкого внедрения компьютеров состоит в том, чтобы получить больше продукции при меньшем числе работников. Согласно одному английскому анализу, «безработица, порождаемая автоматизацией», в Западной Европе может достичь в предстоящем десятилетии 16 процентов, но большинство специалистов настроено более оптимистически. Общее правило, судя по всему, заключается в том, что новая технология создает столько же рабочих мест, сколько уничтожает, а подчас и больше. В теории всех безработных можно обучить новой профессии, но программы переподготовки не занимают особо важного места в национальных планах. Кроме того, многие новые рабочие места требуют умения обращаться с компьютерами, и переквалификацию, необходимую для этого, придется повторять, поскольку техника продолжает совершенствоваться. Уже имеется немало свидетельств того, что школьники, которых сейчас обучают обращению с компьютерами,— это, как правило, дети белых среднего класса. В итоге молодые негры, среди которых безработица составляет сейчас 50 процентов, столкнутся еще с одной преградой.

Разумеется, в подобных социальных проблемах виноват не компьютер, они следствие того, что американское общество не может использовать его должным образом. В свое время, как писал Дэвид Фишман, автор книги «Компьютерный истеблишмент», «это было орудие, призванное помочь богачам стать еще богаче. Сейчас

это по-прежнему в значительной степени так. Одно из великих преимуществ личного компьютера состоит в том, что теперь менее крупные компании и организации могут в какой-то степени получить те преимущества, которые были доступны лишь крупным».

Как общество использует свои компьютеры, будет в значительной степени зависеть от видов выпускаемых компьютеров, что в свою очередь будет зависеть от возможностей отрасли промышленности, которая сейчас находится в состоянии хаотического роста.

Но как бы то ни было, компьютеризация Америки неизбежна. Она необходима для эффективности коммерческих компаний, для эффективности государственного аппарата — словом, этого требует вся современная жизнь, и, следовательно, так тому и быть.

Итак, революция началась, и, как это обычно бывает с революцией, люди не могут прийти к единому мнению относительно того, по какому пути она пойдет и чем кончится. Одни считают, что личный компьютер, так же как и телевидение, «может в немалой степени увеличить силы как добра, так и зла». Другие полагают, что главная роль личного компьютера состоит не в порождении некоего интеллектуального правящего класса, как опасаются некоторые, а в своего рода демократизации новой техники. «Революция письменного стола,— говорит специалист по компьютерам Марвин Минский из Массачусетского технологического института,— дает широким массам орудие, которым обладали только профессионалы. Одному только богу известно, что теперь будет».

«Современные социальные ценности Америки могут быть определены как «постиндустриальные ценности». Они представляют собой новый тип потребительского спроса, спроса не столько на продукты, сколько на стили жизни, они включают осознание значения и цели человеческого существования, возросшее участие в процессе принятия социальных решений, а также большее стремление к социальной справедливости, большим индивидуальным возможностям для саморазвития и широкому выбору социальной роли в рамках более эстетичной и здоровой окружающей среды. Эти потребности менее материальны, часто не поддаются экономическому определению и в свою очередь находятся за пределами рыночной экономики и ее концепции «хомо экономикус». Вместе с тем новые ценности демонстрируют достижения нашей социально-экономической системы, подтверждая правильность традиционной экономической теории, которая гласит: чем больше товаров, тем меньше они ценятся».

Хейзел Хендерсон, эксперт по социальным проблемам

Эрнст ван ден Хааг

**ОБЩЕСТВО НЕ НАДЕЛИЛО ИХ ЖИЗНЬ
НИКАКИМ СМЫСЛОМ**

(Интервью «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт», 11 декабря 1979 г.)

Э. ван ден Хааг — видный психоаналитик и социолог.

В о п р о с: В чем причина стремительного роста преступности в последнее время?

О т в е т: Мы живем в обществе, где людям предоставлено гораздо больше свободы, чем они когда-либо имели: свободы от соблюдения классовой и групповой морали. Частично это вызвано идеологическими изменениями, частично возросшей мобильностью, которая позволяет с большей легкостью выйти за пределы семьи или микрогруппы. Более того, жизнь людей регламентируется не так строго, как раньше, поэтому все дозволено.

Вместе с тем, пользуясь своей свободой, многие видят, что счастье обошло их стороной. Рай, о котором они мечтали, оказался пустым. Я думаю, что это относится к таким сектам, как группа Чарльза Мэнсона*, и к другим религиозным и даже психологическим сектам, основанным на личности одного вождя, который

* Банда Ч. Мэнсона обрела скандальную известность в США после жестокого убийства кинозвезды Ш. Тэйт по религиозно-культовым мотивам.

обещает своим последователям, что жизнь их будет иметь смысл.

В о п р о с: А культовые убийства в Гайане?*

О т в е т: Там были в основном люди среднего и пожилого возраста, которые последовали за своим руководителем опять-таки потому, что он обещал придать какой-то смысл их жизни.

В о п р о с: Чем объяснить насилие, совершаемое одним человеком, например убийства в Сан-Франциско и многочисленные убийства в других местах?

О т в е т: Есть множество людей в нашем обществе, которые накопили в себе огромное негодование против этого общества. Чем бы они ни объясняли это, по-моему, главная причина в том, что капиталистическое общество не наделило их жизнь никаким смыслом.

* Речь идет о массовом самоубийстве в 1978 г. членов секты, состоящей в основном из американцев, переселившихся в Гайану.

Образ жизни — страх

В о п р о с: Стало ли насилие, вызванное такими общими причинами, превалировать в последнее время?

О т в е т: Да, думаю, что так.

В о п р о с: И все же говорят, что преступность в США — явление такое же «американское, как вишневый пирог»...

О т в е т: Но посмотрим на преступность в Италии и Западной Германии. Там есть молодые люди, которые также не видят абсолютно никакого смысла в своей жизни, поэтому они находят смысл в том, чтобы разрушать свои общества. Они испытывают отвращение к самому процветанию, которое делает их жизнь бессмысленной. Насилие существует во всех обществах, во все времена, но проявляется оно по-разному. Например, в Японии число самоубийств намного превышает число самоубийств у нас, так как в Японии гнев людей по поводу пустоты их жизни обращен внутрь, а у нас наружу.

В о п р о с: К чему, вы думаете, может привести эта новая волна насилия в Соединенных Штатах?

О т в е т: Она может подняться еще выше в своих псевдополитических проявлениях, особенно в Калифорнии, где в последние 10 лет почти непрерывно взрываются бомбы то в компаниях, то в зданиях колледжей. Если мы и дальше не будем ничего предпринимать, их число увеличится. Когда волна насилия разольется достаточно широко, люди потеряют терпение, и тогда будут приняты более серьезные меры.

В о п р о с: Что, по-вашему, следует сделать, чтобы восстановить порядок?

О т в е т: К сожалению, наши органы правопорядка в настоящее время скованы. Если есть группа людей, склонных к социальному насилию, невозможно — сколько бы ни было полицейских — остановить их. Для этого надо иметь в этой группе осведомителей, а иметь таких осведомителей стало очень трудно из-за действия судов. Такие ограничения следует ослабить. Мы должны восстановить смертную казнь, особенно для террористов. Я не говорю, что смертная казнь — панацея, но наше нежелание, особенно образованных людей, прибегать к ней есть часть общего нежелания наказывать кого-либо за что-либо.

В о п р о с: Как погасить внутренний гнев, о котором вы говорите?

О т в е т: Одного лекарства для всех нет, но кое-что можно было бы сделать. Семья, которая пользовалась значительным влиянием, утратила большую часть своей спаянности и авторитета. Необходимо остановить тенденцию к перекладыванию родительской ответственности на

общественные институты, начиная с детских садов. Основы морального воспитания можно, я думаю, заложить только дома. Церкви также должны дать людям что-то, во что можно верить. Одна из причин распространения сект состоит в том, что обычные церкви стали слишком слабыми. Мы должны попытаться помочь людям обрести такое представление о жизни, которое придало бы ей больше смысла.

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ...

Более **27 000** американцев в год кончают жизнь самоубийством, это число растет в периоды ухудшения экономического положения.

В США убивают **23 000** человек в год.

13 000 000 человек в год становятся жертвами различных преступлений: изнасилования, грабежа, воровства и т.д.

550 000 человек находятся в заключении. Каждую неделю население тюрем увеличивается на **300** человек. По словам американской прессы, Соединенные Штаты «переживают бум тюремного строительства», который нарастает по мере углубления экономического кризиса и роста преступности.

10 000 000 человек злоупотребляют алкогольными напитками.

450 000 человек регулярно употребляют героин, **9 850 000**— кокаин и **31 450 000** курят марихуану.

37 000 000 человек, или каждый шестой американец, прибегают к помощи транквилизаторов.

25 000 000 человек, или каждый десятый, обращаются к психиатру.

1 000 000 детей каждый год убегают из дома.

12 000 000 человек были без работы к началу 1983 года.

6 500 000— работали неполный день, а еще около **3 000 000** человек не работали, но не входили в официальные списки безработных, поскольку не были зарегистрированы на бирже труда.

31 500 000 американцев живут на доходы ниже официально признанного уровня бедности.

12 000 000 голодают или получают недостаточное питание.

2 000 000 человек не имеют крыши над головой.

КОММЕНТАРИЙ

Соединенные Штаты Америки — динамичная страна. Не только новости и передовые технические достижения, но и социальные и экономические неурядицы распространяются в ней чрезвычайно быстро. Узнает о них американец не только из газет и телепрограмм. Цены на товары ежедневного спроса, качество коммунальных услуг, состояние дорог и уровень промышленного загрязнения воздуха, масштабы преступности в городах и качество образования, словом, образ жизни миллионов американцев — чуткий барометр происходящих в стране экономических и социальных изменений. В последние десятилетия «американский образ жизни» рекламировался как синоним процветания и преуспевания. Но сегодня все чаще американцы обращают внимание на кризисные явления именно в сфере образа жизни в своей стране, на кризис городов и коммунальной инфраструктуры, обострение экологической ситуации и рост субъективной неудовлетворенности людей жизнью в США. И об этом достаточно четко говорится в статьях. Федеральное правительство сваливает вину за не-

урядицы на штаты, штаты кивают на правительство, а люди из-за отсутствия воды и электричества отправляются на работу неумытыми и небритыми, часами нервничают и дышат выхлопными газами в пробках на перегруженных дорогах. И это, если верить статьям, не самое страшное, поскольку случаются еще и промышленные катастрофы, взрывы и массовые отравления ядовитыми отходами. Но даже такие «мелочи», как наличие горячей воды в кране, теплые батареи отопления и ровные асфальтовые дороги, которые не замечаешь, пока они есть, способны, когда их нет, серьезно повлиять на настроение человека, на уровень субъективной удовлетворенности своей жизнью. И по мере того, как национальный бюджет отдает все большее предпочтение пушкам перед асфальтом, все более проблематичными становятся возможности какого-то радикального решения вопросов инфраструктуры. Недаром некоторые футурологи предлагают утопические идиллические варианты сельскохозяйственных коммун, а сторонники альтернативных жизненных стилей осуществляют их на практике, предлагая, как они полагают, одну из вероятных моделей американского будущего. Да и «электронный коттедж» Э. Тоффлера, столь популярный сегодня, помимо всех прочих достоинств, призван до минимума сократить пользование дорогами, общественным транспортом и мостами.

Упоминание об «электронном коттедже» позволяет перейти к важнейшей проблеме современного американского общества — к проблеме изменения содержания труда и появления нового поколения рабочих. Действительно, за последние 10—15 лет в сфере американского

наемного труда произошли существенные сдвиги. Даже с учетом инфляции до 1980 года повышалась заработная плата рабочих, рос их жизненный уровень. Однако, как верно отмечается в статье Сары Фриц, наряду с этим росло и недовольство своим трудом у все возрастающей части американских рабочих. Об этих же тенденциях свидетельствовали и опросы общественного мнения. С начала 80-х годов в условиях резкого роста безработицы, сопровождаемого инфляцией крупных масштабов, наметилась тенденция к некоторому снижению уровня жизни американского рабочего. С сокращением общих доходов американского капитала, вызванным экономическим кризисом и застоем, уменьшилась и «доля пирога», выделяемая рабочим.

Сегодня, когда массовая безработица становится хроническим явлением, нота фальши звучит в рассуждениях американских социологов о повышении «качества жизни» и удовлетворенности людей содержанием труда, порожденном автоматизацией и компьютеризацией производства.

Миллионы людей не просто временно лишаются заработка, как это бывало прежде, но, теряя работу, вообще исключаются из производственного процесса. Ибо при современных темпах развития техники человек, не нашедший работу или потерявший ее на длительный срок, неизбежно утрачивает свою квалификацию, а следовательно, и всякую ценность для нанимателя. Даже обладание высокой квалификацией ничего не гарантирует. Среди безработных, как известно, немало людей с высшим образованием, особенно среди молодежи. И если прежде уни-

верситетский диплом до известной степени гарантировал определенный уровень жизни, то ныне он, как говорят в США, представляет собой всего лишь «дорогостоящий лотерейный билет». Рост механизации и автоматизации производства угрожает превратиться в настоящее бедствие для широких масс американцев.

На этом фоне мало оправданным представляется оптимизм Отто Фридриха, когда он говорит, что «общее правило, судя по всему, заключается в том, что новая технология создает столько же рабочих мест, сколько уничтожает, а подчас и больше». Чаще всего это не так, поскольку предпринимателям выгоднее сократить численный состав рабочей силы при той же производительности труда, а если баланс и поддерживается, то возникает ряд новых проблем, кардинального решения которых в условиях современной Америки не видно (об этом, кстати, говорит дальше и сам автор приведенной статьи).

Более того, здесь возникает еще один аспект этой проблемы, а именно — отчуждение человека в условиях сверхавтоматизированного и электронизированного общества. Все чаще человек начинает чувствовать себя придатком машины, осознавать свою подчиненность и зависимость от электронных чудовищ, воплощающих для него научно-технический прогресс. Скажем, увлечение видеоиграми приучает человека жить в мире иллюзий, причем жестоких иллюзий, лишает его самостоятельности и инициативы, а вкупе с телевидением заставляет принимать как должное действительность, в которой преобладает право сильного, а насилие и жестокость становятся обыденностью. В реальной жизни человек неизбежно сталкивается с про-

цессами и явлениями, которые не столь просты, как на телевизионных экранах, и эти столкновения приводят либо к разочарованию в жизни, к ощущению крушения всех надежд, о чем свидетельствует непрекращающееся увеличение количества самоубийств, либо к попыткам разрешения противоречий путем насилия, что находит выражение в гигантских масштабах преступности в США. Интервью с ван ден Хаагом достаточно иллюстративно в этом смысле.

В Америке есть группа людей, численно довольно значительная, которая считает, что путь к социальным переменам лежит в усовершенствовании самих себя и своего непосредственного окружения. Это так называемые «альтернативисты», искатели «альтернативных ценностей», экспериментаторы в области «альтернативных жизненных стилей», прямые наследники контркультуры 60-х годов. 70-е принесли в американское общество переоценку многих ценностей, личных целей и представлений об успехе, браке, семейной жизни, работе и досуге, отношениях между полами, между родителями и детьми и о многих других вещах. Конец 70-х — начало 80-х годов поставили большинство американцев перед фактом, что вопреки ожиданиям получать блага становится все труднее. Несмотря на спад экономики, люди по привычке продолжают вести себя так, как если бы сохранялась старая экономическая ситуация. Они смущены и сбиты с толку изменениями, которые подрывают их ожидания, однако все еще надеются на возвращение к «добрым старым временам». По мнению Д. Янкеловича, высказанному им в своей последней книге «Новые правила», в Америке происходит гигантское перемещение куль-

турных пластов, после которого возврат к прошлому будет невозможен. Видимо, маститый американский социолог прав, и потускневшей «американской мечте» нельзя придать прежний блеск. Вместе с тем массе американского населения еще очень свойственна ностальгическая тяга к прежним традиционным ценностям. Во многом именно благодаря умелому манипулированию этими настроениями американских избирателей консерватору Р. Рейгану удалось прийти к власти.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в последнее время лозунг формирования «новых ценностей» и повышения «качества жизни» все чаще используется как громоотвод буржуазными идеологами. В нем увидели некую общую платформу, на которой могут соседствовать и даже взаимно дополнять друг друга различные апологетические концепции и направления буржуазной, а часто и социал-реформистской мысли. Не отвергая технократического подхода к оценке современного общества, поборники повышения «качества жизни», с одной стороны, предостерегают против чрезмерного количественного экономического роста, с другой — утверждают, что мир стоит на пороге таких качественных перемен, перед лицом которых социалистические преобразования будто бы отступают на второй план и даже теряют смысл.

На практике подобные теории в конечном счете предназначены для того, чтобы увести трудящиеся массы от осмысления противоречий капитализма, причин обострения его социальных антагонизмов, лишить их реальной перспективы подлинно революционного преобразования общества. Новые теоретические

построения и формулы призваны посеять иллюзии, что радикальные социальные перемены — ликвидация нищеты и безработицы, улучшение здравоохранения, равные для всех возможности получения образования, защита свободы и достоинства личности независимо от расовой или национальной принадлежности — возможны в условиях капитализма.

«Качество жизни», «духовные ценности» есть понятия прежде всего социальные. Их содержание определяется, во-первых, тем, в чьей собственности находятся материальные и духовные ресурсы общества, во-вторых, способом распределения благ между членами общества. И наконец, насколько сумма этих условий способствует развитию человеческой личности, ибо, в конце концов, именно человек есть «мера всех вещей» и тем, как удовлетворяются его материальные и духовные запросы, определяется ценность любого общества.

История, открывая перед человечеством новые горизонты развития, требует от современных обществ обеспечения социального, духовного, материального прогресса народов. Осознавая проблемы и перспективы этого грядущего развития, все больше людей, в том числе в самих США, приходят к пониманию того факта, что американская капиталистическая модель общественного развития находится в глубоком конфликте с будущим.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Раздел I. Иллюзии «неограниченного роста»	
<i>Джерард О'Нейлл.</i> Америка и мир через сто лет	9
<i>Дэниел Белл.</i> Постиндустриальное общество . .	16
<i>Герман Кан, Джон Фелпс.</i> Настоящее и будущее экономики	25
<i>Элвин Тоффлер.</i> На пороге будущего . .	30
<i>Поль Кеннеди.</i> Об упадке Америки . . .	46
<i>Феликс Рогатин.</i> Углубление неравенства грозит развалом общества	55
<i>Уильям Серрин.</i> Новая техника: куда идти рабо- чим?	61
Скрытая сила подпольной экономики	70
<i>Орр Келли.</i> Преступления американских корпо- раций	76
<i>Лестер Браун.</i> Главная задача — ограничение военных расходов	90
<i>Ричард Смит Билл.</i> Кто станет лидером в зоне «Д»?	94
<i>Комментарий</i>	99

Раздел II. Политика будущего и будущее политики

<i>Роберт Олсон. Заполняя вакуум</i>	110
<i>Тэд Шульц. Устарел ли конгресс США?</i>	118
<i>Эдди Мэй. Будущее политических партий</i>	126
Правительство: беспомощное и коррумпированное	132
<i>Шеффилд Корнелл. Разнообразие новой оппозиции в США</i>	142
<i>Пьер Доммерг. Старые проблемы и новые надежды американских профсоюзов</i>	152
<i>Энн Джексон, Энгус Райт. Под знаменем лесов и озер</i>	165
<i>Элвин Санофф. Печать США — большая власть в руках немногих</i>	172
<i>Комментарий</i>	179

Раздел III. Прошлое и будущее «американской мечты»

Потускневшая «американская мечта»	191
Падение жизненного уровня	198
<i>Дэниел Янкелович. Угасающий семейный очаг</i>	206
Кризис американских городов	212
<i>Сара Фриц. Новое поколение рабочих</i>	219
<i>Отто Фридрих. Компьютер входит в жизнь</i>	229
<i>Эрнст ван ден Хааг. Общество не наделило их жизнь никаким смыслом</i>	239
Немного статистики	244
<i>Комментарий</i>	246

США 80-х: взгляд изнутри
«АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ»:
С БУДУЩИМ В КОНФЛИКТЕ

ИБ № 13086

Редактор Э. В. Расшивалова

Художник В. С. Чернецов

Художественный редактор В. Н. Пузанков

Технические редакторы Н. А. Кронова, В. Ю. Никитина

Корректор Н. И. Мороз

Сдано в набор 29.07.83. Подписано в печать 17.01.84. Формат $70 \times 90^{1/32}$.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Тип-таймс. Печать офсетная
Условн. печ. л. 9,36. Усл. кр.-отт. 18,86. Уч.-изд. л. 8,71. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 699. Цена 40 коп. Изд. № 37996.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

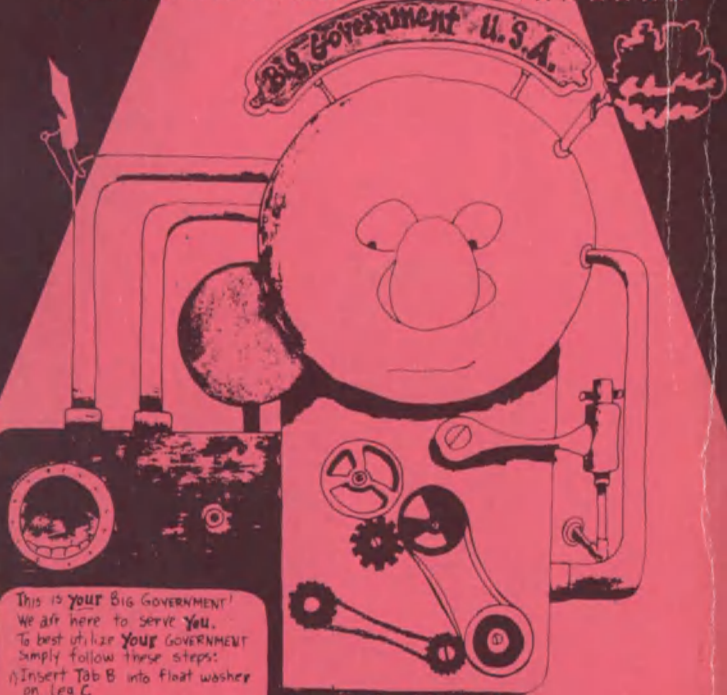
40 коп.

США 80:Х

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Big Government U.S.A.

This is **your** BIG GOVERNMENT!
We are here to **serve** You.
To best utilize **your** GOVERNMENT
Simply follow these steps:

- 1) Insert Tab B into float washer on Leg C
- 2) Come back tomorrow
- 3) Wind skinnisnorts until the hargees are tight but not taut.
- 4) Come back the day after tomorrow.

